
Ю
П 30

ШТАБ РККА
УПРАВЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

М. ПЕТРОВ

МОРСКАЯ ОБОРОНА БЕРЕГОВ В ОПЫТЕ ПОСЛЕДНИХ ВОЙН РОССИИ

ИЗДАНИЕ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПРАВЛЕНИЯ
1927 ДЕЛАМИ НКВМ и РВС СССР 1927

СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ ★ РККА

УПРАВЛЕНИЕ по ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

М. ПЕТРОВ

МОРСКАЯ ОБОРОНА БЕРЕГОВ В ОПЫТЕ ПОСЛЕДНИХ ВОЙН РОССИИ

(С 20 схемами в тексте)

ИЗДАНИЕ
ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПРАВЛЕНИЯ
ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР
1927

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
УПРАВЛ. ДЕЛАМИ
НАРКОМВОЕНМОР
И РВС СССР
Пл. Урицк., 10.
Ленинградский
Гублит № 23186.
Тир. 3.000—13 л.
Заказ № 912.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Организация береговой защиты является одним из основных жизненных вопросов, стоящих на очереди к разрешению в процессе строительства обороны СССР.

Для правильного разрешения этого вопроса опыт истории имеет весьма ценное значение. Но к нему необходимо подходить с чрезвычайной осторожностью, так как морская оборона царской России разрешалась в прошлом весьма неудовлетворительно.

Предлагаемый вниманию читателей труд тов. М. А. Петрова выявляет условия целесообразности морской обороны берегов, останавливаясь на „единстве“ стратегии морской и сухопутной, на зависимости ее от политики, на влиянии географического элемента, на инженерном оборудовании морских театров, на совместных операциях армии и флота.

Автор подчеркивает, что главнейшей причиной неудачного решения русской морской обороны было „отсутствие единства взглядов на этот вопрос со стороны военного и морского ведомств“; он уделяет особое внимание розни этих ведомств, получившей свое оформление даже в военной науке, принявшей „ведомственный характер“.

Необходимо отрешиться от подобной розни и не повторять ошибок печального прошлого. В морской обороне берегов важнейшим условием. обеспечивающим успех, является теснейшее взаимодействие основных элементов вооруженных сил—армии и флота.

Труд тов. М. А. Петрова, имея общую научную ценность, особенно поучителен в этом отношении. Труд легко читается и может быть рекомендован не только всему комполитсоставу РККА, но и всем интересующимся вопросами обороны страны.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Для тех реальных задач, которые стоят в процессе военного строительства СССР, исследование операций морской обороны берегов имеет несомненно жизненное значение. С этим связано выяснение путей развития морских сил Союза, устройства и организации береговой защиты, а равно и выявление требований, предъявляемых морской обороной, в пределах этой операции, к подготовке и боевому использованию Красной армии.

Настоящий труд имеет целью проследить исторические предпосылки к современному пониманию задач и методов морской обороны, являясь попыткой систематизировать опыт трех последних войн на море конечного периода истории царской России, в которых операции на море имели ответственное значение: Восточной, Русско-Японской и Мировой войны.

Тот факт, что ни разу за это время морская оборона России не была решена вполне удовлетворительно, а в первых двух войнах (Восточной и Русско-Японской) исключительно неудачно, обязывает с чрезвычайной осторожностью отнестись к традициям в этом вопросе, преемственно переданным нам от прошлого. Эти традиции должны быть подвергнуты основательной ревизии, а опыт вновь пересмотрен, чтобы уберечься от проникновения в современные суждения идей, которые уже сыграли свою пагубную роль в истории русской морской обороны.

Я подхожу к вопросу о морской обороне прежде всего с точки зрения роли и задач военного флота, уделяя главное внимание морским операциям, вследствие чего другие вопросы, связанные с инженерной обороной и, в особенности, с действиями армии, остаются не вполне освещенными. Но при этом мной руководит определенная цель—связать проблему обороны с практической постановкой вопроса о восстановлении морских сил Союза, для которых оборона берегов, несомненно, является одним из основных вопросов, а опыт истории морской обороны в прошлом—особенно ценным.

Царский флот строился для широких империалистических планов. Но реальные условия, в которых ему пришлось вести

три последних больших войны, свели эти планы, в конечном счете, к обороне берегов. В одном случае—от англо-франко-турецкого флота, в другом—от японского и наконец, в Мировую войну—от германского и германо-турецкого. Следовательно, боевой опыт русского флота втечение этих войн может быть рассмотрен в плоскости морской обороны, и уроки его могут конкретизировать те отправные стратегические идеи, с которыми и Красному флоту приходится подходить к своей задаче.

В стремлении проследить эволюцию идей морской обороны, мне пришлось, более или менее систематически, изложить очерк истории флота в этих войнах.

Крымская и Русско-Японская войны разработаны по печатным источникам, перечень которых приведен ниже, Мировая—по архивным материалам и некоторым монографиям, в большинстве не напечатанным, выполненным работниками морской исторической комиссии в период ее существования—1919—1924 г.г.

М. Петров.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Оборона берегов в Восточную войну 1854/55 г.

Начиная исследование, имеющее целью осветить один из вопросов, стоящих на очереди дня, казалось бы, не стоило уводить внимание читателя столь далеко от современности, к Крымской кампании, так как с тех пор радикально изменились политические и стратегические условия и боевые средства войны.

Однако, при самом общем взгляде на события войн, близких нам, и события, отошедшие в область истории, нетрудно видеть, что, несмотря на эти изменения, старый боевой опыт сохраняет свое значение; что идеи, руководившие ведением войны, прежде всего идеи стратегии, оказываются весьма устойчивыми, несмотря на прогресс техники и эволюцию, какую мы наблюдаем, сравнивая условия современной войны с таковыми войн предыдущей эпохи.

В поисках обоснования суждений, присущих нам сейчас, мы неизменно приходим к необходимости изучить их исторические предпосылки, установить преемственность с прошлым и сделать из этого конкретные выводы.

Эта преемственность становится очевидной, если проследить развитие морской обороны, и в частности боевых задач флота, во время Крымской, а затем Русско-Японской и Мировой войны. Господствующие идеи русской морской стратегии в течении этих трех кампаний находятся между собой в самой тесной связи, аналогии же отдельных положений и самих событий этих войн подчас поразительны.

Уже в Крымскую войну мы находим сложившимися идеи, которые оказали давление на русскую морскую стратегическую мысль последующих кампаний, идеи, связанные с решением основного вопроса боевого использования морских сил в деле обороны берегов, ярко намечающие предпосылки не только к последующим войнам, но, отчасти, и к нашим современным взглядам на проблему морской обороны.

В круг нашей работы не входит исследование Восточной войны в ее целом. Мы оставляем в тени многие важнейшие события, не заботясь даже о том, чтобы дать полное представление о ходе кампании, а тем более исчерпать поучения ее богатого боевого опыта. Перед нами задача — исследовать идеи морской обороны—вопроса, который был так остро поставлен и так неудачно решен русской морской стратегией в этой войне.

Необходимо предварительно ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с состоянием морских сил России и средств береговой защиты к моменту начала войны, чтобы затем перейти к очерку боевых действий, связанных с обороной Черноморского и Балтийского побережий.

Состояние русского флота к 1854 году.

Морские силы России к началу Крымской кампании состояли из двух флотов—Балтийского и Черноморского и отдельных флотилий: Дунайской, Камчатской, Каспийской и Архангельской.

Русским Черноморскому и Балтийскому флотам не может быть дано общей характеристики (не только в рассматриваемое время, накануне Крымской войны, но и в последующий период, до Мировой войны включительно). Своеобразные географические и климатические условия морей, различие стратегических задач и обстановки, направлявшей подготовку, организацию и боевую деятельность, а в еще большей мере их изолированное положение, определили глубокое различие между обоими флотами. Пути развития их, с самого начала, не шли параллельно, отражая особенности обстановки, характерной для юга и севера России, и по разному реагируя на события, сопровождавшие общий ход русской истории последних лет.

Балтийский флот руководился непосредственно из Петербурга (Ленинграда). Он чутко воспринимал те взгляды, которые, в отношении вооруженных сил, складывались в кругах правительства. В частности, все характерные черты, присущие „николаевскому режиму“ вообще, на Балтийском море находили тотчас и полное отражение. „Смотровая“ тенденция, сводящаяся к показной стороне без особых забот о существе дела, муштровка, постоянное „подлаживание“ к господствующим настроениям и пр.—все это содействовало тому, что на Балтийском флоте чрезвычайно быстро выветрились традиции, наличия которых можно было бы ожидать после ряда успешных боевых кампаний, начиная с петровского времени и кончая сравнительно недавней блестящей экспедицией Сенявина в Средиземное море.

В то же время, Черноморский флот, удаленный от Петербурга (Ленинграда), и в силу этого в меньшей степени, нежели Балтийский поддавшийся разлагающему влиянию вышеука-

занных тенденций, значительно дольше сохранил свою боевую школу, сложившуюся в период долгих войн с Турцией. Наконец, наличие определенной идеи, на которой воспитывался личный состав,—идеи борьбы за Босфор, предъявлявшей вполне реальные требования к организации и подготовке флота—много содействовало тому, что Черноморский флот, как боевая часть, в рассматриваемое время был несомненно выше Балтийского.

Но они оба были детищем своей эпохи. В стране, где развитие железных дорог считалось „делом по меньшей мере бесполезным“, [1] которая, при своей технической отсталости, к тому же не проявляла, в лице своего правительства, нужной настойчивости и энергии в стремлении следить за развитием техники, особенно интенсивным в середине XIX века,—в этой стране флот не мог, в материальном смысле, быть на высоте. В России все еще считали парусные корабли основой боевой мощи, тогда как во Франции и Англии, в стане ее ближайших противников, в большом количестве строились паровые, а затем железные суда. Мы довольствовались примитивным оборудованием и вооружением кораблей, в то время как техника давала уже новые и могучие средства. Русское военное командование не учитывало того, что с каждым годом задержки и отставания вооруженные силы России, в особенности морские, все более теряли свое боевое значение.

Между тем, еще в 30-х годах русский флот представлял собой настолько внушительную силу, что вызывал опасения Англии, и это мнение о нем не рассеялось до начала Крымской войны, держалось и потом, пока, наконец, боевые операции не сорвали с него завесы и не обнаружили его полной технической несостоятельности.

Приводимая ниже сравнительная таблица сил русского и союзного флота характеризует отношение паровых и парусных судов и является показателем степени их технической „современности“. (См. табл., стр. 12).

Превосходство союзников в числе паровых судов, в особенности паровых линейных кораблей, давало им неисчислимые преимущества перед русским флотом. Парусные корабли в своих движениях были связаны зависимостью от ветра, паровые — могли свободно располагать своими курсами, а в бою выбирать такие положения, при которых первые не были даже в состоянии использовать своей артиллерии.

Суда Черноморского флота находились в относительной исправности. Частые и продолжительные крейсерства в море, выработавшаяся хорошая школа давали основание оценивать Черноморский флот, как парусный, на высоте.

---

[1] А. Зайончковский. Восточная война.

Морские силы России и коалиции в начале войны 1854—55 гг.

Суда	Балтийское море		Черное море	
	Русский флот	Союзный флот	Русский флот	Союзный флот
Парусные суда.				
Линейные корабли . . .	24 (+7 старых)	14	15	14
Фрегаты	7	6	7	—
Гребные канонерские лодки . . .	26	—	—	—
Паровые суда.				
Линейные корабли .	—	14	—	—
Пароходы и пароходо-фрегаты . .	23	31	11	50[1]

Совершенно другую картину, в этом отношении, представлял Балтийский флот. Всю зиму он стоял на Кронштадском рейде, несколько недель плавания не давали практики личному составу и не вызывали строгих требований к материальной части, которая была в крайне запущенном состоянии.

Во главе морского ведомства и его фактическим распорядителем в период более 20 лет, предшествовавших войне, был кн. Меньшиков, оставивший о себе печальную память в истории флота России. Пользуясь исключительным доверием Николая I, он заботился более о том, чтобы флот „блестяще" выступал на смотрах, но нисколько—о подлинной его боевой готовности. Разрушение Балтийского флота—дело непосредственно его рук.[2]

Недостаток средств и дурное состояние материальной части создавали трудные условия для войны. Приниженная, скованная „николаевским" режимом, воспитанная на смотрах и церемониях военная мысль лишала стратегию необходимого импульса. Личный состав в этой войне „честно" исполнял свой долг, смело шел на смерть, но в нем не было, в особенности

[1] Колесные и винтовые, тогда как в составе русского флота были исключительно колесные.

[2] Разрушение русского флота в этот период не только дело рук Меньшикова. Это характерно для всей государственной системы в целом. Меньшиков лишь яркое отражение этой системы в области строительства морского флота. *Ред.*

среди старших начальников, руководивших ответственными операциями, тех данных, которые только и могут быть созданы в процессе рационально поставленной подготовки к войне.

Состояние приморских крепостей.

Слабость морских сил, при ограниченности их возможностей, предъявляла особо строгие требования к оборудованию театра—как для целей обороны в точном смысле этого слова, так и для обеспечения действий флота, нуждающегося в хорошо оборудованных и защищенных базах.

Состояние крепостной и береговой обороны России в Крымскую войну вполне соответствовало общему состоянию ее вооруженных сил, но здесь дефекты были еще глубже, техническая отсталость еще разительнее, организация-еще менее удовлетворительна.

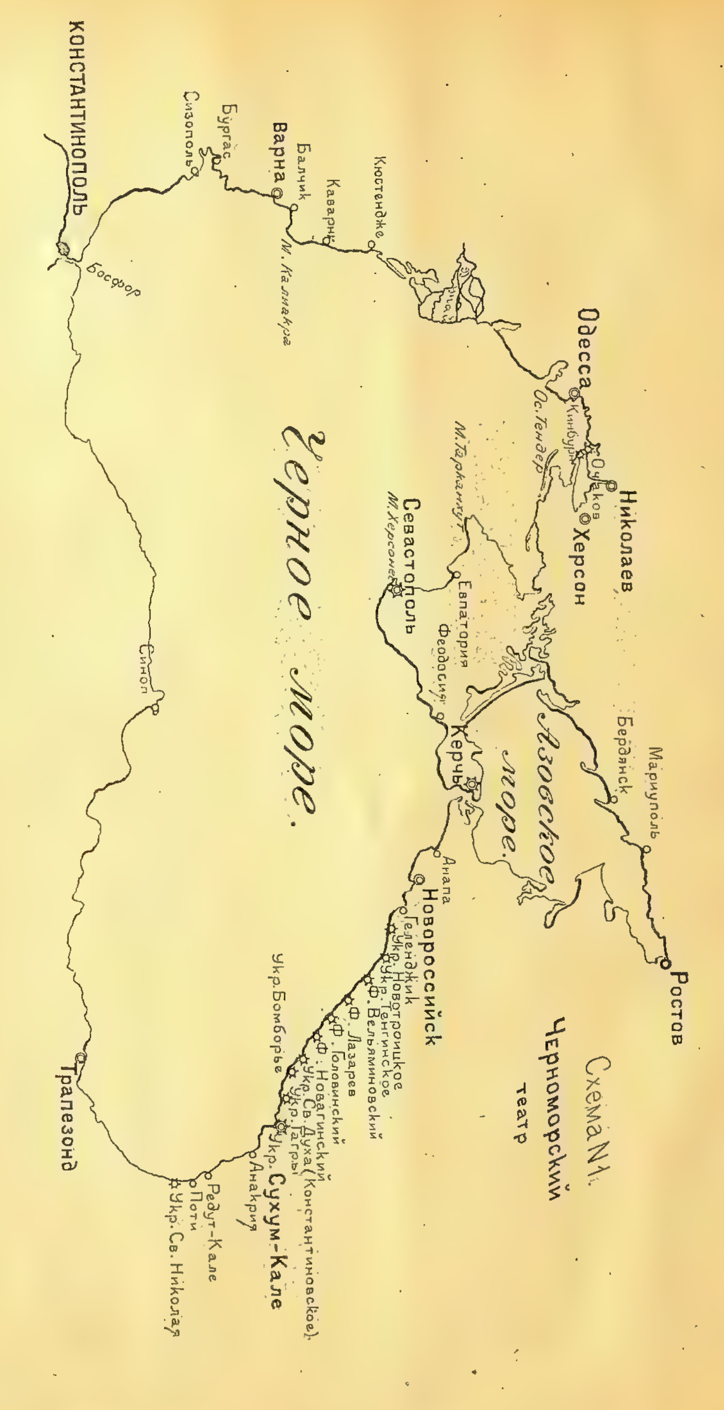
К рассматриваемому моменту приморские крепости, как в отношении общего расположения их, так и в смысле оборудования каждой, являлись как бы наследственным наслоением, остатками, не слишком тщательно поддерживаемыми, от прежних времен. Большинство старых, утративших свое стратегическое значение крепостей не уничтожалось; они продолжали влачить существование. Но при этом не поддерживались на уровне современности и важнейшие крепости, как служившие базами флота, так и прикрывавшие подступы к направлениям и имевшие крупное стратегическое значение.

В результате—большое количество крепостей создавало лишь иллюзию обороны, удовлетворяя только „показную“ тенденцию эпохи. Реклама была велика и в этом смысле имела даже боевое значение. Противник, при оценке нашей обороны, находился под некоторым ее влиянием. Но там, где развивались военные действия, где вопрос шел о действительной, а не показной боеспособности, там тотчас сказывались печальные последствия подлинного состояния крепостей. Они сказались прежде всего в решительном пункте кампании—в Севастополе.

А. Черноморский театр.

На берегу Черного моря перед началом кампании имелись следующие укрепленные пункты: укр. св. Николая, Поти, Редут-Кале, Анакрия, Сухум-Кале, Бомборы, Гагры, укр. св. Духа (Константиновское), ф. Навагинский, ф. Головинский, ф. Лазарев, ф. Вельяминовский, укр. Тенгинское, укр. Новотроицкое, Геленджик, Новороссийск, Анапа, Керчь, Севастополь, Очаков, Кинбурн, Одесса (сх. № 1).

Севастополь, служивший главной и единственной базой Черноморского флота, являлся крепостью, в собственном смысле этого слова, хотя вооружение и оборудование его оставляли ждать много лучшего (см. ниже). Прочие же, в большинстве, были в полузаброшенном состоянии и ни в какой мере не могли служить сколько - нибудь надежной защитой

Схема N1.
Черноморский театр
Черное море.
Азовское море.
Ростов
Мариуполь
Бердянск
Николаев
Очаков
Херсон
Одесса
Кинбурн
Ос. Тендер
М. Тарканхут
Евпатория
Феодосия
Керчь
Севастополь
М. Херсонес
Анапа
Новороссийск
Геленджик
Укр. Новотроицкое
Укр. Тенгинское
Ф. Вельяминовский
Ф. Лазарев
Ф. Головинский
Ф. Новагинский
Укр. Св. Духа (Константиновское).
Укр. Гагры
Укр. Бомборье
Укр. Сухум-Кале
Анакрия
Редут-Кале
Поти
Укр. Св. Николая
Трапезонд
Синоп
Кюстендже
Каварна
Балчик
М. Калиакра
Варна
Бургас
Сизополь
Босфор
КОНСТАНТИНОПОЛЬ

пункта, где были расположены, или обеспечивать действия флота в их районе, давая частям последнего спокойную стоянку и снабжение.

Укрепления северо-западной части побережья совершенно не прикрывали двух важнейших направлений, вероятных для неприятельского десанта—на Одессу и Николаев.

Укрепления Одессы состояли из двух батарей, которые не в состоянии были оказать сопротивления при бомбардировании города союзниками (10 апреля 1854 г.), огнем которых они быстро были приведены к молчанию. Кинбурн, существовавший в том виде, в каком был укреплен еще Суворовым (1788 г.), и слабое Никольское укрепление, единственное оставшееся из Очаковских укреплений, не составляли существенного препятствия для неприятеля.

Кавказский берег был укреплен рядом малых крепостей и батарей от Анапы до поста св. Николая, образовавших так наз. „Черноморскую береговую линию". Последняя была оборудована не столько с целью защиты побережья, сколько с целью прекратить сообщения горцев Кавказа с морем и Турцией. Отдельные форты не имели между собой путей сообщения. Они были слабо вооружены, обладали малочисленным гарнизоном.

Слабость защиты Кавказского побережья ставила под угрозу противника важнейший стратегический пункт—Новороссийск, который мог служить для него хорошей базой при развитии военных действий в северо-восточном направлении и на Кавказе.

Флот не имел обеспеченной стоянки ни в одном пункте Кавказского побережья.

Самая возможность существования Черноморского флота и ведения им боевых действий зависела от оборудования и обеспеченности Севастополя. С его падением Черноморский флот лишался убежища и обрекался на гибель. Это вызывало особо строгие требования к укреплению, снабжению и оборудованию Севастополя.

Между тем, укрепления Севастополя не отвечали его ответственному назначению. Приморский фронт поддерживался в относительно приличном состоянии, имел 8 сравнительно сильных батарей, чему способствовал и характер берегов, трудно доступных со стороны моря.

Что же касается сухопутного фронта, то он почти не имел защиты, местность же была крайне неудобна для его обороны. Постройка новых укреплений была начата незадолго перед войной, но подвигалась крайне медленно и лишь энергией защитников Севастополя (Тотлебен) была более или менее закончена уже после высадки союзников в Крыму. Сухопутные укрепления были сосредоточены, главным обра-

зом, на южной стороне, на северной же был лишь старый форт постройки еще 1818 года. (см. схему № 2).

Что касается Керчи, то „среди нашей высшей администрации господствовало убеждение, что Азовское море вполне обеспечено от вражеского нападения за мелководностью Керченского пролива, который позволяет войти в Азовское море только мелко сидящим пароходам. Лишь во время войны был принят ряд запоздалых мер к усилению этих важных пунктов“ (Зайончковский. „Вост. война“. 1). Перед войной старые укрепления в районе Керченского пролива были

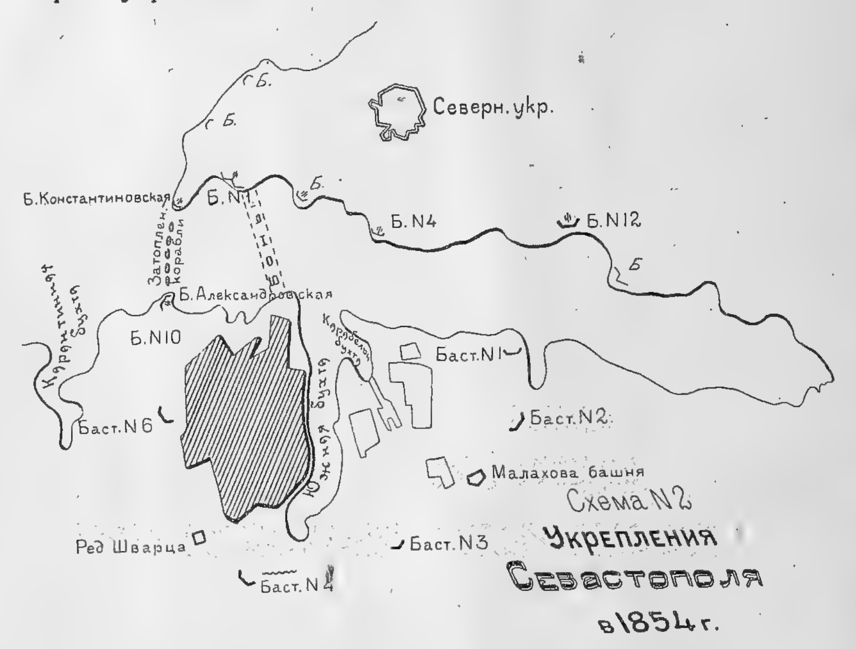

Схема N2
Укрепления Севастополя в 1854 г.

упразднены. Таким образом, для противника оставалось открытым и это направление.

К общим недостаткам крепостей надлежит отнести малочисленность гарнизона, что в случае атаки противника сводило к ничтожным возможностям их оборону.

Этот недостаток был присущ также и главной крепости — Севастополю, сухопутный гарнизон которого насчитывал около 9.000 чел., что было совершенно недостаточно для обороны.

Таким образом, крепостное оборудование Черноморского театра не давало сколько-нибудь прочного обеспечения обороне берегов ни в одном из важнейших пунктов, даже — главной базы флота — Севастополя. Последнее должно было тяжело сказаться на операциях флота: „все действия в открытом море вдали от Севастополя парализовались висевшей

над флотом опасностью быть отрезанным от своего единственного порта убежища". [1]

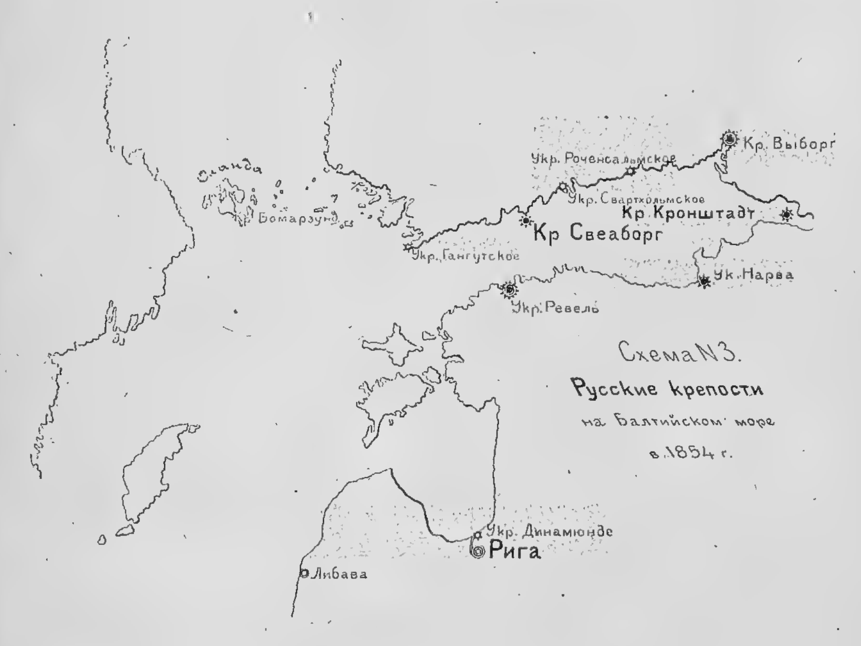
Эта необеспеченность берегов, в частности базы, влекла за собой два важных следствия.

1) Приковывала центр тяжести оперативной мысли флота к берегам, важные пункты которых не имели достаточной местной защиты.

2) Флоту пришлось во время войны отдать часть своих рессурсов и вооружения нуждавшемуся в том берегу.

Б. Балтийский театр (сх. № 3).

На Балтийском море в 1853 г. существовали следующие укрепленные пункты: крепости—Кронштадт, Свеаборг, Выборг и Бомарзунд; укрепления—Роченсальмское, Свартхольмское, Гангутское, Ревель, Рига с Динамюнде, Нарва; при чем все, за исклю-

чением Кронштадта и Бомарзунда, приблизительно в том же состоянии, что и крепости Черного моря.

Главной базой флота был Кронштадт. Его укрепления состояли из двух линий: в первой линии не вполне законченные форты „Павел" и „Александр", во второй — „Петр" и „Кроншлот", „Меньшиков"—более старой постройки, наконец, укрепления на стене Купеческой гавани.

---

[1] Лихачев. „Очерк действий Черноморского флота в войну 1853—54 г.г." Воен. Сб. 1902 г.

Несмотря на то, что форты Кронштадта во время войны были приведены в надлежащее для обороны состояние, артиллерия их усилена, инженерные работы закончены и пр., общий план крепости оставлял существеннейшие пробелы.

С северной стороны крепость не была обеспечена от прорыва неприятеля, так как господствовало мнение, что северный фарватер непроходим для больших судов; в действительности же глубины это позволяли. Промеров и соответствующих исследований произведено не было. Таким образом, противник мог обойти Кронштадт с севера, не будучи поражаем огнем.

Кроме того, между фортами Кронштадта и Ораниенбаумским берегом оставалось 5-верстное пространство, не покрываемое огнем первых. Этим направлением неприятель мог также воспользоваться для прорыва.

Наконец, малая дальность артиллерии давала возможность противнику в расстоянии 2 миль от фортов быть вне ее досягаемости.

Крепость Свеаборг имела крупное стратегическое значение, как передовая база русского флота и опорный его пункт при действиях в западной части залива, на пути движения противника по направлению к столице.

Но состояние обороны ее совершенно не соответствовало ее значению. План и крепостные сооружения оставались неизменными с 1809 года. Большинство укреплений устарели, некоторые разрушались от собственной стрельбы. Крепость была совершенно открыта с тыла и со стороны берега.

Приморские укрепления Выборга были ничтожны. Их усилили лишь во время войны. Укрепления Роченсальмское, Гангутское, Ревеля, Динамюнде и Свартхольмское существовали в запущенном состоянии и боевого значения почти не имели. В еще худшем состоянии находились укрепления Нарвы.

В 30-х годах была начата постройка новой крепости в Бомарзунде, назначением которой было—служить оплотом обороне Оланда, являясь в то же время передовой маневренной базой флота, действующего в этом районе. Но к 1853 году эти укрепления были далеко не закончены. „Они явились на суд истории двадцать три года спустя, в размере только одной пятой проектированной в 1831 году, без всякого применения к новым данным артиллерийской техники и при обстоятельствах, уничтожавших возможность активного действия флота"...[1]

Таким образом, общая картина береговых укреплений Балтийского моря не являлась отличной от таковой же на Черном море. Как тут, так и там их инженерное оборудование не могло служить сколько-нибудь прочной базой ни для дей-

[1] Зайончковский—Восточная война, т. I.

ствия флота и армии, ни, наконец, оказать прочное сопротивление противнику в месте, ими прикрываемом. Не были исключением ни Кронштадт, ни Севастополь.

Большое количество крепостей, при слабости вооружения и оборудования, при систематическом урезывании кредитов на их усиление, при недостатке гарнизонов и пр., приводило к тому, что реальная боевая деятельность при такой обороне была фактически ничтожна.

Русская армия перед Крымской войной.

Следующим элементом обороны является армия, способная противодействовать противнику на побережьи, при высадке десанта и дальнейших его операциях на территории страны.

Россия в кампанию 1854—55 г.г. обладала армией в составе около 1.200.000 бойцов, которая по численности своей представляла громадную по тому времени силу. В отношении же вооружения, снабжения и в особенности боевой подготовки русская армия Николаевской эпохи несомненно, так же как и флот, не была на высоте современных требований [1].

Но каково бы ни было состояние армии, численный состав ее давал возможность осуществить крупное сосредоточение в решающем направлении,

При угрозе побережью, армия могла, будучи сосредоточенной к угрожаемому пункту, ликвидировать высадку противника, по крайней мере в пределах, кои были мыслимы для десантных экспедиций тех времен вообще.

Однако, состояние путей сообщения в России не давало к тому быстрых возможностей. Железных дорог было всего 979 верст, а шоссейные дороги получили преимущественное развитие в Привислинском крае; от столиц—шоссе доходило

---

[1] Куропаткин, в „Итогах войны", так характеризует состояние армии перед Крымской войной: „После успешных войн начала XIX столетия армия наша, по отношению к выучке и вооружению, пошла не вперед, а назад. Аракчеевский взгляд на службу глубоко цроник во все слои армии. Особенно был слаб старший начальствующий персонал. О том, что армия назначается для войны, было забыто. Показная сторона взяла верх над сущностью. Ружейные приемы и церемониальный марш были поставлены выше всего. Наилучшим показателем взглядов той эпохи на нашу боевую силу служат несомненные факты подскобки и подпиливания, с разрешения начальства, разных частей в ружье (гаек и шомполов), чтобы при ружейных приемах получался дружный звук тысячи ружей, приятно ласкавший ухо начальников того времени. Начавшееся в России после Наполеоновских войн освободительное движение, проникшее в ряды армии, сменилось административным гнетом, тяжело отразившимся на всех видах деятельности в России, на всех сословиях, в том числе и на военном.

„Вся Россия облеклась как бы в мундир, застегнутый на все пуговицы и вытянутый в струнку. Россия, а с ней и армия, могли говорить только „слушаюсь", „так точно" и „все благополучно"... Всякое проявление в армии инициативы, не по команде, было караемо...

„Но и в материальном отношении мы отстали от европейских армий. Очевидно, что при взгляде на ружье, как на средство производить шумные ружейные приемы, мы не спешили с перевооружением армии"...

только до Орла, а далее—шли грунтовые дороги. При таких сообщениях было трудно успеть перебросить войска; они могли подходить несоразмерно медленно, сравнительно с темпом возможного развития десантных операций противника.

Тем большая предусмотрительность должна была быть проявлена в дислокации войск. Однако, даже тогда, когда определилось главное направление и грозила высадка на Крым, дислокация русских войск не выходила из схемы кордона, растянутого от Торнео до берегов Черного моря.

Описанные выше данные характеризуют, в общих чертах, стратегическое развертывание сил России с точки зрения обороны побережья. Для уяснения картины развертывания необходимо бросить общий взгляд на планы этой обороны, какими они сложились к моменту определившейся угрозы побережью. [1]

Планы флота. Основной идеей русской морской стратегии к половине XIX века—было обеспечение выходов из Черного и Балтийского морей в океан. В первом оно не мыслилось иначе, как в виде захвата Босфора, во втором—выражалось в стремлении подчинить Данию нашей политике, осуществив контроль проливов.

Первоначальный план войны на Черном море предусматривал высадку десанта на Босфор и занятие Константинополя. По этому плану в течении ряда лет велась подготовка Черноморского флота.

В конце декабря 1852 года, ввиду осложнившейся политической обстановки на Ближнем Востоке на почве столкновения интересов Турции, Франции и Англии с одной стороны, России—с другой, последняя была принуждена принять подготовительные меры на случай войны, в виде приведения в боевую готовность двух корпусов и Черноморского флота.

Целью военных действий Николай I поставил—„нанесение неожиданного, решительного удара, посредством сильной экспедиции в Босфор и Царьград, не давая опомниться туркам или вмешаться Англии“.

В то же время было приказано готовить в Одессе и Севастополе десант, в первую очередь которого должны были войти две пехотные дивизии (13 и 14) с артиллерией, сапер-

---

[1] В августе 1854 года расположение наших войск на всем театре было следующее: более 200.000 для сбороны Балтийского побережья (137.000 под Петербургом, около 30.000 в Финляндии, 23.500 в Ревеле и 17.000 под Ригою), 140.000 в Царстве Польском, около 180.000 в Дунайской армии и Бессарабии; более 30.000 для охраны северо-западного побережья Черного моря, от устья Дуная до Крыма; 39.000 в Крыму; около 46.000 для охраны побережья Азовского моря, восточного берега Черного моря и по северную сторону Кавказского хребта; 5.400 на малоазиатском театре и около 500.000 внутри. В общем итоге—более 1.250.000 и из них на решительных участках театра войны: на главном—39.000, второстепенном—54.000 (Леер, Стратегия, ч. III стр. 171). (См. сх. № 4).

ными частями и казаками. Операция должна была заключаться в прорыве флота с десантом в Босфор к самому Константинополю, с требованием немедленной сдачи и бомбардированием, в случае отказа. Для предотвращения же

возможности появления иностранных флотов считалось необходимым немедленно занять и Дарданеллы.

В январе 1853 года выехало в Турцию чрезвычайное посольство с Меньшиковым во главе, которому, в случае неуспеха переговоров, было предположено поручить выполнение десантной операции. В состав свиты Меньшикова входили морские и сухопутные офицеры (в том числе и адмирал Корнилов), имевшие задачей всестороннее ознакомление

с местностью, условиями прорыва флота и высадки десанта в Босфоре.

Однако, Меньшиков, дипломатическая миссия которого успехом не увенчалась, не счел выполнимой Босфорскую операцию, указывая на трудности, которые должны были встретить войска при высадке, и убедил Николая I отказаться от нее, хотя приготовления к ней, как сказано, были на полном ходу.

Вместо операции на Босфор, был выдвинут другой вариант: занятие рейдов Варны и Бургаса, перенесение сюда базирования флота, и затем—наступление армии по сухому пути на Константинополь.

Но под давлением князя Варшавского этот план был признан слишком рискованным. Он предложил ограничиться демонстративной оккупацией Дунайских княжеств, для оказания давления на Турцию. Эта идея и легла в основание осуществленного русского плана войны.

В результате наша армия, заняв княжества и не предпринимая дальнейшего наступления, дала возможность подготовиться туркам к войне, сосредоточить необходимые средства, и это создало обстановку, благоприятную для окончательного оформления англо-французской коалиции, дало время для организации и перевозки в Галлиполи их экспедиционной армии, и, наконец, сосредоточения в Босфоре союзного флота.

Так, под влиянием с одной стороны—желания избежать войны, хотя таковая была подготовлена предыдущей политикой России и являлась неизбежным следствием столкновения англо-французских и русских интересов, с другой—в силу нерешительности и опасения риска, потухла активная идея наступления на Босфор, к которой фактически была направляема подготовка Черноморского флота.

Существовал еще один проект, принадлежавший ген.-ад. Корнилову,—изложенный в поданной им записке 1 октября 1853 г. Меньшикову в ответ на вопрос последнего, „как употребить в настоящее время флот, и можно ли крейсировать". В ней Корнилов предлагал занять на Европейском и Азиатском берегах удобные рейды, опираясь на которые выделенные из состава флота отряды могли бы блокировать Турцию, прекратив ее морские сообщения. Такими рейдами, по мнению Корнилова, могли служить Сизополь и Синоп. Однако, проект этот не был приведен в исполнение.

Черноморскому флоту уже не ставились задачи характера наступательного, и вообще его боевое назначение утратило свою ясность.

Черноморский флот воспитывался на наступательных тенденциях. Теперь же ему ставились задания противоположного смысла. Способов ведения боевых операций в такой обстановке тоже не было разработано, планомерной подготовки

к ним не велось. Рессурсы флота и береговой обороны не соответствовали трудности задачи—противостоять сильнейшему и располагающему оперативной инициативой неприятелю.

В таком положении мы застаем русское командование в момент начала кампании.

Таким образом, в предпосылках планового характера необходимо отметить условия, которые имели большое значение на ход самой кампании,—и прежде всего, отказ от широкого активного использования морских сил для радикального решения вопроса обороны, путем занятия проливов, и обращение их деятельности на местную оборону побережья.

Очерк боевых действий Черноморского флота.

После разрыва дипломатических сношений с Турцией и приведения Черноморского флота в боевую готовность, последний был сосредоточен в Севастополе, имея в море два наблюдательных отряда. Первый, в составе 5-й дивизии флота под командой в-ад. Нахимова—в крейсерстве у Херсонесского маяка, с выделением 2 фрегатов и 3 бригов для установления линии наблюдения у Босфора; второй отряд у восточного берега Черного моря, с базой на Сухум—для наблюдения за Батумом и окрестным пограничным районом. В середине июля, вследствие появления в море турецких судов, бриги были убраны, фрегаты же придвинуты к Босфору.[1]

Несмотря на то, что турки уже 11 октября начали военные действия, обстреляв нашу флотилию на Дунае, а в ночь с 15 на 16 октября ими был вырезан гарнизон укр. св. Николая (на кавказской укрепленной линии),—по повелению Николая I, военных действий было приказано не производить, и только 1 ноября был объявлен манифест об объявлении войны. Правительство расчитывало на проблематичную возможность избежать войны, хотя с каждым днем промедления стратегическое положение все ухудшалось.

5 ноября Нахимов получил приказание крейсировать между Анатолийским берегом и Севастополем. Эскадра его, в составе 4 линейных кораблей, 1 фрегата и 1 брига, вышла из Севастополя 11 октября. 19-го к ней присоединился пароход (Бессарабия), привеший известия о начале турками военных действий. С тех пор и до 18 ноября (дня Синопского боя), несмотря на жестокие осенние штормы, адмирал

---

[1] В это время русское командование уже отказалось от экспедиции на Босфор. Между тем, Черноморский флот имел случай показать, в какой мере он был подготовлен для выполнения десантных операций. Ему была дана задача перевести из Севастополя в Сухум 13 пех. дивизию (16.000 чел., 2 батареи с обозом). В 10 дней войска были погружены, перевезены и высажены на берег в порядке выполнения операции.

Нахимов не покидал своего поста, в его эскадре сменялись только суда, потерпевшие аварии.[1]

Нахимов выдержал у берегов Анатолии 8 ноября шторм, от которого два корабля и один фрегат, вследствие полученных повреждений, должны были отправиться в Севастополь. Турецкая эскадра, обнаруженная им в Синопе, состояла из 7 фрегатов, 3 корветов и 2 пароходов, стоявших под защитой батарей. Решив ждать подкреплений из Севастополя, Нахимов блокировал Синоп. 16 ноября к нему присоединились 2 корабля Новосильского, и 18-го он атаковал турок, уничтожив их отряд, за исключением одного парохода, успевшего спастись. Он разбил турок раньше, чем к нему подоспело подкрепление из Севастополя, в составе вышедших на соединение 3 линейных кораблей, и до прихода Корнилова, который спешил к Синопу с тремя пароходами.

20 ноября в Константинополе было получено известие об уничтожении в Синопе турецкой эскадры. Оно там произвело чрезвычайное впечатление. Флот союзников в это время стоял в Бейкосской бухте (в Босфоре), готовый ко всяким случайностям, хотя война была объявлена только между Россией и Турцией. Немедленно были направлены в Синоп английские и французские пароходы для помощи раненым туркам. 23 декабря, на основании приказаний, полученных союзными адмиралами от своих правительств, англо-французская эскадра вышла в Черное море, имея целью воспрепятствовать „всем дальнейшим покушениям Русского флота против турецких владений и турецкого флага.

С вступлением союзного флота в Черное море, крейсерства русских судов, в отдаленной части моря, прекратились из-за опасения быть отрезанными; и Черноморский флот держал лишь наблюдательную службу непосредственно вблизи Севастополя.

Союзный флот в составе 30 судов (17 парусных и 13 паровых), пройдя Босфор, направился к Синопу, где к нему

---

[1] С уходом Нахимова в крейсерство, в Севастополе флот был организован в 3 эскадры: 2 парусных корабельных под командой Новосильского и Вульфа и 1 пароходная Панфилова, для рекогносцировок в море.

20 октября Корнилов с 3 пароходами выходил на рекогносцировку к Румелийскому берегу; не обнаружив неприятеля, 2 парохода отослал в Севастополь; приблизившись на одном к Босфору, он увидел турецкую эскадру, входившую туда. Тогда Корнилов вернулся в Севастополь и 29 октября с эскадрой в составе 6 кораблей и парохода „Владимир" вышел в море. Продержавшись до 4 ноября при бурной погоде и не встретив неприятеля, он узнал от встреченных судов, что турки в Босфоре. Тогда Корнилов послал 2 корабля на соединение к Нахимову, сам пересел на „Владимира" и один отправился на рекогносцировку. Он встретил вооруженный пароход „Перваз-Бахри", вступил с ним в бой, взял в плен и привел в Севастополь.

Крейсерство Корнилова, фактически являвшегося главнокомандующим флотом, когда он, оставив флот, гонится за отдельным пароходом, показательно для самого Корнилова и для организации командования.

присоединились еще 5 турецких кораблей. В тот же день один пароходо-фрегат был отправлен в Севастополь с письмом, в котором официально сообщалось русскому флоту о вступлении в Черное море союзной эскадры; другим поручением фрегата было — произвести разведку Севастополя, воспользовавшись своим положением парламентера.

Вывод, который был сделан союзным командованием на основании разведки Севастополя, сводился к тому, что Севастополь недоступен атаке с моря открытой силой. „Вследствие этого обстоятельства ни разу во все продолжение кампании у союзников не возникала мысль форсировать вход на Севастопольский рейд прежде взятия с сухого пути укреплений Северной или Южной стороны“.[1]

Союзный флот не встретил противника, и в январе (10-го) вернулся на прежнюю стоянку в Босфор, в Бейкосскую бухту. Союзники начали укрепление Босфора, повидимому расчитывая, что русские приступят к активным действиям против Константинополя.

Среди оперативных предположений союзников, обращает на себя внимание проект (Буе Вильоме) заграждения Севастополя кораблями, наполненными камнем, для преграждения выхода русскому флоту из порта. Проект этот не был осуществлен, но он является показательным, насколько союзники сами опасались выхода Черноморского флота, а также для оценки последующего факта его затопления собственным командованием в октябре того же года.

Ограничившись пока только разведочными крейсерствами портов, союзники оставались в Бейкосе до тех пор, пока опасное положение турецкой армии на Дунае не вынудило их перейти сначала в Варну, а затем в бухту Балчик (в 4 милях от нее), где и застало их объявление войны.

В апреле союзная эскадра бомбардировала Одессу, после чего, втечение целого месяца, союзные суда крейсировали у западных берегов Крыма, из них 10 дней в районе Севастополя, приходя даже на вид его.

8 мая союзники вновь водворились в Балчике. К этому времени у них созрело решение оказать содействие турецкой армии высылкой экспедиционного корпуса и приступить к перевозке войск из Босфора в Варну. Для этого были привлечены все суда их флота, которые втечение всего времени переброски десанта были разделены отдельными отрядами между Варной и Босфором. Для прикрытия перевозки был выслан к Севастополю наблюдательный отряд из трех пароходов-фрегатов.

13 июня русские войска ушли за Дунай, очистив занятые ими в начале войны территории, и для союзной

[1] Лихачев. „Очерк действий Черноморского флота в 1853—54 г.г.“.

экспедиционной армии не было более объекта действий на сухом пути. Тогда было решено высадить десант в Крым для осады Севастополя и разгрома нашего Черноморского флота.[1]

Таков схематический очерк событий до решения начать десантную операцию на Крым и предпринять осаду Севастополя. Этот период кампании характерен тем, что прямой угрозы еще не было нашему побережью, так как боевые действия протекали на другом направлении, русский флот был свободен для активных операций, и объект таких операций был налицо—союзный флот.

Последний не раз дробил свои силы, занимался конвоированием транспортов и перевозкой войск, крейсировал отдельными операциями, выполняя случайные задачи.

Что же делал в это время русский флот и каковы были его намерения?

Внимание русского командования было приковано к Севастополю, в ожидании нападения союзников. Все корабли были стянуты сюда, организовывалась служба охраны рейда, причем флот принял участие в организации общей обороны крепости. Изредка высылались в поиски пароходо-фрегаты, и то, не выходя далеко в море, придерживались района близкого к Севастополю.

В море никакой разведки не велось, вследствие чего о неприятеле ничего определенного известно не было, и русское командование довольствовалось собственными предположениями, каковые сводились, как сказано, к ожиданию атаки на Севастополь.

„Таким образом"—пишет историк (Лихачев), „за весь период с декабря 1853 года до половины марта 1854 года наша Черноморская эскадра почти в полном составе находилась безвыходно в Севастополе. Не предпринималось ничего в открытом море, но в самом Севастополе—усиленно рабо-

---

[1] Леер так описывает этот момент: „Едва было окончено сосредоточение союзных сил в Варне, как избранный ими объект исчез. Русская армия ушла за Дунай. Между тем в лагере союзников появилась холера, завезенная из Марселя. Бездеятельность в 60 верстах от Дуная, сама по себе, уже производила тяжелое положение на войска. Дальнейшее бездействие могло бы только способствовать развитию болезненности и привести к полной деморализации войск, да и, наконец, трехмесячная подготовка к открытию кампании не могла же выразиться в ничегонеделании. Во что бы то ни стало необходимо было обратиться к деятельности. Все это вызвало несчастную по своим последствиям экспедицию Эспинасса в Добруджу. Таково было решение, принятое в главной квартире союзной армии в Варне. В то же время, и по тем же побуждениям, в Париже, в кабинете Наполеона III созрел другой план, именно: высадка в Крым, разгром Севастополя и нашего Черноморского флота, план, исполнение которого могло принести пользу разве только англичанам".

Леер—Стратегия, ч. III.

тали, насыпались новые батареи, производили смотры, ученья, тревоги, писались диспозиции, приказы, инструкции, правила...“ [1] В этих инструкциях, однако, не было указаний на возможность выхода нашему флоту навстречу противнику, в открытое море.

10 апреля союзная эскадра бомбардировала Одессу, а 16-го показалась в виду у Севастополя и крейсировала невдалеке от него втечение 10 дней. 26 апреля от нее отделилась небольшая эскадра в 9 кораблей для осмотра Феодосии и Кавказских берегов. Оставшиеся суда продолжали крейсерство вблизи Севастополя, в составе 18 судов. Русский флот мог расчитывать с успехом атаковать остающуюся у Севастополя часть сил противника, которая лишь незначительно превосходила его; и у русских было то преимущество, что бой произошел бы непосредственно вблизи базы, и даже в случае неудачи, они могли легко отойти. Ветер вполне благоприятствовал как выходу, так и возвращению флота в Севастополь. Стояли все время туманы. Один английский пароход в тумане сел на мель у Одессы и принужден был сдаться. Союзные суда часто разделялись туманом. Обстановка была благоприятная для боя русского флота,—но он не вышел.

С прояснением погоды союзная эскадра вернулась в Балчик.

Таким образом, русскими был упущен редкий случай благоприятной обстановки (сравни с положением в Порт-Артуре 2—10 мая 1904 г., глава 2).

Тем временем союзниками велась подготовка десанта в Крым Для высадки была назначена армия в 57.000 человек. Судовые средства состояли из 356 разного рода судов, в том числе 89 военных. Посадка началась в Балчике и Варне 24 августа.

Для выяснения точного места высадки десанта на четырех пароходах отправилась комиссия союзных адмиралов, которой после осмотра берегов было решено: „высадить войска в местности, лежащей между рекой Альмой и Евпаторией, заняв Евпаторию в день высадки небольшим отрядом войск, а затем, через три или четыре дня после высадки, двинуть армию на юг по берегу, вдоль которого направить эскадру из 15 пароходов, которые, обеспечивая правый фланг наступления, в то же время снабжали бы армию продовольствием...“

Выход и плавание десанта начались при вполне благоприятных условиях. Но 30 августа подул сильный норд-ост, замедлявший движение и препятствовавший судам держаться вместе. Только к вечеру 1 сентября, когда ветер стих, удалось собрать все корабли близ Евпатории у Тарханкутского маяка. 2 сентября началась высадка войск.

---

[1] Лихачев.—„Очерк действий Черноморского флота в 1853—54 г.г.“.

Критический момент подхода и высадки был усмотрен русскими и, казалось бы, должен был вызвать русское командование на решительные шаги.

„1 сентября была усмотрена многочисленная неприятельская эскадра, приблизительно в 70 судов, направлявшаяся к Тарханкуту. Адмирал Нахимов поднял сигнал „приготовиться к походу". Свежий с порывами ветер менялся в бухте от N к NO, а в море, повидимому, дул NW. В обоих случаях он был противен для следования в Евпаторию. Вечером ветер затих и всю ночь продолжалось безветрие. 2 сентября весь день был штиль; вечером погода нахмурилась и в 10-м часу задул тихий западный ветер, к полночи он засвежел и дул с порывами и дождем до 4 часов утра; затем опять заштилело, и безветрие, прерываемое иногда тихими морскими ветрами, продолжалось до 8 сентября. Вот те причины, по которым наш флот не двинулся из Севастополя во время перехода неприятельских судов из Варны в Евпаторию и в дни производства высадки, т.-е. в те моменты, когда атака нашего флота могла иметь некоторые шансы на успех. По окончании же высадки, условия борьбы нашего флота с союзным в открытом море были бы слишком неравны, вследствие подавляющего численного перевеса последнего..."[1]

Вот где сказалась техническая отсталость русского флота, отсутствие в его составе паровых линейных кораблей.

Когда определилось место высадки, Меньшиков, признавая невозможным атаковать неприятеля на низком берегу, обстреливаемом по всем направлениям из орудий флота, сосредоточил большую часть своих войск на позиции у р. Альмы, преграждавшей доступ к Севастополю (всего около 35.000 человек).

К этому времени уже флот передал часть своих экипажей на берег, и... „... уже тогда главное внимание Корнилова было обращено на сухопутную оборону, так как флот, выделив из состава своих экипажей почти половину в десантные отряды, не мог уже находиться в полной готовности к выходу в море, даже, если бы к этому и представились вполне благоприятные условия".[1]

8 сентября произошло Альминское сражение, в результате которого наши войска, понеся тяжелые потери, отступили к Севастополю.

9 сентября Корниловым был собран военный совет, на котором он предложил атаковать столпившийся в беспорядке у м. Лукула неприятельский флот, схватившись с ними на абордаж, „взрываясь, но—погибнув—погубить и неприятельский флот, лишив тем армию подвоза снабжения и подкреплений, лишив ее связи с базой."[2] Но лишь немногие отдель-

---

[1] Лихачев—„Очерк действий Черноморского флота 1853—1854 г.г.".
[2] Лебедев—„Флот в царствование Николая I".

ные голоса высказались за атаку неприятельского флота; большинство же склонялось к мысли затопить старейшие корабли на фарватере и обратить флотские экипажи на усиление гарнизона, к мысли, уже давно обсуждавшейся отдельными лицами в Севастополе. Окончательного решения не было принято. Корнилов приказал: „Готовьтесь к выходу, будет дан сигнал, кому что делать".

По докладе результатов совещания Меньшикову, было решено поставить 10 новых кораблей таким образом, чтобы можно было обстреливать северную сторону, в случае занятия ее неприятелем, а 7 старых судов приготовить к затоплению при входе в бухту. 10 сентября эти корабли были затоплены. Команды и орудия были переданы на сухопутный фронт. Прочие корабли также разоружались. Позже во время осады Севастополя и оставшиеся на плаву суда эскадры были также затоплены.

Черноморский флот закончил свое существование. Дальнейшие действия русских ограничились обороной с сухого пути.

Не опасаясь более русского флота, неприятель употребил большую часть своих паровых судов для установления правильных сношений с Константинополем и Варной. В мае 1855 года союзные флоты могли безнаказанно выделить из своего состава 57 разного рода судов для экспедиции в Керчь и Азовское море. Это же позволило и им часть орудий передать в армию, увеличив число осадной артиллерии—столь необходимыми ей—тяжелыми орудиями.

Стратегические последствия отказа русских от использования флота в море и его затопления—были чрезвычайны. Союзники могли спокойно, не опасаясь за свои сообщения с тылом, развивать свои дальнейшие операции.

Чем же оправдывалась такая мера, почему флот оказался или считал себя в столь безвыходном положении, что решил уничтожить себя, и какова польза, которую он этим принес обороне?

Главным обстоятельством, побудившим принять такое решение, было отсутствие другого, кроме Севастополя, оборудованного порта-базы. Флот не мог поставить себе целью прорыв блокады (он имел эту возможность), так как вне Севастополя ему негде было базироваться, ибо другие рейды не имели почти совершенно крепостной защиты и не могли ему служить базой. Судьба флота, независимо от его действий, связывалась с Севастополем.

Укрепления последнего, как мы уже указывали выше, были слабы и, в особенности, сухопутный фронт. Основным недостатком Севастополя была малочисленность гарнизона, насчитывавшего (после отхода армии Меньшикова к Бахчисараю) около 9.000 человек. Несоразмерность этого гарнизона с про-

тяжением оборонительной линии—была очевидна. Без 10.000 человек матросов, снятых из экипажей предназначенных к затоплению и потом затопленных старых судов, оборона Севастополя была просто невозможна. Это побудило морское командование отдать команду на берег. Кроме упомянутых 10.000 на флоте было еще 17.000 чел. команды, составлявшей экипажи лучших кораблей. Они также пошли на усиление гарнизона, хотя этой ценой флот переставал быть боеспособным.

Таким образом, первая причина затопления—необходимость усиления крепости, оказавшейся в решительный момент неспособной противостоять неприятелю. Указанная причина, при сознании необходимости держать флот в готовности к выходу в море, могла быть устранена, хотя бы усилением гарнизона из состава армии Меньшикова, уступавшей высаженному противнику, но могшей отделить от себя на решительный пункт, каковым представлялся Севастополь, необходимое число людей и тем избежать разоружения флота. Этого сделано не было.

Вторая причина—слабость наших морских сил и неудачное командование.

Мы уже видели, что Черноморский флот, еще до начала осады, упустил возможность дать бой в сравнительно благоприятных для себя условиях. Это было тогда, когда силы противников не слишком разнились, хотя преимущество в паровых судах было на стороне союзников. Но затем морские силы неприятеля получили значительное подкрепление, и после высадки у Евпатории эскадры союзников были настолько усилены, что соединенный англо-французско-турецкий флот уже имел подавляющее численное и качественное преимущество над нашим (у неприятеля—89 судов, в том числе 50 пароходов, у нас—45 судов и только 11 пароходов). В этих условиях бой в открытом море с соединенными силами противника не мог иметь надежды на успех.

Однако, возможности противника несомненно были переоценены. Крупное его преимущество в силах не давало основания командованию предполагать вероятия прорыва противника на рейд. При этом недооценивалось сопротивление, каковое представлял собой сравнительно хорошо оборудованный приморский фронт, могший сосредоточить до 500 орудий по прорывавшемуся неприятелю и, кроме того, артиллерия кораблей. Такая задача для противника не могла бы быть успешна, да союзники и не предполагали ее.[1]

---

[1] „Корнилов горячо протестовал против затопления. Когда Меньшиков отдал приказание заградить фарватер, Корнилов возразил, что он этого не сделает. Рассерженный его настойчивым противоречием, Меньшиков сказал: „Ну, так поезжайте в Николаев, к своему месту службы“, и приказал своему ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы ему отдать при-

Вопрос о том, поскольку целесообразно было затопление флота и насколько оправдывалось оно событиями, долгое время служил предметом споров исследователей. Некоторые считали затопление флота чуть что не преступлением, другие, наоборот, видели в том акт необходимости и, наконец, третьи (Лихачев) доказывали, что достаточно было приготовить к утоплению старые корабли, действующие же—использовать.

Однако, нельзя не видеть, что затопление Черноморского флота не было решено вдруг. Сопоставляя события, ему предшествовавшие, а именно: отсутствие разведки в море, вследствие чего противник мог выполнять свои подготовительные операции без какого бы то ни было наблюдения со стороны русских; пассивную стоянку нашего флота после Синопского сражения и сосредоточенное внимание к местной обороне Севастополя; упущенные возможности атаки неприятеля в море и, наконец, отсутствие определенных заданий к флоту после того, как главная идея, для которой он готовился—Босфорская операция,—отпала; непонимание задач флота главнокомандующим Меньшиковым, который, несмотря на долгую службу в морском ведомстве, так до конца остался чужд ему,—все это звенья цепи событий, логически приведших Черноморский флот к „самоубийству", по выражению Корнилова.

А между тем, при ином руководстве флотом, при понимании его задач, как средства прежде всего активного, мы видели бы иной ход морской кампании, столь удачно начатой боем при Синопе. Даже в том случае, если бы противник высадился беспрепятственно, флот, сохранивший за собой свободу действий, не дал бы ему возможности спокойно развить свои операции непосредственно вблизи Севастополя. Противник не мог бы считать в безопасности свои морские пути сообщения, от которых зависела, в полном смысле слова, сама жизнь экспедиционного союзного корпуса. Наш флот обязал бы флот союзников постоянно держать тесную блокаду и, во всяком случае, затруднил бы их операции в прибрежной зоне. Наконец, он мог бы пользоваться обстановкой и бить противника по частям.

Может быть, лишь малая доля этих предположений оказалась бы фактически осуществимой, но даже в этой доле она значительно облегчила бы участь Севастополя.

Флот отдал в крепость весь свой личный состав, с несомненно выдающимися адмиралами—Корниловым и Нахимовым. Оборона Севастополя представляет эпопею боевых подвигов

казание. „Остановитесь,—вскричал Корнилов,—это самоубийство, то, к чему вы принуждаете меня... но, чтобы не оставить Севастополь, окруженный неприятелем... я готов повиноваться вам". (А. Лебедев—„Русский флот в царствование Николая I").

высочайшей ценности в военно-моральном отношении. Здесь сражались герои, поставленные в самые трудные, самые неблагоприятные условия обороны. Нахимов, Корнилов, Истомин, а с ними и масса рядового состава матросов—цвет Черноморского флота—пали в первых рядах, отстаивая Севастополь.

Но жертвы эти остались без пользы. Они дают нам только основание заключить о высоких качествах личного состава Черноморского флота. Но последние были проявлены не там, где они могли бы принести полные и плодотворные результаты, не в открытом море, победа на котором знаменовала бы успех всей кампании, а в обороне крепостных верков, где победа была уже невозможна...

Мы не будем описывать ход осады, а равно и действия сухопутной Крымской армии. Неудачи последней в боях при Альме, Балаклаве, Инкермане и Черной не облегчили участи Севастополя. После упорной 11-месячной осады он пал, и гарнизон был принужден оставить его. Этим, собственно, решился исход войны.

Экспедиция союзников к Николаеву, закончившаяся взятием Кинбурна, завершила кампанию на Черном море.

Военные действия на Балтийском море.

Балтийский театр в Крымскую кампанию имел второстепенное значение. Главный удар союзников был направлен на юг, где и решился исход войны.

Однако боевые действия на Балтийском море, связанные с обороной побережья, представляют несомненный интерес для установления идей, господствовавших в то время в деле морской обороны и боевого использования флота вообще. Интерес тем больший, что опасение неприятельского десанта и организация обороны фактически являлись основой всех планов кампании на Балтийском море со времени Севастополя до мировой войны включительно. Главное задание—оборона берегов и, в особенности, оборона столицы, с тех пор установилось как бы преемственно.

Планы войны на Балтийском море к моменту Крымской кампании уже имели свою историю. Подобно тому, как на Черном море русская стратегия стремилась к занятию входных проливов путем десантной экспедиции на Босфор,— в Балтийском море имела место аналогичная цель стратегии, сводившаяся к занятию флотом Датских проливов, чем задача обороны моря решалась в корне. Однако, перед самой Крымской войной, в период созревания политического кризиса, в то время, когда Российское правительство занимало нерешительную позицию, ограничиваясь полумерами (занятие Дунайских княжеств), оно вместе с отказом от экспедиции на Босфор отказалось также и от занятия флотом Датских проливов.

Активная операция на море, которая составляла основной замысел плана, была отменена; решено было обратиться

к местной обороне Балтийского моря, в особенности Кронштадта. Главная задача была возложена на армию, которая в количестве 200.000 была развернута по отдельным пунктам побережья (см. сх. № 4). Роль же флота оставалась неопределенной, не оказалось даже никакого сложившегося плана об употреблении его в море для борьбы с морскими силами противника.

О том свидетельствует обращение генерал-адмирала Константина Николаевича к видным адмиралам и начальникам с просьбой представить ему соображения о плане войны на Балтийском море. Самый способ—при помощи анкет установить задачи—является показателем отсутствия определенных намерений в главном командовании и служит доказательством его неподготовленности к руководству флотом на войне.

Вот некоторые из полученных мнений: Князь Меньшиков считал возможным для флота принять бой с флотом неприятеля в открытом море, встретив его у Наргена в Финском заливе. Корнилов предлагал разделить флот на две части: главные силы выдвинуть за Поркаллауд, резерв иметь у Кронштадта. Граф Гейден высказался за решительную встречу у Гогланда. Литке—предлагал все три дивизии сосредоточить у Кронштадта и т. п. Мнения были различны, общих взглядов не было. Однако, большинство находило, что самая выгодная позиция для флота у Свеаборга, фланговая к главному операционному направлению противника — на Кронштадт. (Кстати напомним, что Свеаборгская крепость была в совершенно запущенном состоянии).

Чтобы разобраться в вопросе и принять решение, была образована специальная комиссия под председательством адмирала Рикорда, которая установила, что выгоднее всего сосредоточить все три дивизии у Свеаборга, а если противник не позволит этого, появившись быстро в наших водах, то в Кронштадте.

Фактически же, к моменту начала войны, флот оказался разделенным: две дивизии в Кронштадте, одна в Свеаборге, гребная флотилия в шхерах.

В записке, явившейся результатом совещания под председательством адмирала Рикорда, принятой в основание военных действий, между прочим, было сказано: „Превосходящая сила ожидаемого в Балтийском море неприятельского флота не дозволит нам вступить с ним в открытый бой с какой-либо надеждой на успех. Посему мы должны, по необходимости, остаться в положении чисто оборонительном, под защитой крепостей наших, но будучи в совершенной готовности пользоваться каждой благоприятной минутой, чтобы переходить в наступление. Главнейшей заботой нашей должно быть соединение всех трех дивизий в Свеаборге. Сильный

флот всей центральной позиции свяжет движение неприятеля и вероятно попрепятствует ему сделать какое-либо важное покушение на Кронштадт.

„Если неприятель появится в наших водах прежде очищения Кронштадтского рейда и гавани от льда, и притом, как предполагается, в весьма превосходных силах, то принужденный остаться в Кронштадте флот должен быть расположен таким образом, чтобы, усиливая оборону Кронштадта, вместе с тем обеспечивал и собственную безопасность".

„Эта записка", по словам А. Лебедева („Флот в царствование Николая I"), „говорит сама за себя—сбережение флота во что бы то ни стало, спрятав весь флот за каменные стены укреплений—вот ее смысл...".

Таким образом, русский флот был прикован к местной обороне Кронштадта и Свеаборга, его даже не предполагалось использовать в море, противодействуя операциям неприятеля.

Инициатива была полностью предоставлена противнику.

После долгих предварительных переговоров и попыток найти примирительное соглашение, Россия 21 апреля 1854 г. объявила войну Англии и Франции. Но еще 28 февраля из Англии вышла эскадра адмирала Непира, имевшая заданием упредить русский флот в Датских проливах, так как англичанам не было известно об отказе русских предпринять активную операцию в этом направлении. 15 марта она была в Киле, а 19 — перешла в б. Киеге. Самый факт прихода эскадры раньше русской в Англии оценивался, как крупный успех.

Эта эскадра состояла из 19 линейных кораблей и 26 пароходо-фрегатов. Еслибы все русские дивизии были сосредоточены в Дании, они оказались бы даже сильнее противника.

Произведя разведку в направлении Финского залива, Непир перешел с большими затруднениями (штормы, отсутствие хороших карт) сначала в Стокгольмские шхеры, а 26 апреля на рейд Ганге.

За это время русские эскадры могли соединиться в Свеаборге и даже выйти, как некоторыми предполагалось, в море для боя с английской эскадрой. Но они оставались стоять в тех портах, где застала их война и не проявляли никакой активности (Кронштадтская эскадра высылала разведчиков только до Сескара).

В Ганге англичане простояли еще две недели, производя нападения на окрестные шхеры и разоряя прибрежные селения.

21 мая англичане перешли к Поркаллауду, где, выжидая в течении 10 дней присоединения французов, произвели рекогносцировку Свеаборга. Непир донес в Англию, что он

считает Свеаборг, по силе укреплений, равным укреплениям Гибралтара (?) что для взятия его ему нужны канонерские лодки и десантный корпус, что с наличными средствами эта задача ему непосильна.

По приходе французской эскадры, силы союзников уже значительно превосходили силы русского флота (см. табл. на стр. 12).

Однако, отсутствие у союзников единоначалия, лишение их начальников инициативы (о всех ответственных операциях они должны были сноситься с Лондоном и Парижем), отсутствие ясной цели, случайность замысла операций, нерешительность выполнения их—в целом дают образец совершенно неорганизованного командования, чем русский флот, при иной подготовке и ином командовании, мог бы широко воспользоваться.

10 июня англо-французский флот появился у Кронштадта и простоял 6 дней вне его выстрелов (у Красной Горки). Решив, что атаковать Кронштадт невозможно, союзники вернулись в Поркаллауд. Тем временем были получены приказания от их правительств атаковать Бомарзунд (цель—захватить Оланд и передать его Швеции, побудив последнюю вступить в войну против России). Для операции был привлечен 12-тысячный десантный отряд, привезенный из Франции.

С уходом союзного флота в Аландские шхеры, для наблюдения за Кронштадтом был оставлен отряд в составе 5 винтовых и 4 парусных линейных кораблей. Но русский флот, располагавший 25 кораблями в Кронштадте, — не вышел для боя с ними. Слабому отряду удалось блокировать сильнейшего противника. Так велико было тяготение к крепостным веркам, и так глубоко была во флот внедрена мысль о необходимости содействия крепостям, отказываясь от активных операций в море! [1]

Бомарзунд с его 1.600 защитниками не мог противостоять 14.000 отряду союзников и после 4 дней отчаянного сопротивления был взят.

Несмотря на повторное приказание из Англии атаковать Свеаборг,—Непир, считая это невозможным, отказался.

В октябре союзники ушли в южную часть Балтийского моря.

После их ухода Рикорд выслал отряд пароходо-фрегатов к устью Финского залива, но они неприятеля уже не обнаружили.

---

[1] Правда, было приказано отряду из 6 кораблей и 6 пароходо-фрегатов— выйти в море; но „не удаляться от Кронштадта". Отряд вышел, но, дойдя до Красной Горки, был возвращен обратно. Из Свеаборга же флот не выходил вовсе.

Так прошла кампания 1854 года. Ни одного случая инициативы со стороны русского флота, ни одного маневра, сопряженного с выходом в море! Полное отсутствие боевого порыва. Флот, распределенный по крепостям в помощь их обороне, так и простоял всю кампанию.

Сосредоточенная по берегу, в ожидании десанта, двухсоттысячная русская армия бездействовала, в то время, как на юге, на решительном пункте, у Севастополя флот должен был списать команды и уничтожить себя, чтобы пополнить 9.000-й гарнизон крепости; в то время, когда армия Меньшикова ощущала недостаток в людях и не могла собрать превосходных сил, чтобы сбросить противника в море.

Кампания 1855 года.

Втечение зимы 1854—55 года русские усилили Кронштадт и Свеаборг установкой новых батарей. Вместо имевшейся гребной шхерной флотилии была построена флотилия паровых канонерских лодок, в числе 30 штук. Дислокация же флота—осталась прежней.

Союзники энергично готовились к кампании на Балтийском море. Оба адмирала, командовавшие флотами в прошлом году, были сменены (назначены английский—Дуглас и французский—Пено). В 1855 г. ни один парусный корабль не вошел в состав союзного флота, который теперь состоял исключительно из паровых судов, именно:

	Линейные корабли	Пароходы и фрегаты
Англия	17	30
Франция	3	2

28 апреля английская эскадра стала на якорь у о. Нарген (вблизи Ревеля), а через две недели подошла к Кронштадту, где к ней присоединился французский отряд. Произведя рекогносцировку и вновь отказавшись от атаки Кронштадта, союзная эскадра главными силами осталась блокировать его, высылая отдельные крейсерские отряды для набегов на побережье (произведены были налеты на Транзунд, Биорке, Котку, Ловизу, Экенес, Ганге, Биорнеборг, Гамле-Карлебю, Лужскую губу, Нарву, Пернов, Аренсбург, Домеснес, Усть-Двинск, Либаву и пр.). В отдельных пунктах они встречали сопротивление, подчас успешное.

В середине лета к союзникам из Англии прибыли 36 канонерских лодок, при помощи которых они предполагали атаковать Свеаборг.

28 июля была начата бомбардировка Свеаборга, которая продолжалась втечение двух дней, не принося больших разрушений крепости. Операция не сопровождалась высадкой десанта, форсировать же проход на рейд союзники не решились.

В августе англо-французский флот ушел к Наргену и до осени продолжал набеги на побережье; в ноябре вернулся к своим портам.

Русский флот, по прежнему, простоял безвыходно в Кронштадте и Свеаборге и даже кончил кампанию раньше ухода неприятеля из Балтийского моря.[1]

Заключение. В развитии Крымской кампании на море видно характерное, в значительной степени присущее и последующим морским войнам, явление—это коренное, катастрофическое несоответствие культивировавшихся в период подготовки планов с теми реальными условиями и стремлениями, которые направляли ход войны в ее боевой действительности.

Как на Балтийском, так и на Черном море разрабатывались широкие планы наступательных операций на проливы, и в этом направлении, в особенности в Черноморском флоте, была ориентирована мысль командования. Но ни политическая обстановка, ни принятый общий план войны, ни, наконец, состояние материальных сил не давали возможности к их осуществлению. Все предположения оказались несостоятельными.

Это знаменовало собой потерю основных идей, воспитанных во флоте. Других идей не было. Вся оперативная постройка оказалась без фундамента, флот—без определенных и ясных заданий.

Это уже была катастрофа.

Произошла реакция, выразившаяся в полном отказе от каких бы то ни было активных операций в море, цель которых уже была не ясна. Оперативная мысль покатилась по линии наименьшего сопротивления. Флот перестал быть, в стратегическом смысле, самостоятельной силой. Высшее командование с легким сердцем бросило морские силы на помощь крепостям, не находя, да и не ища им, иного применения—в открытом море.

Если мы под этим углом зрения посмотрим на трагедию флота в Крымскую войну, продемонстрировавшую полное оперативное убожество главного морского командования, лишенного определенной идеи использования флота, — то многие события станут нам вполне понятны. Понятен будет и тот путь, который привел к „самоубийству“ Черноморский флот и к полному параличу—Балтийский.

---

[1] Следует упомянуть также об атаке англо-французским отрядом Петропавловска (на Камчатке), которая была успешно отражена гарнизоном и флотилией из 1 фрегата и 1 транспорта при содействии устроенных на берегу 6 батарей. Союзники располагали 4 фрегатами, 1 пароходом и бригом. Несмотря на превосходные силы, их двукратная попытка высадить десант не удалась и они были принуждены отступить, не достигнув успеха.

Казалось бы, отсюда должно было быть вынесено соответственное поучение. Казалось бы, тяжкий опыт Крымской войны должен был предостеречь от повторения новых крахов, обязав в последующем сообразовать: планы—с реальной возможностью их достижения, политику—с стратегией, подготовку флота—с его подлинными боевыми задачами и обстановкой.

Однако, этот опыт, в чем нас убеждает история новых войн царской России, не был надлежаще учтен, и там мы вновь встретимся с явлениями того же порядка.

Сказанное выше предопределило исключительно пассивный характер морской обороны берегов. В этом отношении Крымская война дает безотрадно-цельный образец пассивной обороны.

Между тем, фактически стоявший во главе флота адмирал Корнилов по своему военному облику не являлся склонным к такому решению проблемы флота. Он спорит с Меньшиковым, заступаясь за план операции к Босфору; когда от последнего отказываются, он предлагает занять рейды на неприятельском берегу, чтобы, базируясь с флотом на них, блокировать Босфор; когда и это не вызывает сочувствия, он всей своей деятельностью старается стать на путь активной борьбы с противником. Его крейсерства к Босфору, хотя подлежащие осуждению с точки зрения тактического и стратегического построения такого рода операций, не оставляют сомнений в подлинности его активного порыва. Решение о затоплении судов вызывает глубокий протест с его стороны, он устраивает Меньшикову скандал, кричит ему о том, что „это самоубийство". И, наконец, когда Меньшиков оскорбляет его намеком, что в таком случае он может покинуть Севастополь и ехать в Николаев, Корнилов, отчаявшись в возможности выхода флота в море, отдается целиком обороне крепости и вместе с Нахимовым доблестно погибает в первых рядах ее защитников.

Драма Корнилова—это драма активной идеи использования флота. Последняя—была лишена основного фундамента, она не могла найти себе иного выражения, кроме разрозненных стремлений к отдельным, мало значущим операциям, кроме порывов энтузиазма, не получивших стратегического оформления в виде целого, преследующего определенную цель, активного плана морской кампании. Это — следствие той идейной катастрофы, которая обнаружилась с началом войны с отказом от наступательных планов и отсутствием ясного представления о задачах флота.[1]

---

[1] Говорят, что, когда Корнилов, в пылу спора с Меньшиковым, спросил его: „что же делать с флотом?", Меньшиков ответил, с присущим ему цинизмом: „положите его себе в карман". Этот анекдот показателен и метко характеризует полное отсутствие мыслей об использовании флота у главнокомандующего Меньшикова, много лет перед этим бывшего фактическим распорядителем судеб флота и морского ведомства.

Н. Л. Кладо („Введение в историю военно-морского искусства“) говорит, что в иной обстановке, при иных условиях Корнилов был бы русским Нельсоном, а Нахимов — его Коллиндвудом. Но вот этих-то условий, при которых талантливые начальники получали бы возможность развернуть свою деятельность, в „николаевской“ России—не было.

Мы потому специально останавливаем внимание читателя на „драме Корнилова“, что в последующем она вновь выходит на сцену русской морской истории. В русско-японскую войну и в войну мировую русский флот имел талантливых и доблестных выразителей активной идеи—в лице Макарова и Эссена. Они так же вели борьбу за активность и так же, как Корнилов, встречали глухую оппозицию со стороны высшего командования. Они так же могли быть „русскими Нельсонами“ и так же не встретили условий, при которых это могло осуществиться.

Замечательнее всего то, что после Крымской войны, в восприятии ее опыта последующими поколениями, старательной рукой правительства была закрыта эта сторона постигшей флот катастрофы, связанной с утратой активной идеи. Наоборот, в целях „поднятия духа и воспитания“, внимание фиксировалось на геройской защите Севастополя, прославление каковой составило как бы культ в воспитании флота, придавая ему определенный уклон.

„Надо отдать справедливость героям“,—говорит Н. Л. Кладо (Введение и историю в.-м. искусства), „награждать и ценить их заслуги, но нельзя возводить в культ эпоху, характерной чертой которой были военная отсталость и военное невежество. Именно за таким культом пропадают те причины, которые привели к этим поражениям, и тем самым устраняется возможность ясного сознания и устранения этих причин“.

Этот „культ Севастополя“ не прошел бесследно в дальнейшем ходе русской морской истории, он составил предпосылку к другой трагедии флота—в Порт-Артуре, он питал моральным содержанием пассивно-оборонительную тенденцию, которая была одной из главнейших причин наших неудач на море в русско-японскую войну.

Нельзя не отметить вывода военно-сухопутной науки о стратегических причинах неудачи кампании на Черном море, так: формулированного Леером (Стратегия, ч. III) „Главная же основная, коренная причина нашей неудачи в деле противодействия высадке, а равно и последующих наших неудач, заключалась в крайне ошибочном развертывании наших сил на всем театре войны в виде кордона от Торнео до Баязета, что и привело к тому, что наша стратегия на решительном пункте (в Крыму), в решительную минуту оказалась не сильнейшей, как то должно быть,

а слабейшей... Если бы на Балтийском побережьи ограничиться только 50.000—60.000, что было вполне достаточно, а 150.000 лишних назначить в Крым и сосредоточить там около 200.000, то весь крымский десант, со всеми тяжелыми для нас последствиями... обратился бы в дело положительно невозможное, химерическое, благодаря только одной такой группировке сил, согласно духу истинных принципов стратегии..."

Этот вывод Леера выявил сложившуюся в военно-сухопутных кругах точку зрения, что громадная русская армия путем лишь ее перегруппировок может ликвидировать и сделать „химерической" высадку десанта на побережье России, и что в Крымскую войну—все дело в „коренной" ошибке неудачного развертывания. Эта точка зрения проходит красной чертой через все последующие войны России, являясь предпосылкой к своеобразному разрешению проблемы морской обороны в русско-японскую войну и в период подготовки к мировой.

Между тем, даже для Крымской войны эта „коренная" ошибка развертывания не была только заблуждением, „ошибкой"—в точном смысле этого слова. 200.000 армия была фактически прикована к Балтийскому побережью, так как здесь был „снят с игры" Балтийский флот, а противник угрожал десантом. При громадных расстояниях, дурном состоянии дорог эти перегруппировки были бы неизменно медлительными, может быть переходящими тот предел, который устанавливается способностью государства продолжать войну, как это мы видим в кампании 1904—1905 г.г.

Эта сухопутная точка зрения, игнорирующая значение и роль флота в обороне побережья, основанная на односторонне понятом опыте Крымской войны, сказалась и в последующем...

Мы видели, какую пагубную роль в развитии Крымской кампании сыграло дурное оборудование портов и слабость береговой защиты, предопределившие необходимость передачи с флота людей и орудий на ее усиление.

И в этом отношении опыт Крымской войны прошел бесследно. С тех пор дурное оборудование портов и слабость защиты крепостей устанавливаются, как хроническое явление в русской морской истории, став своего рода „традицией", в основе которой легло непонимание их значения для обороны побережья и ведения морской войны вообще.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русско-японская война на море (1904—1905 г.г.)

В Русско-японскую кампанию тяжелый опыт Крымской войны не только не был надлежаще учтен, но, наоборот, как бы вновь была воспроизведена картина Крымской войны, в отдельных случаях с поразительной точностью, а иногда превзойдя ее размахом неудачных мер, обусловивших это новое поражение России. Какие-то другие причины, может быть лежащие вне рамок стратегии, создали условия, при которых мысль командования русскими вооруженными силами как при подготовке, так и при ведении войны стала на путь, ведущий к военному разгрому.

Влиянием отдельных личностей нельзя этого объяснить, ибо после Крымской кампании, в силу естественной смены на жизненном поприще почти двух поколений, уже другие люди были во главе командования; иными были и условия войны.

Причины лежали в системе, которая была свойственна русскому военному аппарату как 50 лет назад, так и к рассматриваемому моменту 1904—1905 г.г.;—системе, получавшей свое внутреннее содержание в правительственном режиме России, не дававшем ей импульса к действительному оздоровлению.

Военное и морское ведомства ближе других отражали тот процесс внутреннего развала государственной власти в России, который мы можем наблюдать еще задолго до русско-японской войны. Одним из следствий этого явилась неспособность оторваться от традиций, приводивших к поражению ранее, приведших к нему и теперь.

Несоразмерный темп политики с наличием необходимых средств для поддержания ее притязаний военной силой; неготовность к войне, несостоятельность высшего командования; крушение планов, оказавшихся несоответствующими обстановке, потерянная инициатива и пр.—вот все те факторы, которые определили исход обеих войн.

Оборона берегов, по существу, была основной мыслью кампании 1904—1905 г.г.

Стремление России сводилось к тому, чтобы не допустить Японию проникнуть и утвердиться на материке, сохраняя за собой исключительное преобладание на Дальнем Востоке, включив в сферу такового Манчжурию и Корею и избежав конкуренции в Китае.

Русский и японский империализм увлекал обе стороны к неизбежному столкновению. Море—разделяло их.

В этих условиях Россия должна была соорудить сильный флот, чтобы, владея морем, исключить возможность переброски войск Японии на материк. Она должна была оборудовать театр, обеспечив его базами для флота; построить пути сообщений; обеспечить сосредоточение войск для отражения противника; сообразовать подготовку к войне с заданиями, проистекавшими из анализа обстановки, и учитывая наступательные рессурсы Японии, прежде всего.

Между тем, Россия не была там подготовлена. Ни один из вопросов, перечисленных выше, не был решен так, как того требовали условия войны и те планы, с которыми в нее вступила Россия.

Морской театр войны.

С занятием Порт-Артура, выдвижением в южную Манчжурию, к Инкоу и устью Ялу, Россия получила выход в Желтое море. Корейский полуостров, этот объект русско-японской распри, разделял оба участка русского побережья как бы на два театра: Желтого и Японского моря. В первом базой флота служил Порт-Артур, во втором—Владивосток.

При общем взгляде на схему № 5 бросается в глаза крайне невыгодное для России расположение ее баз, влекущее за собой либо разделение морских сил между двумя морями, либо сосредоточение в одном из них, путем обнажения побережья другого.

Обе базы русского флота обладали большими неудобствами и не были надлежаще оборудованы.[1]

В то же время Япония имела ряд прекрасно оборудованных и укрепленных баз, дававших ее флоту крупные стратегические преимущества перед русским флотом, действия и оперативные возможности которого в значительной мере парализовались неудобным расположением его военных портов.

Японский флот располагал следующими военными портами: Сасебо (в Корейском проливе), порт Такесики, Симоносеки, Куре, Хирошима, Нагасаки; оборудованными портами—Майд-

---

[1] Столь неудобное расположение баз русского флота вызывало не раз стремление захватить базу в самом Корейском проливе, либо Мозампо (Фузан), либо на острове Цусима, лежащем посередине Корейского пролива, либо выдвинуть ее к Чемульпо. Но эти проекты осуществлены не были.

зуру и Цуругу, Хакодате, Куре, Хирошима, Кобе, Осака, Сойчи, Уриги, Йокосука (первоклассный порт), Иокогама, Токио.

Состояние Владивостока и Порт Артура. Во Владивостоке имелся лишь один сухой док, недостаточны были также и ремонтные средства. Защита Владивостока не обеспечивала флота от дальнего бомбардирования и даже от взятия крепости штурмом. Береговые батареи и батареи сухопутного фронта были только начаты своим оборудованием и далеко еще не завершены к моменту начала войны.

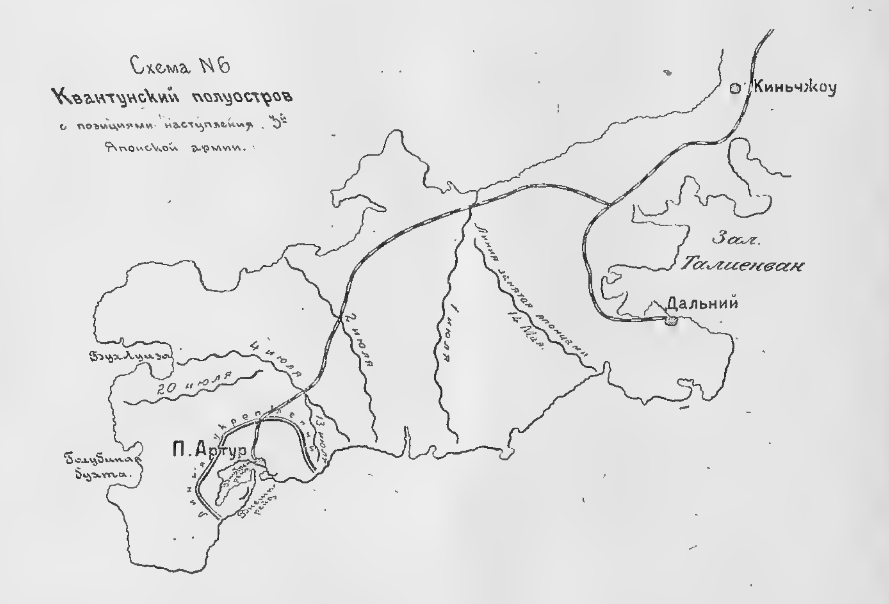
Еще хуже обстояло дело с другой базой флота—Порт-Артуром (см. сх. № 6).

После занятия Порт-Артура в 1898 году и до 1904 года для укрепления его было сделано очень мало. Несмотря на то, что русское правительство тратило громадные средства на оборудование коммерческого порта в Дальнем и на другие предприятия промышленного характера, на собственно военное оборудование театра, в том числе крепости и порта Артура, были затрачены лишь ничтожные суммы.

„В результате, ко дню открытия военных действий Артур был совершенно не закончен. В лучшем состоянии находился

еще приморский фронт, но и там из 25 долговременных батарей имелось готовых только 6 и начатых—3; из прочих 16 было докончено только 9 временного характера, начато только 6 и совсем не начаты—4. На сухопутном же фронте вполне окончен был лишь один долговременный форт, одно долговременное укрепление, 4 таких же батареи и центральная ограда; 3 форта, 2 долговременных укрепления и 1 батарея были готовы вчерне, а из прочих не все были начаты; также не проведено еще нескольких дорог".

„Форты оказались слишком близко от порта и не обеспечивали его от бомбардировки, артиллерийского вооружения

нехватало, чувствовался недостаток в прислуге к орудиям и в боевых припасах. В общем крепость, если и могла отразить штурм открытой силой, то сопротивляться правильной осаде—не была способна." [1]

Артурский рейд имел единственный выход, доступный большим судам лишь в полную воду. На внешнем рейде не имелось никакого оборудования для обеспечения безопасности флота, принужденного стоять совершенно открытым для нападения миноносцев противника. Не было ни одного дока для ремонта подводной части больших судов, которые для этой цели должны были ходить во Владивосток.

---

[1] Виноградский „Обстановка перед войной". Р.-Яп. Война. История Армии и Флота, т. 14.

Порт, в отношении оборудования мастерскими и наличия запасов, был мало подготовлен к обслуживанию флота во время войны. Адмирал Алексеев, в отчете 1903 года на имя генерала-адмирала, писал: (Р.-Яп. Война 1904/05 г. кн. I) „ни Порт Артур, главным образом за неутверждением общего плана работ, ни Владивосток из-за задержки в заказах—не могут еще, к сожалению, и в 1904 году считаться оборудованными военно-морскими портами, на которые флот мог бы уверенно опираться не только в военное, но даже и в мирное время".

Таким образом, оборудование Россией театра Дальнего Востока в отношении баз, и крепостной их защиты не было удовлетворительным. Это тягчайшим образом отразилось на операциях русского флота и парализовало даже те оперативные возможности, которые он, при своей относительной слабости и неготовности к войне, мог иметь.

Состояние русского флота перед русско-японской войной.

Состояние русского флота перед войной, как в смысле материальных его средств, так и подготовленности личного состава, в особенности высшего командования, в полной мере характеризуется тяжелыми неудачами, которые сопровождали его деятельность в этой, несчастной для России, войне.

Россия после 1880 года делала громадные усилия по воссозданию флота, сначала конкурируя с Германией за преобладание на Балтийском море, потом с середины 90-х годов, не оставляя этой задачи, стремясь сосредоточить на Дальнем Востоке силы, превосходящие флот Японии. Но ни та, ни эта задача не удавались. Дробя свои рессурсы между Черноморским и Балтийским флотом, не имея твердого и определенного курса в области морской политики, темп которой опережал осуществление судостроительных программ, Россия к моменту войны оказалась на Дальнем Востоке слабее Японии.

Сосредоточение Русского флота на Дальнем Востоке должно было быть закончено к 1905 году, тогда как Япония уже зимой 1903/04 года была готова к войне, начав ее в тот момент, когда морские силы России были не доведены до намеченного программами состава, частью достраивались в Петербурге, частью находились в пути на Дальний Восток. [1]

К концу января 1904 года состав русского флота и дислокация его были следующие:

---

[1] Вопрос о состоянии русского флота перед русско-японской войной излагаем конспективно, имея в виду недавно вышедшие наши труды „Трафальгар—Цусима—Ютландский бой" и „Подготовка России к мировой войне на море", где читатель может получить сведения о русском флоте в этот период.

СУДА	На театре военных действий	В пути на Дальний Восток	В Балтике. Строющиеся	В Балтике. Готовые	В Черном море. Готовые
Линейные корабли:					
а) Новейш. типа	4 „Цесаревич". „Ретвизан". „Победа". „Пересвет".	1 „Ослябя".[1]	7 „Андрей П." „Павел I" 1908. „Суворов"[1] „Бородино"[1] „Александр III"[1] „Орел"[1] 1904. „Слава" 1905.	—	1 „Потемкин"
б) Стареющие . .	3 „Полтава". „Петропавловск" „Севастополь".	—	—	2 „Сысой Великий" „Наварин".	3 „Ростислав" „III Святителя" „XII Апостолов"
в) Устаревшие .	—	—	—	2 „Александр II „Николай I".	4 „Георгий Побед." „Чесма" „Синоп" „Екатерина II"
Броненосцы береговой обороны:					
а) Стареющие . .	—	—	—	3 „Ушаков". „Сенявин" „Апраксин".	—
б) Устаревшие .	—	—	—	—	—
Крейсеры 1 ранга:					
а) Новые	8 „Баян". „Громобой". „Россия". „Варяг". „Аскольд". „Диана". „Паллада". „Богатырь".	1 „Аврора".[1]	1 „Олег"[1] 1904	—	—

СУДА	На театре военных действий	В пути на Дальний Восток	В Балтике		В Черном море. Готовые
			Строющиеся	Готовые	
б) Стареющие . .	1 „Рюрик“.	—	—	3 „Нахимов“ „Мономах“ „Светлана“	—
в) Устаревшие .	—	—	—	2 „Корнилов“ „Память Азова“	1 „П. Меркурия“
Крейсеры 2 ранга:					
а) Новые	2 „Новик“. „Боярин“.	1 „Дм. Донской“.[1]	3 „Жемчуг“[1] „Изумруд“[1] „Алмаз“ 1904.	—	—
б) Устаревшие .	—	—	—	—	—
Миноносцы:					
Новые	22	7[1]	8 — 1904	13	7

Из этой таблицы видно, что к моменту начала войны лишь часть морских сил России была сосредоточена на Дальнем Востоке.[2]

Черноморский флот—в силу лишения права прохода через проливы, не мог быть послан на Дальний Восток. На Балтике оставались суда, незаконченные постройкой, и корабли второй линии. Отряд адмирала Вирениуса находился в пути в Средиземном море и, благодаря нелепым распоряжениям главного морского штаба, не разрешавшего бросить миноносцы, задерживавшие отряд в пути, и спешить хотя бы большим судам, дойти не успел и был принужден вернуться в Россию.

Таким образом, соотношение сил нашей 1-й Тихоокеанской эскадры и японского флота к моменту начала войны было следующее:

	Русские	Японцы		Русские	Японцы
Броненосцы	7	6	Крейсеры 2 ранга .	2	10
Броненосные крейсеры	3	8	Миноносцы истреб. .	22	19
Крейсеры 1 ранга . .	6	7	Малые миноносцы .	15	28

[1] Суда, вошедшие в состав 2-й эскадры Рождественского.
[2] Суда, заведомо не имевшие никакого боевого значения, в таблице не показаны.

Япония имела преимущество, но не настолько большое, чтобы русский флот не был в состоянии вести борьбу. При благоприятных условиях, искусной подготовке личного состава и умелом руководстве, он мог бы с успехом противостоять неприятелю в трудной задаче последнего, связанной с обеспечением переброски японской армии на материк.

Но количество кораблей в составе флота еще не является показателем его боевой мощи. Качества и подготовка личного состава имеют при этом не меньшее значение. На примере русско-японской войны можно видеть, что именно в этой плоскости, в плоскости дурной подготовки и руководительства, лежал залог поражения на море. Другие дефекты флота, как-то—разнотипность судов, отсутствие определенной системы в судостроении, недостатки отдельных типов кораблей, дурные снаряды, неудачная система бронирования, дурная организация и пр. отходят на второй план сравнительно с ошибками руководства.

Все это приводило к тому, что флот наш оказался фактически не в состоянии бороться с противником в море. Дурное оборудование театра, худо защищенные и дурно оборудованные базы еще более усугубляли тяжесть его положения.

Россия располагала могущественной армией и неисчерпаемыми людскими рессурсами. Она могла осуществить безусловное превосходство над высадившимся на материк противником и затем сбросить его в море. На это и рассчитывало высшее русское командование, спокойно делая подсчеты о сосредоточении сухопутных войск.

Но громадное расстояние театра от Европейской России, где была, главным образом, расположена армия, длительность пути и недостаточная пропускная способность Сибирской железной дороги не давали возможности быстрого сосредоточения. Морская оборона берегов, прежде всего флот, должна была сдержать высадку противника и мешать перевозке его армии, не давая ему возможности развить решительные операции на сухом пути втечение длительного времени, пока наконец сосредоточение русской армии будет закончено. Это являлось ответственнейшей задачей русских морских сил, действовавших против Японии.

Планы войны.

В России было составлено два плана: один для сухопутных войск, другой для морских сил. Тогда как план сухопутной армии рассматривался и утверждался в Петербурге, морской план разрабатывался в штабе наместника на Дальнем Востоке, и морское министерство даже не было посвящено в его детали.

а) Морской план.

В 1901 году вопрос о составлении плана был поднят адмиралом Скрыдловым, тогда командовавшим Тихоокеанской эскадрой. План этот был основан на действиях сосредоточенного флота, базирующегося на Владивосток.

Но наместник Дальнего Востока, адмирал Алексеев, не согласился и предложил изменить его. В основу действий флота им была положена задача: заградить путь в Желтое море неприятельскому флоту, для которого вероятной целью почиталась высадка войск в Чемульпо и в устье реки Ялу. В соответствии с этим, главные силы флота должны были базироваться на Порт-Артур. Второй задачей флота было отвлечение части неприятельского флота от Печилийского и Корейского театров, для чего предполагалось образовать самостоятельный крейсерский отряд с опорной базой во Владивостоке.

В 1903 году, в связи с пришедшим для пополнения состава Тихоокеанской эскадры новыми судами, возник вопрос об изменении этого плана. Инициатива принадлежала капитану 1 ранга Эбергарду, который предложил с началом войны перейти к активным действиям сосредоточенными силами флота, приняв за базу выдвинутый пункт—порт Мозампо, в Корейском проливе. [1] Это предложение не было принято, как не отвечающее соотношению сил нашего и японского флотов. Был составлен другой план, автором которого явился адмирал Витгефт, тогда начальник морского штаба наместника.

План Витгефта, положенный затем в основу развертывания русских морских сил, базировался на следующие предполагаемые намерения Японии в случае ее войны с Россией: 1) занять Корею, 2) не дать русским окончательно утвердиться в Манчжурии, 3) попытаться сделать демонстративную высадку близ Приамурской области, 4) такую же высадку на Квантуне и 5) при удаче этих двух высадок, попытаться овладеть обеими областями.

„Для перевозки и высадки японской действующей армии в Корею—писал Витгефт—являются два пути: или на восточный ее берег в Мозампо, Фузан, Гензан... или на западный берег—в Чемульпо, Пеньянг или Ялу, или около Ялу".

„Предупредить нашими морскими силами высадку японской армии на восточный берег Кореи, при его близости от Японии и обладании ею сильной и удобной базой-заслоном Фузан—Цусима—Сасебо—Куре, невозможно, так как: 1) Порт-Артур от восточного берега в расстоянии 600 миль, тогда как от Японии всего в 100 милях, и 2) инициатива начала войны и даже наступательных действий на море—будет на стороне Японии. Она ищет войны и наступления, мы же готовимся лишь, чтобы—или предупредить удар, или отразить его". Оценивая возможные направления для высадки японских де-

---

[1] Между прочим, Эбергард указывал, что ввиду затруднений с выходом эскадры на артурский рейд, стоянка ее там „была бы бесславным сиденьем" и опасной от минных атак противника.

сантных армий, план устанавливает, что „главным стремлением Японии будет стать хозяином Желтого моря и Корейского залива, перебросить свою армию к западному берегу Кореи и высадить ее в Чемульпо, Пен-Янге или Ялу“, причем особенно вероятным считалась высадка в устье Ялу.[1]

Согласно плану—„главными задачами наших морских сил на Дальнем Востоке должны быть: 1) необходимость остаться обладателями Желтого моря и Корейского залива, опираясь на Артур. 2) Не допустить высадки японской армии на западном берегу Кореи. 3) Отвлечь часть японских морских сил от главного театра военных действий и предупредить второстепенными морскими операциями из Владивостока попытку высадки близь Приамурья“. „Если, однако, допустить, что Япония удовольствуется высадкой на восточный берег Кореи или же, что высадка на западный берег случайно удалась, то вышеприведенные задачи превращались бы для наших сил: а) в отыскание японского флота в пределах Желтого моря и Корейского пролива, б) в уничтожение этого флота, прекращение сообщений морем японской армии, находящейся в Корее, с Японией“.

Планом было назначено разделить русские морские силы между Японским и Желтым морями. В первом оставить отряд больших крейсеров для действий на сообщения и для демонстраций, главные же силы—сосредоточить в Порт-Артуре.

„Принятие Порт-Артура за базу“—указывается в плане,—„не может стеснить наш флот выйти в море для прекращения морского сообщения неприятельской армии или попробовать нанести его боевой эскадре решительный удар, если противник успел уже или намеревался высадиться на западном берегу Кореи. Попытка уничтожить приобретенный японским флотом успех, если при этом будет достигнута намеченная цель—оправдает даже тогда потерю части флота или вывод его из строя, так как при этом достигнется потеря и неприятельского флота. Но не следует терять из виду главную цель при этом: уверенность в конечном результате своих действий, с сохранением, как можно дольше, своих морских сил, чтобы оставаться хозяином Желтого моря и быть постоянной угрозой высадке неприятеля. Это и должно лечь в основу всех составляемых планов, а никоим образом не рискованные предприятия, хотя бы и более

[1] Вообще, эта часть плана, касающаяся возможных операционных направлений японских десантных армий, почти оправдалась в действительности.

смелые, каких, наверное, от флота будет ждать общественное мнение. Потеря же в первый период войны флота, даже оставшись победителем, может повлечь тяжелые последствия, если при этом не будет достигнуто конечных результатов".

В этих последних указаниях характерно выступает подлинное отношение командования к задачам флота. В них можно различить опаснейшее направление его мыслей, которое уже в ходе кампании обрекло русский флот на ряд неудач, а затем и на гибель: это пагубное стремление избежать риска, система выжидания и та глубоко пассивная тенденция, которая воспитывалась даже в планах, несмотря на наступательные цели, допускавшиеся последними.

Этот план остался в силе, несмотря на увеличение состава Тихоокеанской эскадры присоединившимися в ноябре 1903 г. лин. кор. „Цесаревич" и бр. кр. „Баян". [1]

б) Сухопутные планы.

Что касается сухопутных планов, то таковые разрабатывались в двух местах: в штабе командующего Приамурским военным округом, и в штабе Квантунской области. План, разработанный штабом Приамурского округа в общих чертах, сводился к следующему: в основу было положено предположение, что флот не помешает свободной высадке десанта, что главные операции японцев будут направлены на Порт-Артур; что против Владивостока они ограничатся демонстрацией, что наиболее вероятный район высадки у Инкоу, почему считалось уже за успех, если его удастся принудить к высадке у Ялу. Считалось, что боевая численность японских войск не превысит 122 т.

Русская армия к моменту начала войны предполагалась в составе (в Манчжурии) 28 тыс., вследствие чего для первого времени был предположен оборонительный образ действий, перейдя в наступление только тогда, когда будет сосредото-

[1] Между тем, в Главном морском штабе, который не был посвящен в планы, вырабатывавшиеся в штабе наместника на Дальнем Востоке, шла работа над этим же вопросом. Там весьма пессимистически смотрели на положение флота в Артуре. Вывод Главного морского штаба сводился к следующему: „Японский флот несколько сильнее русских морских сил Тихого океана, находится в значительно лучших против нас условиях в отношении своего расположения на театре военных действий и располагает подавляюще превосходными против русских сил всякими материальными рессурсами. Записка одного из сотрудников штаба, кап. 1 ранга Брусилова (впоследствии первого начальника морского генерального штаба) прямо говорит, что „выгоднее теперь избежать войны, ценою даже значительных уступок, но вместе с тем теперь же твердо решить объявить Японии войну через два года, и энергично вести подготовку к этой войне, в широком смысле этого слова. Готовиться следует не только к войне, но непременно к победе". Тот же пессимизм был присущ разборам возможной войны при военно-морских играх в Морской академии.

чено на южно-манчжурском театре 145 тыс. против 122 тыс. японских, что ожидалось на шестом месяце войны.

План, выработанный в Квантунской области, оборону области сводил к защите Киньчжоуского перешейка и далее—позиций по направлению к Артуру.

Затем, однако, план военных действий в Манчжурии был изменен. В основу нового плана легла справка, данная адмиралом Витгефтом о степени сопротивления нашего флота японскому десанту, в которой он сообщал, что: 1) высадка неприятелем десанта в Инкоу, кроме отдельных судовых партий—невозможна; 2) высадка в Корейском проливе также немыслима; 3) если же наш флот будет предварительно разбит, то задержать высадку или значительно замедлить ход ее операций уже невозможно, и роль остатков флота будет—производить тревогу и частые нападения на его морские сообщения единичными судами и миноносцами. „Но возможности разбития нашего флота японским в районе Желтого моря и Корейского пролива даже при теперешнем соотношении сил, я лично не допускаю",—писал Витгефт.

Новый сухопутный план намечал сосредоточение главных сил на линии Хайчен—Ляоян и выставление авангардов к реке Ялу. Сущность предстоящих в первый период операций сводилась к обороне фронта, обращенного в сторону Японии и имевшего на флангах Владивосток и Артур, а в центре—линию Ляоян—Хайчен—место сосредоточения сил на Дальнем Востоке. Наибольшая численность японской армии признавалась по этому плану 156 бтл., 56 эск., 684 ор. и 13 инж. батальонов, при чем в расчет брались только полевые войска; ни о резервах, ни о запасных японских частях не упоминалось. Исходя из определенной численности японской армии, план предполагал, что японцы, развивая главный удар по одному из направлений, выставят против другого объекта действий простой заслон.

Сухопутными штабами вопрос о действиях морских сил за это время не рассматривался. В противоположность предыдущим планам считалось, что господство на море никоим образом не будет приобретено японцами, что сосредоточение наших войск на линии Ляоян—Хайчен пройдет беспрепятственно, в полной безопасности и что нигде и ни разу, вплоть до подхода к нам дальнейших подкреплений, мы не будем иметь перед собой такого превосходного по силе врага, который мог бы совершенно не позволить выполнить ту или иную из задач, возложенных на наши отряды.

Новый план, одинаково с морским планом, предусматривал лишь нормальный случай состоявшегося объявления войны той или другой из сторон и не останавливался на случае,

если бы Япония без формального разрыва уже начала осуществлять часть тех задач, которые предстояли ей в первый период войны.

В докладе царю военного министра Куропаткина о плане войны (летом 1903 года) он говорит... „мы должны держаться против Японии оборонительного образа действий, хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден—Ляоян—Хайчен, но отстоять южную Манчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем. Мы должны, как и два года тому назад, готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время, и не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев".

Уже после объявления войны Куропаткин представил следующую записку о плане войны:

„План кампании должен быть простой:

1) Борьба флотов за главенство на море.

2) Десант со стороны японцев и противодействие ему.

3) Оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сбора достаточных сил.

4) Переход в наступление:

а) вытеснение японцев из Манчжурии,

б) вытеснение японцев из Кореи.

5) Десант в Японию. Разбитие территориальных японских войск. Борьба с народным восстанием".

Мы сравнительно подробно остановились на плане кампании русского флота и армии, хотя изложение самих событий предполагаем сделать вполне конспективно. Планы эти имели крупное принципиальное значение, ибо содержали в себе отправные взгляды командования и отношение его к задачам войны.

Рассматривая их, можем заключить:

1) План сухопутный и план морской не были согласованы между собой. Военное ведомство ограничивается формальным запросом начальника штаба Витгефта о том, что можно ожидать от флота (см. стр. 52) и далее не входит в рассмотрение действий флота. Сухопутный план рассматривается и утверждается в Петербурге, где ничего не известно о плане флота.

Морское командование, совершенно правильно оценивая обстановку за неприятеля и учитывая вероятные направления высадки, которые действительно оправдались, в то же время не сообразуется с сухопутным планом, что видно из того, что задачу противодействия высадке оно не связывает с мерой накопления русских сухопутных сил, решая ее отвлеченно.

Общее командование на месте было объединено еще до войны. Казалось бы уже поэтому должно было быть достигнуто тесное согласование этих планов, но по причинам, объяснение которым можно найти лишь в традиционном разрыве между работой сухопутных и морских штабов, такового произведено не было.

2) Сухопутный план—оптимистичен. Силы врага оценены с заведомым преуменьшением (не учтены резервы), причем сделан допуск с ошибкой против действительности, едва ли не в 10 раз (вместо предполагавшихся 122 тысяч, Япония к концу войны имела под знаменами около миллиона). Допущено предположение, что ничто не будет мешать спокойному сосредоточению русских войск в Манчжурии, и что они не потерпят ни одного поражения, прежде, нежели оно будет закончено.

Совершенно противоположно настроение морского плана. Здесь заведомо отбрасывается стремление к бою с японским флотом. Откидывается идея перенесения базы ближе к Корейскому проливу, не предусматривается оборудование маневренных опорных пунктов, хотя бы сколько-нибудь выдвинутых к вероятным путям перевозки японских войск. Флот остается в Артуре. Над всеми соображениями преобладает мысль о превосходстве японского флота.

3) В русском морском плане указывается на необходимость владения Желтым морем и прекращения японских перевозок на западный берег Кореи. Однако, эта формулировка задач тотчас дискредитируется указанием на самый характер действий, кои от флота требуются: стремление сохранить суда, не подвергая себя риску, итти в операцию только тогда, когда успех обеспечен верный, опасаясь потерь. Поэтому все указания плана носят условный характер.

Практика войн учит, что условные указания фактически приводят к тому, что в боевой обстановке, когда требуется категорическое решение, они оказываются несостоятельными и ведут к потере основных идей плана.

4) Русские морские силы оказались разделенными. Это разделение оправдывало бы себя лишь в том случае, если инициатива кампании принадлежала бы нам, если бы крейсерский отряд действовал энергично, пользуясь каждым моментом, чтобы атаковать противника и отвлечь на себя часть его сил, или—если бы главные силы, находящиеся в Артуре, действовали вполне активно, широко используя обстановку для нанесения удара противнику.

Но ни крейсера, ни, в особенности, Артурская эскадра не проявляли необходимой активности. Инициатива с самого начала была передана японцам, которые в этом случае получали все выгоды действий против разделенного, неэнергичного противника.

Составитель морского плана, адмирал Витгефт, против воли и желания, в силу случайно сложившихся условий, в ответственнейший период войны оказался во главе Артурской эскадры. Его деятельность интересно сопоставить с планом, им же составленным. Все те сомнения, которые мы здесь читаем, как бы между строк, или улавливаем в отдельных мыслях и выражениях, потом, в действительности, заслонили другие идеи плана и оказались главными основными побуждениями, приведшими к отказу от наступления, в принципе.

Таким образом, исходное положение, установленное планами войны, характеризуется следующими отправными точками:

а) оборонительная идея планов на сухом пути (наступление откладывается надолго до сосредоточения необходимых сил);

б) осторожное и неуверенное, в конечном счете тоже оборонительное, устремление оперативной мысли в морском командовании;

в) общий недостаток сил и средств, медленность их накопления;

г) отсутствие удобных и хорошо защищенных баз флота.

Эти отправные точки, в связи с известными дефектами самого командования, создавали чрезвычайно невыгодное положение для русских в начале войны. Инициатива была предоставлена противнику. Политика не только не создала выгодных условий, но само поведение руководителей иностранного ведомства предопределило чрезвычайную неопределенность отношения к войне, когда Япония уже твердо решила начать ее.

Здесь, в самых планах, вырисовывается призрак того конца, который 50 лет назад завершил кампанию на Черном море в Севастополе.

Очерк военных действий на море.

В общем ходе русско-японской войны на море намечаются следующие периоды, из коих каждый характеризуется своеобразной обстановкой:

1) Начало войны, нападение японских миноносцев на русскую эскадру и первые десантные операции японского флота.

2) Период, февраль—март, когда японцы делают отчаянные усилия, чтобы заблокировать русскую эскадру в Порт-Артуре, заградив вход на рейд, и подготовляют высадку следующих частей экспедиционной армии.

3) Период, апрель—май: высадка 2-й армии японцев, движение к Порт-Артуру и взятие Киньчжоу.

4) Июнь—июль: тесная осада Артура и попытки русской эскадры прорваться во Владивосток.

5) Июль—декабрь: агония Артура и гибель 1-й Тихоокеанской эскадры.

6) Втечение всего этого времени—действия русской Владивостокской эскадры.

7) Поход 2-й Тихоокеанской эскадры, закончившийся боем у Цусимы.

Не имея возможности сколько - нибудь подробно остановиться на каждом из этих этапов, мы проследим лишь общий ход идей, руководивших, в зависимости от обстановки и складывавшихся условий, действиями русского морского командования.

Втечение всей кампании над русским флотом неотступно довлело одно основное задание: воспрепятствовать японским перевозкам, отрезать сообщение Японии с материком, для чего завладеть господством на море. Задание это не всегда сознавалось, от него делались большие отступления, но нам приходится именно с точки зрения этого задания оценивать действия русского флота, ибо в том было его главное назначение.

Начало войны. Выше, излагая историю начала Крымской войны, мы видели, какое пагубное влияние имело неопределенное политическое положение, когда правительство избегало решительных мер, отказывалось от активных операций, затягивало приготовления к войне и даже после того, когда она фактически началась, все еще лелеяло надежду избежать ее. Благодаря этому, была потеряна инициатива, в руки противника отдавалась возможность выбрать момент и самому начать войну с благоприятными шансами на успех.

Подобную же картину представляет начало и русско-японской войны. Несмотря на то, что 24 января дипломатические отношения между Россией и Японией, по инициативе последней, были прерваны, русское правительство продолжало питать надежду, что войны не произойдет. Распоряжений на случай начала военных действий сделано не было, и наша эскадра стояла на внешнем рейде Порт-Артура, как в мирное время, не приняв необходимых мер охранения. При этом наместник сообщил начальнику эскадры, что „он имеет уведомление о том, что прекращение переговоров не означает войны и что есть основание, что войны не будет“.[1]

В это время в Петербурге адмирал Макаров, бывший тогда главным командиром Кронштадтского порта, подал Управляющему Морским министерством записку, в которой указывал на опасность оставления эскадры на внешнем рейде

[1] Русско-Японская война, изд. Генмора, т. I, стр. 184.

Порт-Артура, где она подвержена атакам миноносцев, доказывая необходимость принять меры охранения. Почти одновременно начальник главного штаба, ген. Сахаров докладывал военному министру о неизбежности, по его мнению, войны, советуя нашему флоту не ждать нападения японцев и самому перейти в наступление. Но эти предупреждения результата не имели.

В Порт-Артуре была собрана не вся эскадра. В Чемульпо стоял посланный туда в распоряжение русского консула крейсер I ранга „Варяг", там же находилась в качестве стационера канонерская лодка „Кореец". Канонерская лодка „Манджур" была в Шанхае. Им не было дано приказания итти на соединение в Порт-Артур.

В то время, как русское правительство принимало запоздалые меры к улажению конфликта, Япония твердо решила начать войну без объявления ее.

Японский план, построенный на идее стремительного развития операций, не дожидаясь сосредоточения русских сил, не допускал иного решения. Япония сразу, одним ударом, внезапной атакой русской эскадры предполагала захватить господство над морем и тотчас выбросить первые эшелоны войск в Корею, чтобы обеспечить возможность дальнейшей высадки и развертывания японских армий.

24 января Того, командовавший соединенным японским флотом, находившимся в этот момент в Сасебо, получил приказание начать военные действия. 25-го он вышел в море, имея целью атаковать русскую эскадру в Порт-Артуре, а „Варяга" и „Корейца" в Чемульпо, где одновременно должен был высадиться передовой отряд японских войск для занятия Сеула.

Того имел исчерпывающие сведения о состоянии русского флота и, видимо, рассчитывал на сокрушающий результат своей внезапной атаки.

В ночь на 26 января русская эскадра была атакована японскими миноносцами. В результате атаки были выведены из строя два лучших броненосца эскадры, „Цесаревич" и „Ретвизан" и крейсер I ранга „Паллада". „Цесаревичу" удалось войти во внутренний рейд, „Ретвизан" же сел на мель в проходе.

Случилось так, как предполагал адмирал Макаров, предвидевший опасное положение эскадры на внешнем рейде. Эскадра стояла без мер охранения, некоторые суда грузили уголь и были освещены яркими лампами. Диспозиция эскадры была составлена таким образом, что в наружной линии стояли сильнейшие суда эскадры, более других подвергавшиеся опасности. Огонь по японским миноносцам был открыт поздно, так как их приняли за возвращавшиеся с моря свои миноносцы. В крепости произошла полная неразбе-

риха: один из полков, думая, что это маневр, вышел по тревоге с холостыми патронами, на батареях долго не могли понять, в чем дело, и т. п.

Подробности минной атаки рисуют изумительную картину врасплох застигнутых крепости и эскадры.

На утро 27 января главные силы Того подошли к Артуру и имели перестрелку с нашей эскадрой и крепостью.

В тот же день, после боя японского отряда крейсеров у Чемульпо, „Варяг“ и „Кореец“ были затоплены на рейде своими командами.

Таким образом, японцы в первый день войны добились крупного успеха, весьма ослабив русскую эскадру.

Эта неудача тяжело сказалась на состоянии русского флота.

Мы уже видели при обзоре планов, что активные стремления русского морского командования были невелики, что над всеми его оперативными предположениями господствовало соображение о превосходстве сил японского флота. Теперь с выводом из строя двух сильнейших линейных кораблей и двух крейсеров, из коих один был утоплен, а другой поврежден, неравенство сил стало подавляющим, что в корне глушило наступательные планы нашего флота.

Того рассчитывал внезапным ударом уничтожить большую часть эскадры и тем самым сразу решить вопрос о господстве на море. Эта задача полностью ему не удалась. Корабли, как сказано, были выведены из строя, эскадра же уничтожена не была. Но был подавлен дух ее, была парализована воля к наступлению. Все планы и предположения о борьбе в открытом море с японским флотом, о стремлении не допустить высадку рассеялись сразу, и эскадра наша, уже без дальнейшей борьбы, уступила, на первое по крайней мере время, господство на море японскому флоту.

Японское командование не могло считать себя вполне удовлетворенным результатами атаки. Оно, несомненно, ожидало большего: не ослабления эскадры, а уничтожения значительной ее части, что обеспечило бы его дальнейшие операции по переброске войск на материк.

Теперь же ему приходилось считаться с фактом существования хотя и ослабленной, но все же боеспособной эскадры противника.

Неудача, нас постигшая, сопровождалась в то же время чрезвычайно сложным положением японского командования, которое должно было начать высадку, не имея абсолютного господства над морем. Японцы *должны были*, и *притом спешно*, развивать свои операции. Они не могли ждать и обязаны были итти на риск, сопряженный с перевозкой войск при неуничтоженном противнике.

Они не имели права и основания рассчитывать, что русская эскадра останется пассивной к их действиям на море.

Первые дни войны сопровождались рядом дальнейших несчастий для русского флота. Он лишился заградителя „Енисей", взорвавшегося на минном заграждении, им же поставленном; крейсера „Боярин", также подорвавшегося на мине; несколько позже погиб один из миноносцев („Внушительный"). Эти потери еще больше сгустили то состояние моральной подавленности, которое сложилось после неудачного начала военных действий.

Вся энергия русского флота уходила на охранение рейда (броненосцы перешли во внутренние гавани), заграждение Талиенвана, организацию охранной службы и ремонт поврежденных судов. Боевые действия ограничивались стычками в районе Артура. Никакой разведки в море не производилось, освещались районы непосредственно перед рейдом, не далее.

Операции в открытом море не ставились целью.

Правда, проекты таковых операций были. Наместник в заседании 4/17 февраля высказал, „что неприятель, согласно имеемым сведениям, намерен высадить часть действующей армии на северном побережьи Кореи и Печилийского залива, но что это временно задерживается льдом и есть вероятие, что прекращение действий против Артура следует объяснить уходом японского флота из Корейского залива для исправления судов, а потому—это наиболее благоприятный момент для производства демонстраций нашей эскадрой в шхерах у Чемульпо".

Но это предположение осуществлено не было,—не было решимости и веры в его целесообразность. Флот продолжал оставаться в гавани.

Уезжая из Порт-Артура и передав временно (до прибытия назначенного командующим флотом адмирала Макарова) командование эскадрой адмиралу Старку, наместник дал директиву, основные пункты которой гласили:

1) „Ввиду значительного ослабления эскадры выводом из строя двух броненосцев и трех крейсеров в самом начале военных действий, главной вашей заботой должно быть сохранение броненосцев на случай решительных действий, сообразно обстоятельствам, одним из которых является необходимость воспрепятствовать высадке на побережье Ляодуня".

„2) Для необходимого нравственного воздействия на неприятеля и стеснения его действий в Корейском и Печилийском заливах, а также с целью угрозы его сообщениям. Ваше Пр-во предпримете, сообразно обстоятельствам, со всей эскадрой усиленную рекогносцировку по направлению к шхерам у Чемульпо или к другому пункту по вашему усмотрению, предварительно осветив местность крейсерами и миноносцами"...

Этими директивами, а еще в большей степени подавленным моральным состоянием командования,—был предрешен пассивный образ действий. Проблематичная активная операция „в целях нравственного воздействия на неприятеля“, не являлась актом необходимости, была следствием определенного расчета и отводилась в область сомнительных предположений; опасение же (или запрещение) риска ставило под знак вопроса и самый выход в море.

Высадка 1-й японской армии. Попытка заграждения входа в Артур.

Как выше было сказано, японцы должны были спешить с выполнением намеченных операций по переброске войск в Корею, берега которой еще были покрыты льдом, за исключением некоторых рейдов, которыми можно было воспользоваться для высадки десантов.

Стремление японского флота было направлено к тому, чтобы не выпустить русских из Порт-Артура и запереть эскадру. 10 февраля японцы предприняли попытку закупорить вход на Порт-Артурский рейд затоплением пароходов, которые должны были прорваться на рейд и затонуть в проходе. Попытка эта была отражена и не удалась. Проход остался свободен. Но реальное ее значение было уже в том, что она еще в большей мере содействовала угашению активной идеи русского командования, внимание которого приковывалось к обеспечению безопасности самого выхода на рейд.

Тем временем (14 февраля) закончила высадку в Чемульпо 12 дивизия.

Вслед за 12 дивизией должны были высадиться 2-я и гвардейская дивизии, которые составляли 1-ю японскую армию, имевшую задачей выдвинуться к реке Ялу, заняв этот рубеж ранее сосредоточения здесь русских войск. Высадка закончилась 18 апреля без помехи со стороны русского флота.

Период командования флотом адмирала Макарова.

Тем временем в Артур спешил вновь назначенный командующим эскадрой адмирал, Степан Осипович Макаров, выехавший из Петербурга, не дожидаясь даже выхода приказа о своем назначении.

Популярный в личном составе флота, выдвинувшийся своей энергией и знаниями среди других адмиралов русского флота, своим приездом (24 февраля) и первыми распоряжениями поднял дух эскадры, вселив уверенность в возможность исправить положение и перейти к активным действиям в море. Его кратковременное командование — единственный светлый период в истории боевой деятельности Порт-Артурской эскадры.

Макарову пришлось встретиться с множеством дефектов и с неподготовленностью эскадры в боевом отношении. Всю свою энергию он употребил на то, чтобы ускорить ремонт

поврежденных кораблей, дать эскадре необходимую практику в маневрировании и эволюциях.

Что же касается оперативных предположений адм. Макарова, то сущность таковых сводилась к следующему: 1) Пока суда не готовы, минировать подступы к Квантунскому побережью. 2) По мере усиления оборонительных средств, постепенно расширять район деятельности флота, сперва с помощью миноносцев и крейсеров, а с исправлением „Цесаревича“ и „Ретвизана“ ввести в действие и линейный флот, с которым направить удар на главные силы противника, с целью принудить его принять решительное сражение. 3) В случае, если на стороне неприятеля будет значительное тактическое превосходство и преимущество в силах, задачей флота будет стремление удерживать за собой владение прилегающих к Квантуну вод, угрожая коммуникационным линиям противника и стараясь с помощью частых и неожиданных нападений и поисков ослаблять силы его, имея главной задачей задержать высадку армий на материк. 4) Организовать связь с Владивостокским отрядом крейсеров для действий на путях сообщения в Корейском проливе против транспортов с десантными армиями и побережья, что естественно должно было отвлечь часть неприятельского флота от Порт-Артура.

Характерно отметить эпизод, вызвавший обмен мнений Макарова и наместника относительно активных операций эскадры.

По полученным агентурным сведениям, японцы намеревались в начале марта приступить к десантным операциям в районе Инкоу. Считая весьма вероятным, что Инкоу будет служить местом сосредоточения высаживаемого десанта, адмирал Макаров решил немедленно приступить к минированию входа в реки Ляохе и Ялу и одновременно сообщил наместнику, что в случае появления транспортов у берегов Квантуна, в сопровождении неприятельских главных сил, он считает необходимым выйти со всей эскадрой навстречу противнику и дать бой с целью заставить его отступить с транспортным флотом.

Получив это донесение, наместник 10 марта ответил, что „выход флота для противодействия высадкам неприятеля на побережье Лиаотунга он признает как крайнюю меру, так как результат боя с значительно превосходящими силами неприятеля грозит большими и крайне чувствительными потерями“... Кроме того он указывал на необходимость самого тщательного сохранения флота, особенно броненосцев, до того времени, когда „участие флота может довершить скорейший успех и нанести неприятелю решительное поражение“.

Таким образом, устанавливалось существенное несоответствие взглядов Алексеева и Макарова на характер предстоящих действий флота.

Того, ввиду неудавшийся операции заграждения входа в Артур 12 февраля, предполагая скорое окончание исправления поврежденных русских судов и поднятие в связи с прибытием адмирала Макарова духа на русской эскадре, „чтобы не дать неприятелю оправиться, решил снова тревожить его атакой“... [1]

25 февраля ночью японские миноносцы прошли на внешний рейд Артура, не найдя, однако, там больших судов. Утром произошли бои между русскими и японскими миноносцами. Тем временем подошел Того и днем 26 февраля перекидной стрельбою через Ляотешань бомбардировал внутренний рейд Артура, при чем был вновь поврежден броненосец „Ретвизан“.

Адмирал Макаров, собрав после бомбардировки флагманов и командиров, высказал свое твердое намерение приступить к активным действиям на море, с целью овладения прилежащим к Артуру районом, организовав возможно частые выходы всей эскадрой, как для боевых действий, так и для недостававшей ей практики. Первый выход он решил на следующий день 27 февраля.

В этот день эскадра, в составе 4 броненосцев, 4 крейсеров и миноносцев, днем крейсеровала в районе Артура. Это был первый ее выход после атаки 26 января.

На японцев выход эскадры, о котором Того получил сведения 1 марта, произвел большое впечатление. В этот момент операция перевозки 1-й армии была на полном ходу, и Того имел основание опасаться, что русская эскадра может помешать ее выполнению.

9 марта Того выслал миноносцы в атаку на Артурский рейд, и с главными силами предпринял его бомбардировку из за Ляотешаня. Наша эскадра под флагом Макарова вышла на рейд с намерением, ввиду превосходящих сил противника, дать бой в районе действия береговых батарей. Из гавани „Ретвизан“ и „Победа“ успешно отвечали на огонь японцев. Того боя не принял и ушел в море.

Быстрый выход эскадры, успешная стрельба ее свидетельствовали, что эскадра оживает и становится все более боеспособной. Это вызвало необходимость со стороны японцев решительных мер. Того стал готовиться к повторению заградительной операции. Надо было спешить, так как Макаров развивал энергичную деятельность.

13 марта русская эскадра вновь выходила в море.

В ночь на 14 марта 5 японских пароходов-заградителей ворвались на рейд под прикрытием миноносцев. Но их атака была отражена, они затонули в стороне от выходного фарватера.

---

[1] „Военные действия на море в 37—38 г., Мейдзи“, т. I, стр. 97.

Утром 14-го Макаров с эскадрой вышел на рейд. Того, убедившись в безуспешности операции, вернулся в базу, отдав распоряжение о подготовке новой партии заградителей, на этот раз в большем числе.

Между тем, Макаров решил произвести разведку и обследование о-вов Эллиот, послав туда миноносцы. Это привело к стычке между русскими крейсерами и японцами.

За время до 31 марта эскадра выходила еще два раза в море для практики и ища случая встречи с противником невдалеке от Артура. Того эти выходы рассматривал, как подготовку прорыва эскадры во Владивосток, и соответственно с этим вел усиленное охранение Корейского пролива.

30 марта ночью в сильную пасмурность японские миноносцы поставили минное заграждение на рейде Порт-Артура, не будучи обнаружены дозором. На батареях видели подозрительные силуэты в море, но Макаров не разрешил открывать огня, предполагая, что это наши миноносцы, бывшие в море и вернувшиеся из-за пасмурной погоды, но держащиеся в море согласно данного им приказания не входить в гавань до рассвета.

Утром был выслан крейсер („Баян"), обнаруживший в море неприятельский крейсерский отряд, с которым вступил в перестрелку. Это был третий боевой отряд японского флота, имевший целью демонстративно вызвать выход русской эскадры на загражденный рейд. В море находился и сам Того с главными силами своего флота.

План этот японцам удался.

Адмирал Макаров тотчас выслал крейсера и приказал броненосцам разводить пары.

Первым вышел Макаров на „Петропавловске", за ним „Полтава". Остальные броненосцы несколько задержались.

„Петропавловск", „Полтава" и крейсера („Аскольд", „Баян", „Диана", „Новик") пошли по направлению на японские крейсера. Однако, скоро были обнаружены главные силы японского флота, в составе 6 броненосцев и 2 броненосных крейсеров. Макаров повернул к Артуру, отпустил миноносцы, а сам, находясь милях в двух от берега с вышеупомянутым отрядом, лег на 0st с намерением принять неравный бой с японской эскадрой под прикрытием береговых батарей.

Но в этот момент „Петропавловск" коснулся мины заграждения. Произошел взрыв, сопровождавшийся детонацией погребов, и „Петропавловск" в несколько минут затонул. На нем погиб и адмирал Макаров.

Вместе с ним погибла и та свежая струя, тот бодрый дух и надежды, которые он принес с собой.

После Макарова события пошли по пути, который уже был проложен в первые дни войны и который роковым образом увлекал эскадру к ее гибели.

В командование флотом, до прибытия вновь назначенного на эту должность адмирала Скрыдлова, вступил наместник ген.-ад. Алексеев.

Состояние материальных сил флота после гибели адмирала Макарова было весьма тяжелым: из 6 броненосцев— 4 были неисправны; вполне готовы лишь „Полтава" и „Пересвет". „Ретвизан" и „Цесаревич" все еще чинились после повреждений, полученных ими при минной атаке 26 января; „Победа" 31 марта была повреждена на мине, „Севастополь" после столкновения с „Пересветом" 13 марта имел поврежденный винт. Из крейсеров только „Паллада" в полной исправности, остальные нуждались в текущем ремонте, „Амур"— получил пробоину от прикосновения к затопленному на рейде пароходу. Из 22 миноносцев только 13 были исправны.

Между тем, неприятель после бомбардировки 2 апреля вблизи Артура не показывался; он деятельно готовился к третьей попытке заградить вход в Артур пароходами. О намерении японцев произвести новую атаку на Артур русские были хорошо осведомлены из многих источников и принимали меры по обеспечению входа на рейд.

Действия японцев.

Положение высадившихся японских войск было в это время следующее: 1-я армия под начальством Куроки была высажена вся, и поддерживаемая с моря 7-м боевым отрядом, двигалась на север к реке Ялу. 18 апреля произошел неудачный для русских Тюренченский бой, и японская армия вступила в Манчжурию.

Японская главная квартира сформировала уже 2-ю армию под командой Оку, которая должна была одновременно с заграждением входа в Артур высадиться на Ляодунский полуостров в бухте Энтоа, в 23 милях от Талиенвана.

До выяснения результатов операций флота 2-я армия, будучи посажена на транспорты, была сосредоточена у устья р. Тайдон (Цинампо).

Задача обеспечения войск ложилась на главные силы японского флота. Развертывание последнего сводилось к следующему:

1) Для обеспечения со стороны Владивостокского отряда был переведен в Корейский пролив 2-й боевой отряд адм. Камимура (броненосные крейсера).

2) 7 боевому отряду (старые суда) приказано совместно с канонерскими лодками итти в Цинампо и оттуда к Энтоа, где вместе с особым отрядом войск, для этой цели предназначенных, овладеть пунктом высадки адмирала Катаока (5 эск.), вместе с специально назначенными судами охранять и конвоировать транспорты.

3) Сам Того с главными силами предполагал итти к Артуру, прикрыть вход на рейд и действовать против русской эскадры.

Для обеспечения операций адмиралом Того были приняты две меры. Первая—это посылка пароходов-заградителей в ночь на 20 апреля для закупорки входа в Артур, вторая—оборудование промежуточной базы на островах Эллиот.

В ночь на 20 апреля состоялась третья попытка заграждения входа в Артур. Однако, несмотря на то, что она была подготовлена особенно тщательно и в операции участвовало 12 оборудованных пароходов, полное заграждение не удалось, и фарватер остался чист.

20 же апреля 1 эшелон армии Оку на 26 транспортах вышел из Цинампо в бухту Энтоа. Ввиду тумана, этот десант задержался в море и только на следующий день продолжал свое движение.

В 5 ч. 10 мин. вечера 21 апреля головные части транспортного отряда были обнаружены русскими наблюдательными постами у о-вов Эллиот. 22 апреля в 4 ч. 50 мин. утра эти суда появились у Бидзиво, а через час подошли и главные силы.

Наши наблюдательные посты отошли и с русской стороны некому было даже наблюдать за высадкой японцев.

Японцами за сутки совершенно беспрепятственно была высажена 1-я японская дивизия, которая и заняла ближайшие горы и высоты.

На другой день тайфун развел сильную волну, и высадку пришлось приостановить, возобновив ее только к вечеру.

24 апреля высадка еще продолжала быть затруднительной, 25-го же была высажена другая дивизия. 30 апреля были высажены все войска передового отряда армии Оку, около 50.000 человек при 216 орудиях. На перевозке было занято 83 транспорта.

Таким образом, втечение 10 дней, непосредственно вблизи Артура, в расстоянии от него нескольких десятков миль, японцами была выполнена операция высадки крупного десанта. Они оставались в убеждении, что выход русской эскадры невозможен вследствие затопления транспортов. Но это не отвечало действительности: русская эскадра могла, но не имела намерения выйти. Ее линейные суда и миноносцы оставались безучастными зрителями происходившей высадки.

Между тем, ввиду угрозы перерыва сообщений с Артуром, наместник был вызван в главную квартиру. До прибытия вновь назначенного командующего флотом адмирала Скрыдлова, он поручил временное командование к.-а. Витгефту. Этому временному начальнику и пришлось руководить действиями нашей эскадры до ее конца.

Уезжая, наместник оставил Витгефту инструкцию, сущность которой сводилась к следующему:

1) „Ввиду значительного ослабления сил, активных действий не предпринимать, ограничиваясь производством ре-

когносцировок крейсерами и отрядами миноносцев для атаки неприятельских судов. При этом посылку тех или других обставлять такими условиями, дабы не подвергать их без нужды особому риску".

„Считаю, что посылка миноносцев совместно с крейсерами может быть произведена, как необходимость, в том случае, если неприятель будет высаживаться на побережье Квантуна, но в пределах возможности совершить переход миноносцами к месту атаки и возвратиться в Артур без явной опасности быть отрезанным от своего порта".

2) „Одна из главных обязанностей должна заключаться в обеспечении свободного выхода в море. По этому вопросу В. Пр-ву известны все те инструкции и распоряжения, которые мною отдавались в вашем присутствии к.-ад. Лощинскому".

3) „Для согласования взаимных действий по обороне крепости и укрепленного района вам надлежит оказывать всякое содействие коменданту крепости и начальнику укрепленного района г.-л. Стесселю".

4) „Скорейшее исправление всех броненосцев и других судов должно составить предмет особой заботливости".

Эта директива наметила курс мысли для дальнейшего руководства эскадрой. Опасение риска, чрезмерная осторожность, фиксирование внимания к защите рейда и содействию крепости—фактически приводили к отказу от активных операций, от всякой деятельности в море вообще. У нерешительного слабовольного начальника, каковым был адмирал Витгефт, эта директива окончательно сковала активный порыв, если бы такой и был у него. Позже сам наместник требовал наступательных действий, но командование Артурской эскадрой, утвердившее свою идеологию в духе первоначальных директив,—к активности уже не было способно.

Вскоре (22 апреля) была получена телеграмма от наместника: „по имеемым сведениям, противник высаживается южнее Терминаль, в бухте Сицхао. При несомненном подтверждении этих известий, атаку его соединенными лучшими миноносцами обоих отрядов, в числе 10 или 12, признаю по настоящему времени своевременной и требующейся в интересах обороны, которой флот принесет чрезвычайную пользу. С исполнением сего сделать поддержку экспедиции крейсерами с присоединением к ним броненосца „Пересвет", не подвергая однако последних явной потере, предоставляю вашему усмотрению".

Витгефт ответил, что ...„так как вполне достоверных известий — где высаживаются, сколько транспортов и сколько охранных судов, не было и получились самые противоречивые данные, определявшие число транспортов от 15 до 80, то раньше посылки миноносцев с поддержкой крейсеров на столь серьезное и опасное предприятие, я вновь собрал

флагманов и начальников отрядов миноносцев, чтобы выслушать их мнение, так как даже при удаче мы лишились бы многих миноносцев и могли бы потерять крейсера тем же путем, каким потеряли Петропавловск".

Это совещание, взвесив все трудности похода, решило сделать атаку миноносцев с поддержкой крейсеров на японские транспорты и флот только при дальнейшей высадке в районе тыла Кинь-Чжоуской позиции, с восточной стороны Квантунского побережья.

В тот же день состоялось другое совещание флагманов и командиров судов 1-го ранга по поводу приведенной выше телеграммы наместника, в которой были кроме того следующие указания:

„Производимая неприятелем высадка в Северной части области при одновременной блокаде большими морскими силами вменяет морякам священную обязанность, имея в виду возможность обложения крепости с суши, тесно сплотиться с войсками и единодушно стать на защиту убежища родного флота и крепости".

„Передайте с судов необходимые орудия, снаряды и требуемую к ним прислугу и примите самые энергичные меры к быстрой организации перекидной стрельбы судовой артиллерии по подступам к сухопутному фронту..."

Согласно этой телеграммы было обсуждено, какие пушки возможно передать на берег.

Таким образом, само высшее командование посягнуло на разоружение флота.

На следующий день совещание решило считать посылку миноносцев в Бидзиво рискованной.

Затем, 25-го опять совещание для обсуждения заявления генерала Стесселя, в котором он, ссылаясь на превосходство в море противника и безнадежность для флота боя в открытом море, а в то же время на необходимость защищать Артур всеми средствами и тем сохранить крепость и флот, предлагал оставить на судах только 12″ и 10″ орудия, все же прочие—8″, 6″ и т. д. снять и передать на усиление сухопутного фронта крепости.

На совещании было решено „передать крепости все орудия, которые только возможно".

Таким образом, в то время, как японцы высаживали войска 2-й армии, опасаясь возможной атаки русских, в то время как абсолютное господство на море было для них исключительно необходимым, и успех десантных операций требовал полной безопасности со стороны моря, — в эти решающие моменты, флот наш мало того, что ничем не пытался противодействовать японцам, ограничиваясь лишь пассивной обороной, но в нем созрели тенденции, которые исключали применение флота в море и впредь.

Началось разоружение судов. Правда, было снято лишь немного мелких передних орудий, ими эскадра была незначительно ослаблена, но самый факт свидетельствовал о полном отказе от наступательных задач.

С 24 апреля японский флот перенес базу на острова Эллиот, оборудование рейда которых было к этому времени закончено. Первая японская эскадра блокировала Артур, третья—охраняла высадку.

При выполнении этих операций японский флот постигли многочисленные неудачи. Втечение нескольких дней у них погибли: миноносец № 48 и авизо „Мияко", на минах в бухте Керр; крейсер „Иосино" столкнулся с крейсером „Кассуга" и погиб; крейсер „Тацута"—сел на камни, канонерская лодка „Осима" столкнулась с „Акачи", миноносец „Акацуки" —взорвался на мине.

Но самой тяжелой потерей японского флота в эти дни—была гибель двух сильнейших линейных кораблей „Хатсузе" и „Ясима" на минах, поставленных перед Артуром русским минным заградителем „Амур".[1]

Взрыв „Хитсузе" и „Ясима" наблюдался в Артуре. Но адмирал Витгефт не решился воспользоваться моментом и атаковать деморализованного и ослабленного противника. Он только через два часа выслал миноносцы, которые, не будучи поддержаны крейсерами и броненосцами, оставшимися на рейде (за исключением вышедшего „Новика"), были легко отогнаны японцами.

---

[1] Японский блокирующий отряд систематически появлялся перед Артуром, причем точного наблюдения его курсов обычно не велось. Командир „Амура", имея в виду желательность постановки минного заграждения на пути японских судов, настоял на организации наблюдения и нанесении на карту их мест.

Хлопотами того же командира ему удалось добиться разрешения на постановку мин, причем адмирал Витгефт колебался ставить мины вне территориальных вод, опасаясь международных осложнений... („История Русско-Японской войны на море", том II). 1 мая около 1 часа 30 мин. с сигнальной станции на Золотой горе сообщили о появлении блокирующего отряда японцев. Начальник минной обороны, которому непосредственно был подчинен „Амур", адмирал Лощинский, не решаясь взять на свою ответственность высылку „Амура", доложил адмиралу Витгефту о наступлении удобного момента... Он просил разрешения послать „Амур". Адмирал Витгефт ответил на это: „минная оборона — ваше дело, если вы находите полезным и удобным, то высылайте". После такого уклончивого ответа адмиралу Лощинскому оставалось только отдать приказание о походе командиру „Амура". В 2 ч. 25 мин., т.-е. час спустя после того, как противник был обнаружен, „Амур" вышел, по сигналу Витгефта: „Амур" итти по назначению. Итти осторожно".

Вот при каких обстоятельствах была решена операция, приведшая к большому успеху, который, будучи эксплоатирован, мог бы послужить поворотным пунктом кампании на море. Менее всего в этом успехе повинно командование эскадрой; это дело надо целиком отнести к инициативе командира „Амура", кап. 2-го ранга Ф. Иванова 6-го. „Амур" поставил мины, на которых на другой день 2 мая погибли два вышеназванных японских броненосца.

Это значительное ослабление японского флота прошло без влияния на ход событий у Артура. Верный строго оборонительным тенденциям, боясь риска и находясь под давлением предвзятой мысли о необходимости ограничиваться лишь содействием местной обороне Артура, адмирал Витгефт отказался от широких возможностей, каковые ему предоставлялись обстановкой этих тяжелых для японского флота дней.

Приготовления эскадры к выходу в море.

Между тем, 2-я японская армия высадилась на Лаодунь и части ее, не встречая сопротивления со стороны русских, отошедших на Квантунский полуостров, подошли к Киньчжоу.

13 мая, после боя, Киньчжоу был взят. Это знаменовало собой приближение тесной осады Порт-Артура.

Морское командование в Артуре сознавало это. Положение флота сразу же было признано критическим. Возникал вопрос как быть дальше.

С момента падения Киньчжоу происходит перелом в направлении мыслей командования. Теперь у Артурского командования не возникает идей об операциях, имеющих сколько-нибудь систематический характер против японского флота, с целью стеснения его действий. Теперь вопрос ставится о спасении флота.

Единственный способ спасти флот главное командование видело в прорыве во Владивосток. Но эта мысль встречает противодействие со стороны командовавшего эскадрой адмирала Витгефта, поддерживаемого группой флагманов и командиров, считавших, что выход флота в море влечет за собой его неизбежную гибель.

На другой день после взятия Киньчжоу, Витгефт собрал совещание для обсуждения:

„Выходить ли по готовности в море для прорыва во Владивосток или же для того, чтобы найти неприятеля и дать ему бой? Оставаться ли в бассейне и принимать участие в обороне Артура до последней возможности, после чего выйти в море для боя с противником?“.

Большинство склонялось к тому, что „флот не может и не должен оставлять Артур“ (в меньшинстве были некоторые командиры, в том числе и Эссен, настаивавший на выходе флота для прорыва). Сухопутные начальники, в особенности Кондратенко, держались мнения о необходимости флоту прорваться. Стессель считал необходимым действовать активно, но базируясь на Артур.

25 мая, ввиду готовности „Победы“, Витгефт спрашивал наместника „выходить ли в море, как того требует Стессель, считая положение Артура без этого критическим? Выход еще не вполне чист от мин, орудия на судах все“.

На это наместник ответил: „крепость упорной обороной и вашим содействием должна служить до последней степени

укрытием эскадры. Почему выход ее, непременно в полном составе, сообразуйте с обстоятельствами, обеспечивающими безопасность выхода и нанесение поражения неприятельскому флоту. Ввиду понесенных им потерь, мы можем расчитывать на успех. Помните, что благоприятный исход морского боя может решить участь всей кампании в нашу пользу".

Через несколько дней наместник сообщает: „принимаю все меры к скорейшей деблокаде Порт-Артура, но ввиду всякой случайности надо флоту, защищая крепость, готовиться к последней крайности—выйти в море для решительного боя с неприятелем, разбить его, проложить себе путь во Владивосток..."

В другой его телеграмме говорилось: „если по ходу осады явится сомнение в нашем успехе, то флоту важно выйти в море своевременно, и прежде наступления явной опасности потерять крепость, что подлежит обсуждению теперь же военного совета"...

Как на это реагировал адмирал Витгефт, можно видеть из телеграммы, посланной им 2 июня, где он говорит: „Раз признана важность, необходимость выхода эскадры хотя и с риском, выйду по готовности, уповая на бога. Лично не подготовился к столь ответственной обязанности... Считаю долгом высказать, что без флота армии не взять обратно Киньчжоу, почему я и не соглашался на немедленный выход эскадры, несмотря на все заявления военных и заманчивость нанести удар японцам, что безусловно рискованно до очистки прохода"...

Наконец, после следующих настойчивых указаний, когда исправление кораблей было закончено и эскадра могла выйти в полном составе, он телеграфировал: „Да поможет мне бог честно выполнить ответственную перед царем, Россией и совестью обязанность, которую лично не искал. Выхожу сообразно высокой воде около десятого... В случае смерти прошу похлопотать о жене, личных средств не имею"...

Из этой телеграммы видно, с каким настроением адмирал Витгефт шел на прорыв во Владивосток; полное падение воли, отсутствие какой бы то ни было веры в успех — не предвещали, конечно, успеха предприятию.

Выход эскадры. 10 июня в 4 часа утра наши суда начали вытягиваться на рейд.

Флот вышел в полном составе: „Полтава", „Пересвет", „Севастополь", „Победа", „Ретвизан", „Цесаревич", крейсеры: „Баян", „Паллада", „Новик", „Диана", „Аскольд" и 8 миноносцев.

Цель выхода, по донесению Витгефта наместнику, состояла: „успеть уйти на ночь в море подальше от миноносцев, рассчитывая, что флот неприятеля слабее нашего, согласно сведениям штаба, и находится в разных местах Жел-

того моря и Печили. Днем итти к островам Эллиот и, отыскав неприятеля, атаковать его в полном составе или частями...

Длинные приготовления, медленный выход судов на рейд были замечены японскими судами, несшими наблюдательную службу в районе Артура.

Через несколько часов японский флот, в составе 4 броненосцев, 4 броненосных и 10 легких крейсеров и значительного количества миноносцев, был стянут к русской эскадре. Около 7 часов флоты пришли на вид друг другу.

Определив силы противника, адмирал Витгефт решил, что таковые значительно превосходят силы нашего флота, и после перестрелки с дальней дистанции повернул к Артуру. Японцы бросили свои миноносцы в атаку, которая, однако, успеха не имела.

На обратном пути броненосец „Севастополь“ коснулся мины заграждения и получил пробоину, но остался в строю.

Таким образом, робкая попытка адмирала Витгефта прорваться во Владивосток успеха не имела.[1]

Наместник остался недоволен действием эскадры и писал Витгефту, что он не довел дело до конца, не остался непреклонным в исполнении намеченного плана, сообразно коему эскадра могла доблестно исполнить свой долг. Далее, он предписывал: „немедленно изготовить суда к выходу в море, приняв по всем частям полные запасы и поддерживая их постоянную готовность и снабжение. Сообразно обстоятельствам, оказывать всеми судами возможное содействие обороне. Это содействие непременно должно выражаться в активных действиях всей эскадры или отдельных ее частей, т.-е. крейсеров, лодок, миноносцев. При этом, однако, эскадре можно оставаться в Артуре лишь до того времени, когда крепость, пользуясь полной обеспеченностью от взятия открытой силой или ускоренной атакою... В случае предвидения обстоятельств, упомянутых в предыдущем пункте, эскадре, не дожидаясь исправления „Севастополя“, надлежит заблаговременно выйти в море и не вступая в бой, если это окажется возможным, проложить себе путь во Владивосток... Наконец, если присутствие эскадры в Артуре не может приносить пользы в смысле его обороны, то тотчас

---

[1] Силы встреченного противника были переоценены Витгефтом. В действительности, если не считать старых японских судов, так как боевое значение последних было ничтожно, русская эскадра имела преимущество перед японцами в числе линейных кораблей—6 против 4, каковое не могло быть компенсировано наличием у последних 4 броненосных крейсеров против одного „Баяна“.

Отношение судовой артиллерии сторон было следующим:

	Пушки		
	12″ и 10″	8″	6″
Русские	23	20	120
Японские	17	2	87

по исправлении „Севастополя“, выйти в море, и, как выше указывалось, итти во Владивосток“.

В письме Витгефту наместник, между прочим, писал... „Какой бы ни был успех, без успеха на море он не будет иметь значения. Между тем, все, что на море, производит большое впечатление в Японии. Уничтожение трех транспортов нашими крейсерами[1] вызвало целую панику, а равно и выход эскадры из Артура. А что, если бы вы уничтожили половину японского флота, это могло бы сравниться с вероятным уничтожением японских армий в Манчжурии! Считаю, что даже переход во Владивосток перенес бы центр тяжести в нашу пользу, и Артур без нашей эскадры не представляет той добычи, о которой так мечтают японцы... Не пропускайте благоприятной минуты снова выйти с вашей эскадрой, но только без возвращения на артурский рейд...“

Наконец, приказание о выходе эскадры было подтверждено от имени царя.

28 июля эскадра вышла. Одновременно, Витгефт послал на миноносце „Решительный“, через Чифу, следующую телеграмму царю: „согласно повелению в. и. в. переданного наместником мне телеграммой, выхожу с эскадрой прорываться во Владивосток. Лично я и собрание флагманов и командиров, принимая во внимание все местные условия, были против выхода, не ожидая успеха прорыва и ускоряя сдачу Артура, о чем неоднократно доносил наместнику...“

Никаких распоряжений на случай боя, никакого плана выработано не было, и эскадра, руководимая начальником, который смотрел на выход в бой, как на предпринятую против воли операцию, не имеющую шансов на успех,— конечно не могла победить, даже если бы обстоятельства и сложились для нее благоприятно...[2]

---

[1] См. ниже—Действия Владивостокских крейсеров.

[2] Бой 28 июля в Желтом море был предвестником Цусимы; та же директива—прорываться во Владивосток—привела в обоих случаях к поражению. Бой 28 июля не кончился таким разгромом, как Цусима, хотя привел к полному уничтожению 1-й Тихоокеанской эскадры, принужденной вернуться в Порт-Артур и погибшей вместе с падением крепости. Ни одно большое судно в бою не было потоплено; японские корабли потерпели столько приблизительно повреждений, как и русские, но слабая организация эскадры, лишившейся в критическую минуту боя командующего, привела к тому, что эскадра, не будучи разбита, рассыпалась и перестала существовать как единое целое.

Фактическая сторона этого сражения была такова: с утра 28 июля эскадра начала вытягиваться на рейд; когда все суда вышли, она двинулась в море (схема № 7).

Японцы знали о предстоящем выходе, имея возможность непосредственно наблюдать приготовления русской эскадры. Их блокада была особенно усилена, и к моменту выхода эскадры почти все главные силы Того, за исключением отряда броненосных крейсеров под командой адмирала Камимуры, посланного в Корейский пролив для охраны от русских крейсеров,—были в сборе.

В результате боя 28 июля, вернувшаяся в Артур часть эскадры была уже неспособна к выходу в море. Корабли имели повреждения, их состав значительно уступал блокирующему японскому флоту. Дальнейшая история русской 1-й Тихоокеанской эскадры—это ее агония, завершившаяся утоплением судов на рейде к моменту падения Порт-Артура.

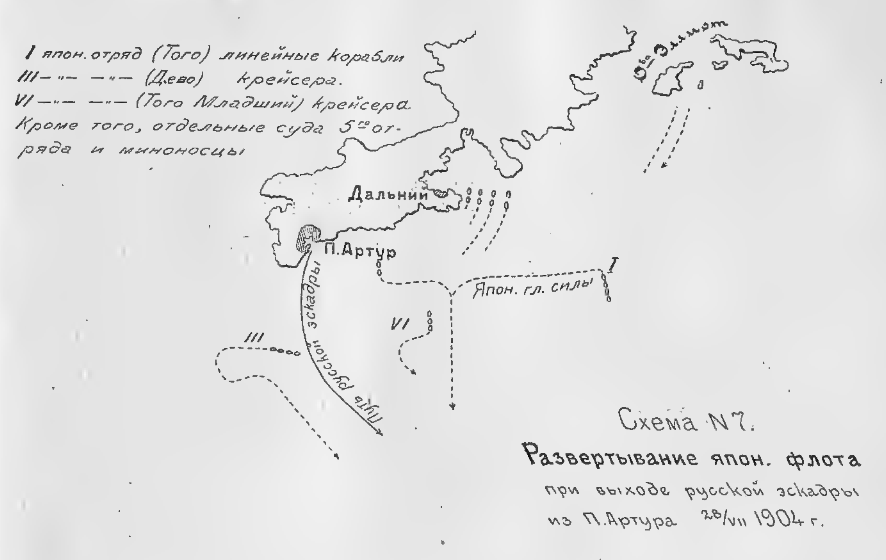

Схема движений японского флота в момент выхода русской эскадры из Порт-Артура.

1-й японский отряд линейных кораблей, под командой Того, вышел навстречу русской эскадре, напересечку ее курса. Бой начался в тот момент, когда строй русских был изогнут, так как она огибала какие-то предметы, которые были приняты за мины заграждения. Того имел намерение завлечь русскую эскадру в море, не дав ей возможности вернуться в Артур. Есть предположение, что он хотел дать бой совместно с Камимурой, доведя русскую эскадру до Корейского пролива, где находился последний.

С самого начала боя Того сделал ошибку, слишком долго продержавшись на контра-курсе, чем дал возможность русской эскадре выйти в море скорее его, и путь ей был открыт. Лишь преимущество японцев в ходе позволило исправить эту ошибку, два часа спустя. Но эти два часа для боя были потеряны.

Таким образом, после первого боевого столкновения наша эскадра уходила, японцы преследовали ее.

Сражение возобновилось около 6 часов вечера, когда японцы догнали на дистанции огня. Бой начался с равными шансами, японцы терпели столько же, сколько и русские. В частности „Миказа" был сильно избит и имел существенные повреждения.

Однако, вскоре после начала боя, 12" снаряд попал в рубку „Цесаревича" и убил находившегося около рубки на мостике адмирала Витгефта, перебил или ранил часть его штаба. Тем же снарядом у „Цесаревича" заклинило рулевой привод... Произошло замешательство. Следующий корабль, „Ретвизан", повернул на противника и пошел „с намерением таранить" один

Действия Владивостокских крейсеров. (См. сх. № 8).

План русского командования предусматривал выделение особого крейсерского отряда с базой во Владивостоке. Его назначением были действия со стороны Японского моря на коммуникационные линии противника, по которым шла перевозка войск и снабжение армии из Японии на материк.

Положение крейсеров во Владивостоке для выполнения этих операций было выгодным. Японский флот был сосредоточен в Желтом море, имея охранение в Корейском проливе. Владивосток оставался открытым, блокада его являлась совершенно непосильной для неприятеля.

Постоянная угроза морским сообщениям со стороны Владивостока чрезвычайно осложняла задачу японцев, и с этой точки зрения выделение крейсерского отряда было целесообразным и оправдавшимся самими событиями. Русскому командованию пришлось бы испытать все неудобства разделения сил только в том случае, если бы оно искало единоборства с японским флотом, если бы инициатива находилась в его руках. Но этого не было.

Особенно выгодным было расположение Владивостокских крейсеров в период начала войны, когда японцы вели массовые перевозки и, не будучи уверенными в обладании морем, должны были все свое внимание сосредоточить в Желтом

из кораблей его колонны. Маневр „Ретвизана", принявшего на себя весь огонь японской линии, несколько облегчил положение эскадры. За „Ретвизаном" последовала „Победа", но вскоре повернула обратно. Затем на „Ретвизане" был ранен командир, который, не будучи в состоянии управляться сам, приказал повернуть на соединение с эскадрой.

На „Цесаревиче" был поднят сигнал, передающий командование следующему флагману, адмиралу кн. Ухтомскому. Последний совершенно не ожидал того и растерялся. Флагманский его корабль „Пересвет" был сильно разбит и было затруднительно управлять эскадрой из-за отсутствия мачт. С трудом Ухтомскому удалось сделать сигнал „следовать за мной", и он повернул к Артуру. Между тем, начальник крейсеров, адм. Рейценштейн, понял, что настал момент прорываться самостоятельно во Владивосток и решил с крейсерами итти на прорыв через линию японцев. Прорыв удался и крейсера вышли. Прорваться во Владивосток им не удалось, и они интернировались, кроме „Новика", который погиб после боя у Сахалина.

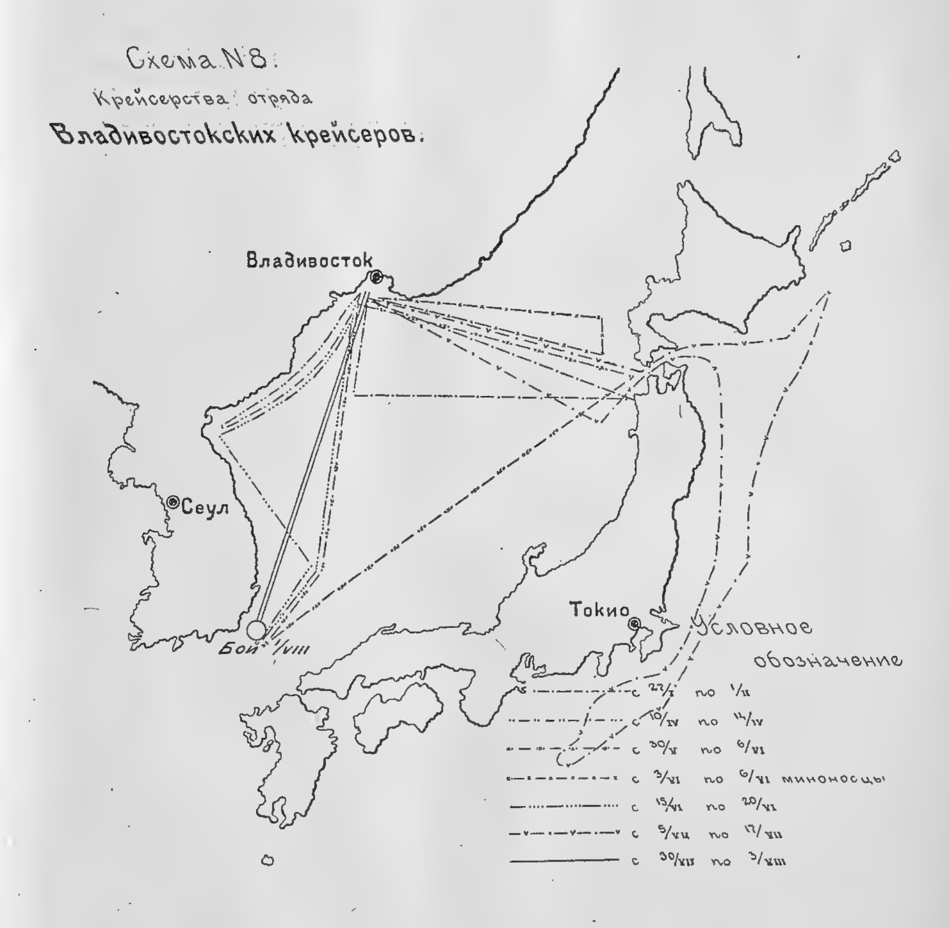
„Цесаревич", отделившийся от эскадры, решил прорываться самостоятельно во Владивосток, но зашел в Киаочжао, где и был разоружен. Остатки русской эскадры возвратились в Порт-Артур.

Действия японцев в этом бою нельзя признать искусными. Японцы не использовали достигнутого успеха, ограничившись преграждением пути русской эскадре во Владивосток. Не их искуство или талант вождя решили бой, а поразительная неподготовленность и дурное руководство русской эскадрой. Преимущество японцев заключалось в том, что они наступали, у них была определенная идея боя; русская же эскадра выполняла директиву, в которую ни сам командующий, ни его ближайшие помощники не верили.

Японцы впоследствии широко использовали опыт этого боя и, им наученные, совершенно иначе действовали в другом большом сражении — при Цусиме.

море; они предоставили русскому крейсерскому отряду свободу действий, ограничившись заслоном в Корейском проливе в составе слабой 3-й эскадры из второстепенных и устарелых судов. Все пути до Корейского пролива и берегов Японии были открыты для действий русских крейсеров.

Их первый же поход, с 27 января (9 февраля) по 1/14 февраля, к Сунгарскому проливу, втечение которого они уни-

чтожили два торговых судна противника, вызвал большой переполох в Японии; однако, японцы лишены были возможности предпринимать что-либо против них, будучи связаны операциями в Желтом море.

Лишь после того, как они вернулись, Того выделил 2-й боевой отряд, усиленный двумя легкими крейсерами, в операцию против Владивостокских крейсеров, с целью, „смотря по об-

стоятельствам, дать бой или угрожать неприятельской эскадре и произвести демонстрацию у русских берегов". Вся операция второго боевого отряда выразилась в безрезультатной бомбардировке Владивостока. Эскадра вернулась на соединение к японским главным силам.

Затем, „ввиду поражения, которое потерпел неприятель за время с 13 апреля/30 марта по 15/2 апреля, когда погиб командующий флотом, один броненосец и один миноносец, адмирал Того, угадывая угнетенное настроение духа неприятеля и предполагая, что он не предпримет никаких активных действий впродолжение некоторого времени, решил воспользоваться этим и послать часть флота для действий против Владивостока" (Мейдзи).

Эта операция вылилась в рейс японских крейсеров к Владивостоку и постановку ими мин в море, на подходах к последнему.

После этого адмирал Камимура оставался в Корейском проливе для наблюдения за русскими крейсерами, выполнившими крейсерский набег по направлению к Гензану, в который ими было утоплено 3 парохода.

В следующий поход крейсеров, с 30 мая/12 июня по 6/19 июня, предпринятый ими по направлению к Корейскому проливу, согласуясь с предполагавшимся к этому времени выходом эскадры из Порт-Артура (фактически выход имел место 10 июня), были утоплены ими 3 японских транспорта, занимавшихся перевозкой войск, шедших без прикрытия, и захвачен нейтральный пароход. В то же время русские миноносцы сделали набег по направлению к острову Хокаидо, захватив и уничтожив несколько шхун.

С 15 по 20 июня русский отряд вновь выходил в Корейский пролив, где встретился с Камимурой. Ограничившись перестрелкой на дальних дистанциях, отряд вернулся во Владивосток...

Наиболее смелым походом крейсеров—был поход в Тихий океан, к восточным берегам Японии с 5 по 17 июля. Русским крейсерам удалось выйти в океан Сангарским проливом, сделать рейс почти до Токио, при чем были задержаны три нейтральных парохода, из коих один утоплен, и уничтожен один японский пароход.

Японская охрана пролива не могла препятствовать прорыву русских крейсеров.

Наконец, в связи с выходом русской эскадры 28 июля, ей навстречу был выслан из Владивостока отряд крейсеров, который встретился с Камимурой в Корейском проливе 1 августа. Произошел бой, в котором был утоплен крейсер „Рюрик", но и японские корабли, равно как и прочие наши, получили повреждения. „Россия" и „Громобой" вернулись во Владивосток.

Больше в далекие крейсерства отряд не выходил до конца войны.

На том и закончилась боевая деятельность Владивостокского отряда.

Поход 2-й Тихоокеанской эскадры и уничтожение ее в Цусимском бою.

Русское правительство начало войну с уверенностью в своих силах, не будучи склонно видеть глубоких недочетов и дефектов, не предвещавших успеха кампании.

Оно было уверено в благоприятном исходе войны.

Эта уверенность не покидала его и после первых неудач, ослабления нашей эскадры в Порт-Артуре и успешной высадки японских войск в Корее. Правительство надеялось, что армия, по завершении своего сосредоточения, остановит, а потом разобьет японцев, что флот, по исправлении поврежденных судов, вновь восстановит свое положение на море.

Петербург не слишком заботился об ускорении готовности судов, заканчивавшихся постройкой, и других, предназначенных итти в составе 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, на усиление Порт-Артурских морских сил.

Но когда случилась катастрофа с „Петропавловском" и погиб Макаров, затем обнаружилась полная оперативная немощь 1-й эскадры, когда японцы успешно продвинулись к Артуру и приступили к тесной осаде его, а в Манчжурии японцы угрожали развить решительные операции ранее сосредоточения русской армии, отступавшей после ряда неудачных боев; когда двукратная попытка флота вырваться из Артура и перейти во Владивосток не удалась, при чем флот был фактически разбит в бою 28 июля, и Артуру угрожала опасность быть взятым, тогда только приготовления к отправке 2-й Тихоокеанской эскадры пошли полным темпом.

В состав эскадры вошли все суда, находившиеся в Балтийском флоте из числа имеющих боевое значение. Не ожидая окончания приемных испытаний вновь выстроенных кораблей, не заботясь о тщательности оборудования их, не давая времени на обучение наскоро набранных экипажей, а эскадре в целом не давая боевых упражнений, ее торопили с выходом на Дальний Восток.

Дурно снабженная, неподготовленная, „несплававшаяся" эскадра вышла в октябре под командой адмирала Рожественского по назначению, оставив часть судов, которые должны были догнать ее в пути.

Преодолев беспримерные трудности похода, лишенная возможности зайти в нейтральные порты для выполнения ремонта и отдыха команд, испытывая тягчайшие затруднения в снабжении углем, 2-я эскадра пришла на Мадагаскар уже в то время, когда было получено известие о сдаче Порт-Артура и гибели 1-й эскадры.

Казалось, вместе с этим отпадал и самый смысл дальнейшего ее похода. Состав эскадры не давал никакого основания рассчитывать на успех боя с сосредоточенными силами японского флота, превосходившими ее силу во всех отношениях. Ее дальнейшие боевые операции, без базы, без ремонта и при необеспеченном снабжении были безнадежны.

Но поход отменен не был. Рожественскому было приказано итти далее, бороться с японским флотом за обладание морем.

Так как несоответствие его сил поставленной задаче было очевидно, то Рожественскому на соединение выслали из России оставшиеся в Балтике старые суда, в составе отряда Небогатова. Эта помощь была ничтожна, она лишь задержала Рожественского. Проекты усилить его покупкой в Чили и Аргентине крейсеров не удались, равно как и оказалось невозможным выйти через Босфор Черноморскому флоту.

Рожественский пошел далее, имея целью прорваться во Владивосток.

В Корейском проливе он был встречен (14 мая 1905 года) соединенным японским флотом.

У Цусимы произошел бой.

2-я Тихоокенская эскадра была уничтожена.

Это был логический конец безумной попытки с ничтожными средствами повернуть ход кампании.[1]

Заключение. Мы не берем на себя сколько-нибудь исчерпывающе формулировать опыт Русско-Японской войны на море, в ее многогранном содержании. Это был следующий крах русской стратегии, продемонстрировавший полную несостоятельность идей, направлявших развитие, подготовку и боевую работу русских вооруженных сил, в том числе и морских.

Не трогая других сторон этого опыта, отметим лишь некоторые моменты, имеющие принципиальное значение для интересующей нас темы—морской обороны.

Условием, имеющим главное значение в морской обороне берегов, является теснейшее взаимодействие основных элементов вооруженных сил—армии и флота. В данной кампании это требовалось в особенности, так как эта операция, по существу, являлась основным замыслом Русско-Японской войны.

Японцы, первой задачей которых было высадиться и закрепиться на материке, встретили—не мощного своим единством противника, а две силы (русской армии и флота), полные глубоких взаимных противоречий, согласованные лишь в конечной цели всей кампании, но не в путях к ее достижению.

---

[1] Не описываем Цусимской операции, имея в виду недавно вышедшую нашу книгу „Трафальгар — Цусима — Ютланский бой“, где операция изложена и разобрана.

Военное ведомство оставляло побережье на произвол судьбы; в его планы входило отступление на тыловые рубежи для накопления и сосредоточения войск. Морское—имевшее конечной целью борьбу за обладание морем, учитывая слабость артурской эскадры для генерального сражения с японским флотом, и, в предвидении этого сражения, полагало невыгодным выполнение активных операций, сопряженных с риском потери судов, для противодействия высадке.

Таким образом, японцам была открыта широкая дорога для выполнения десантных операций. Они высадили свои войска, не встретив никакого сопротивления, ни со стороны флота, ни со стороны армии России. Они проникли на материк по дороге, оставленной между военным и морским ведомствами России. Это было тяжелое для русских следствие „ведомственной стратегии армии и флота".

Первый труднейший этап кампании — производство высадки японцы завершили не только благополучно, а в полном смысле слова беспрепятственно, так же беспрепятственно, как и союзники в Крымскую войну.

Перед японцами открылась дальнейшая задача проникновения в Сев. Манчжурию, дабы разбить русские войска ранее, нежели они будут усилены подвозом подкреплений из России; уничтожить или тесно заблокировать русский флот с целью обеспечить за собой сообщения с метрополией и окончательно и прочно завладеть морем.

Русская армия и русский флот продолжали оставаться несклонными к тесному согласованию своих действий.

Армия отступила в Манчжурию с целью накопления сил. Сухопутная стратегия, базировавшая свои предположения на громадные ресурсы Европейской России, казалось, имела данные сосредоточить подавляюще превосходное количество войск. Она приступила к выполнению своего плана, не считаясь более с положением на морском театре, оставив надежду подать помощь Артуру и продлить жизнь флота, который вскоре должен был получить подкрепление в виде второй эскадры.

Однако, подобно тому, как и в Крымскую войну, сосредоточение проходило медленно. Пропускная способность Сибирской магистрали была слишком мала, и осуществление плана затянулось настолько, что когда, наконец, он был близок к завершению, когда были собраны крупные силы на театре войны—Россия уже не могла воевать. Уже был превзойден предел ее моральной стойкости. Она должна была заключить мир.

Так, второй раз расчет на ликвидацию высадившегося противника при помощи перегруппировок сухопутных сил не оправдался. Так, второй раз была повторена та самая „основная, коренная" ошибка, про которую говорил Леер, резюмируя опыт Крымской войны.

Не было ли здесь общих объективных причин, лежащих в области неправильного решения проблемы морской обороны?

Обращаясь к морской кампании, отчетливо можно видеть, как угасали активные идеи в русском флоте, как он медленно, но верно стал на путь отказа от борьбы с японским флотом в море, устремляясь к обороне Артурской крепости, с которой связал свою судьбу, подобно тому как Черноморский флот связал свою судьбу с Севастополем в 1854 г. Ни энергичный призыв Макарова, период командования которого является единственно светлым в истории Артурской эскадры, ни неоднократно раскрывавшаяся благоприятная для нее обстановка (например, потери японцев в начале мая), ни приказания высшего командования о необходимости перейти во Владивосток, бросив Артур — не могли остановить этого процесса „угашения духа", который совершенно парализовал деятельность первой эскадры. И нигде это не было так ясно, как при обоих выходах русской эскадры (10 июня и 28 июля), когда командование выходило против воли, этому не сочувствуя и в успех не веря.

Какие же причины складывали такое настроение?

Их много: слабость морских сил сравнительно с флотом противника; несоответственное оборудование театра; отдаленность базы от Корейского пролива, вследствие чего операции флота были затруднены; тяжелое положение, в котором флот оказался в самом начале войны, вследствие повреждения сильнейших его судов; отсутствие ремонтных средств; слабость крепостной защиты Артура и т. п.

Все эти причины не исключали возможности проявления активной деятельности, хотя и затрудненной сложенной ими же тяжелой обстановкой.

Но кроме этих причин, были и другие.

Среди этих других причин, при внимательном изучении морской кампании этой войны, мы неизменно наталкиваемся на ту же причину, которая была свойственна и Крымской кампании: на отсутствие определенных идей активного использования флота для борьбы с сильнейшим противником на море.

Здесь так же не была ясна эта идея.

Она не возбуждала сомнений лишь тогда, когда допускалась возможность сосредоточения явно превосходных перед неприятелем сил для решения кампании генеральным боем с „верными" шансами на успех. Но оперативная мысль неизменно становилась в тупик при обстановке, не отвечавшей таковым предположениям.

С того момента, как были взорваны „Ретвизан" и „Цесаревич", как установилось явное неравенство сил в пользу японцев, идея морской кампании была потеряна. Командо-

вание оказалось в том же положении, в каком было оно и в Крымскую войну. Правда, там положение было оценено вполне категорически, и Меньшиков сам разоружил флот, послав людей и отдав орудия для обороны крепости. Здесь же такого признания со стороны наместника не было. Он не отказывается в принципе от активных операций, даже требовал от флота противодействия высадке, а затем выхода в море. В одном из писем Витгефту он выражает надежду, что „бой с противником в море будет последним актом Артурской эскадры" и пр. Но все свои распоряжения он оговаривает необходимостью избежать риска и наличием полной уверенности в успехе. Даже тогда, когда Артур явно был накануне падения, когда ясно было, что эскадре в нем угрожает неминуемая гибель, отдавая приказание о прорыве эскадры во Владивосток, он оговаривает его предостережением—„по возможности, избегая боя".

Это стремление—избежать риска, сохранить суда, свидетельствует о том, что вполне определенных задач, категорических и точных, флоту он не ставил, что ему самому были неясны перспективы боевых операций флота, что лишь забота о том, чтобы избежать поражения, а не о том, чтобы вести борьбу с противником на море, руководила им.

У наместника нет определенного замысла активной обороны.

Могла ли она быть у исполнителей с таким пораженческим настроением, каким был Витгефт? Могло ли сложиться у него ясное представление о том, что от него требуют, когда он читает приказание приступить к активным операциям, избегая риска, которого избежать невозможно?

Что оставалось делать Витгефту и другим адмиралам, среди которых были люди склонные к порыву и стремившиеся к борьбе в открытом море?

Загнанные в тупик, они видели лишь одну ясную цель перед собой—защиту крепости. Культ „геройской защиты Севастополя" давал моральный выход.

Было бы неправильным утверждать, что сам по себе активный порыв был чужд флоту. В массе своего состава он с энтузиазмом приветствовал всякое активное выступление. Приказание о прорыве во Владивосток было встречено с восторгом. Проблема боя с противником лишь прельщала, в особенности молодежь. Отдельные адмиралы и командиры протестовали против оставления эскадры в Артуре. Командир „Севастополя", Эссен (будущий командующий Балтийским флотом в Мировую войну) до последнего момента сохранил порыв к борьбе, выведя свой броненосец, когда внутренняя гавань обстреливалась с берега, на рейд, отразив там ряд атак японских миноносцев и утопив его на большой глубине, чтобы он не остался призом неприятель. Но все

это были разрозненные порывы, необъединенные ясной и определенной стратегической целью.

Таким образом, для создавшейся обстановки активной борьбы с сильнейшим противником у русского флота не было идеи, которая бы направила его усилия в сторону активного решения проблемы морской обороны побережья, оспаривая у противника полученную им возможность беспрепятственного выполнения его десантных операций, а затем— питания армии через море.

Пассивно оборонительные тенденции 1-й Тихоокеанской эскадры приходится сочетать с безумной авантюрой наступательной операции 2-й эскадры, с заведомо слабыми силами решившейся итти „на пролом".

Нетрудно видеть, однако, что эта операция имела в своей основе ту же стратегическую безидейность, как и медленное умирание флота в Порт-Артуре.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Идеи обороны берегов перед мировой войной.

С потерей главных сил Балтийского флота в Русско-Японскую войну положение России на всех морях стало критическим. После крушения широких империалистических планов, связанных с этой войной, Россия была поставлена в роль второстепенной морской державы, не располагавшей достаточными средствами, чтобы обеспечить безопасность собственных морских границ.

Балтийское побережье было открыто для вторжения неприятеля. Те несколько боевых единиц, которые уцелели от участи своих собратьев, погибших в Порт-Артуре и Цусиме, были слишком слабы, чтобы защитить его от Германии, проблема вооруженного столкновения с которой вполне определилась в первые же годы по заключении мира с Японией.

Дальний Восток был совершенно обнажен.

Черное море, хотя и защищалось флотом, количественно сохранившим свой состав, но ввиду того, что главное внимание втечение ряда лет было направлено на усиление Балтийского флота и потребности первого систематически урезывались, Черноморский флот также не мог гарантировать успешного решения задачи прибрежной обороны.

Приморские крепости Балтийского и Черного морей, не будучи возобновляемы втечение ряда лет, явно устарели и все, включая Кронштадт и Севастополь, не были на уровне современных требований.

Перед русским правительством вновь стал вопрос о восстановлении морских сил и организации морской обороны государства.

Ни один из вопросов, относящихся к тому времени, ни в отношении восстановления флота и обороны берегов, ни в отношении других крупных мероприятий государственного масштаба не приходится рассматривать безотносительно к тому внутреннему политическому положению, какое сложилось в период после 1905 года. В результате реформ правитель-

ственного аппарата был введен новый фактор в дело управления государством, выразителем которого служила государственная дума—элемент общественного контроля деятельности правительства. С этих пор крупнейшие вопросы жизни государственной, в частности оборона и восстановление боевой мощи, не были делом только заинтересованных ведомств и верховной власти, но к нему были привлечены законодательные учреждения, влияние которых не могло быть обойдено.

Это было чрезвычайно важным и новым условием в деле воссоздания вооруженных сил в России. Морское и военное ведомства должны были согласовать свою работу с работой государственной думы, отчасти совета, и хотя последние не выражали волю народа в его целом, служа лишь представителями определенных классов государства, но с ними неизменно надо было считаться; их необходимо было убеждать для принятия того или иного решения, сопряженного с отпуском средств из государственного казначейства. Общественное мнение России находилось под впечатлением неудач последней войны. К военным вопросам оно подходило с чувством недоверия к аппарату ведомств, приведших к поражению на полях Манчжурии, в Порт-Артуре и Цусиме. Идя в общем и целом навстречу стремлению правительства восстановить вооруженные силы, оно требовало устранения дефектов, обнаруженных войной.

Мерилом для оценки целесообразности того или другого мероприятия служил опыт войны, степень же доверия к тому или другому ведомству, а тем более к тому или другому лицу, зависела от признания его причастности к поражению.

Ответственность за поражение являлась главным критерием не только во мнениях государственной думы, но и у более широких общественных кругов.

Однако, опыт войны лишь в редких случаях находит объективных истолкователей, в особенности в годы, когда впечатления переживаний, с нею связанных, не улеглись, когда участники войны еще не сошли со сцены и когда сами последствия неудачного исхода военных операций тягостно чувствовались во всем, и прежде всего в политическом внутреннем и международном положении России.

В описываемое время „опыт войны" не имел общего и единообразного понимания и объективных выразителей тем более, что его толкование было неразрывно связано с признанием за тем или другим лицом, тем или другим ведомством ответственности за неудачи на войне.

Мы имели случай говорить о разрыве в работе военного и морского ведомств. Но если этот разрыв до сих пор происходил на почве чисто принципиальных расхождений между ними, то теперь, коль скоро стал вопрос о доверии и о том,

на кого ложится главная тяжесть ответственности, он получил новое углубление.

Сухопутные истолкователи опыта русско-японской войны видели главную причину неудачи в действиях флота, не сумевшего решить своей задачи, муссировали недостатки морского ведомства, стремясь Цусимой закрыть позор Мукдена. Зияющие пробелы флота были „притчей во языцах", за которыми многие не видели дефектов, присущих армии и, главным образом, ее командованию.

Моряки не были склонны приписывать только себе поражение и отчетливо видели в армии те же недостатки, которые военное ведомство видело во флоте.

Со своим критерием в оценке событий, в оценке деятельности военного и морского ведомств подходила русская общественность. Она менее всего была склонна выступать в роли арбитра между ведомствами, учитывая их разногласия, как показатель общей дезорганизации управления вооруженными силами страны.

Оборона берегов представляет собой операцию, в которой заинтересовано и военное и морское ведомство. Это как бы стык в их работе. Если в других вопросах их деятельность не имела точек непосредственного соприкосновения, если военное ведомство могло разрабатывать свои планы, не считаясь с планами флота, если отсутствие единого и согласованного плана подготовки государства к войне могло иметь место, хотя это являлось вопиющим фактом, то для обороны берегов *должна была быть установлена общая точка зрения* для обоих ведомств, хотя бы уже потому, что и армия и флот являлись одновременными факторами этой обороны.

Этот вопрос приобретал особенную остроту, так как при существовавших разногласиях притереть его было чрезвычайно трудно.

Вышеизложенные обстоятельства определили ненормальные, непредвещающие успеха для дела условия для разрешения вопроса о береговой обороне. Он не ставился так, как должен быть поставлен сообразно интересам государства и в предвидении неизбежности новой войны. Он не был введен в русло плана, содержащего в себе задания для всех родов вооруженных и участвующих в обороне сил, для их развития, подготовки, использования; плана, имеющего определенную цель, последовательного и систематического в разработке и выполнении. Искался либо *компромисс*, удовлетворяющий различные суждения, либо *односторонний*, сообразованный с интересами того или другого ведомства, вариант решения, но не плановое мероприятие, отвечающее как требованиям военной науки, так и только что пережитому тяжелому боевому опыту.

Точка зрения военно-сухопутного ведомства.

Среди многих точек зрения, высказывавшихся в отношении береговой обороны, предлагаемых и проводимых в жизнь проектов ее, мы отметим некоторые, имевшие фактическое влияние на движение вопроса, который втечение почти всего времени до мировой войны находился в неустойчивом состоянии и только за год или два до нее принял наконец определенное решение, хотя незаконченное в своем осуществлении.

Прежде всего—точка зрения военного ведомства, которая устами Совета Государственной обороны была так формулирована:

„Принципы береговой обороны должны быть разработаны вполне самостоятельно, вне зависимости от организации боевого флота, ввиду совершенно различных условий их боевой деятельности". (Из журнала Сов. Гос. Обор., дело Морискома № 1355).

Но было бы ошибкой думать, что Совет Государственной обороны этим имел в виду установить, что организация береговой обороны должна освободить флот от задач, привязывающих его к берегу, дать ему простор для боевых операций в открытом море. Всей своей деятельностью, за все время существования, Совет Государственной обороны опровергает такое предположение: его неустанной заботой было всячески препятствовать созданию активного флота. Программы такового, как только попадали в Совет, неизменно задерживались, а обычно, встречая ряд возражений, попросту не получали хода. Восстановление флота могло начаться только тогда, когда Совет Государственной обороны был упразднен.

Здесь другая мысль: полное игнорирование флота и его значения. Это был односторонне понятый опыт Крымской и Русско-Японской войн, в которых флот, действительно, не мог защитить берегов, вследствие слабости сил и дефектов командования, но не потому, что эта задача была вне его возможностей. Перенесение центра тяжести на оборону сухопутной армии, не возлагая надежд на флот, и сосредоточение всей организации в руках армии—таков был лозунг Совета Государственной обороны.

Вышеприведенный „принцип" береговой обороны свидетельствовал о пагубном стремлении отмежеваться от флота, провести междуведомственную демаркационную линию в этой операции, где теснейшая совместная деятельность армии и флота является условием необходимости.

В основе лежало стремление охранить берега при помощи армии, ее маневров к угрожаемому пункту.

Непонятно однако, как могло сухопутное командование, имея в виду борьбу на западном фронте, спокойно относиться

к предстоящей необходимости, основывая оборону на маневре армии, уделить для этого большое количество войск (а иным оно не могло быть при протяженности побережья), несомненно, в зачет ослабления сосредоточения на западной границе.

Операция обороны, согласно точке зрения военного ведомства, не охватывала перенесения войны в открытое море, будучи сведена к местной обороне отдельных пунктов, что в особую плоскость ставило вопрос об оборудовании побережья, в частности вопрос о приморских крепостях.

На этот счет установилась тенденция: ограничиться минимальным числом крепостей, упразднив все другие, не имеющие крупного стратегического значения. Практически—восстановить только Кронштадт, Свеаборг и Владивосток, а прочие крепости либо вовсе упразднить, либо оставить доживать свой век без возобновления. В числе последних намечались: Свеаборг, Либава, Усть-Двинск, Очаков, Керчь, Батум, т.-е. пункты, имевшие, в особенности Свеаборг, значение для операций флота (Свеаборг явился главной маневренной базой во время войны), для армии же являвшиеся второстепенными. Такое решение ни в какой мере не было согласовано с флотом, ибо слабость нашего флота требовала, *тем в большей степени*, опоры со стороны берегового крепостного оборудования, и именно последнее должно было компенсировать его слабость в борьбе на море с сильнейшим врагом.

Решение ограничиться только основными крепостями—в Севастополе и Кронштадте—фактически сводило к ничтожным возможностям операции флота, в особенности Балтийского. Для последнего вновь готовилась участь стать средством обороны крепости (Кронштадтского района).

Следует отметить при этом, что вопрос о приморских крепостях с самого начала своего пересмотра в Совете Государственной обороны не был поставлен в той плоскости, в какой, как то следовало бы ожидать, он должен быть прежде всего обсужден,—в плоскости планового развития всей системы обороны. Главное внимание сосредоточилось на вопросе о том, в чьем ведении должны быть крепости, моряков или у сухопутных. Кругом этого поднялась борьба и шли длительные споры с одной стороны, задерживающие осуществление необходимых мер, а с другой,—характеризующие пропасть противоречий, которая лежала между взглядами военного и морского ведомств.

Перед нами документ: „Доклад председателя особого совещания при Совете Государственной обороны по вопросу об объединении власти в приморских крепостях и разграничении прав и обязанностей сухопутных и морских начальников при совместных действиях по обороне берегов" (изданный отдельной брошюрой в 1905 г. Архив Морискома, дело № 1355).

В протоколе № 11 помянутого совещания мы читаем: „при обсуждении вопросов, касающихся приморских крепостей, служащих базами флота, представители морского ведомства неоднократно высказывались о необходимости передачи флоту этих крепостей. Вопрос этот, представленный на обсуждение совещания, вызвал широкий обмен мнений, при чем какого-либо общего по сему соглашения установить не удалось. Все представители военного ведомства, подтверждая свои мнения рядом исторических и теоретических доказательств и обоснований, высказались, что таковая передача отнюдь не вызывается какими-либо требованиями и соображениями, и потому не должна быть произведена". При этом были приведены мотивы спора между морскими и сухопутными членами совещания, которые мы для наглядности сводим в таблицу:

Доводы моряков.	Доводы сухопутных.
1) Немногочисленные крепости, базы флота, крайне необходимы для него. Поэтому морское ведомство будет относиться к ним с полным и особым вниманием и заботой и не будет жалеть никаких средств на необходимое их усиление. У военного же ведомства те из береговых крепостей, которые служат исключительно морским целям и не имеют сухопутного значения, являются как бы пасынками и на них не желают расходовать необходимых средств.	1) Приморские крепости не менее других вызывают внимание со стороны военного ведомства... Почему же морскому ведомству не передавать полученных сумм в военное ведомство специально на усиление и усовершенствование приморских крепостей и баз?
2) Вооружение приморских крепостей несовременное, устарелое. С передачей морскому ведомству последнее получит возможность таковое усовершенствовать.	2) Артиллерийское вооружение крепостей, хотя и является устарелым сравнительно с вооружением современных судов, но тем не менее, как доказал опыт Артура (?), оно может успешно вести борьбу с атакующим крепость неприятельским флотом. На дистанциях же, превышающих дальность огня крепостного вооружения, и стрельба флота по батареям оказывается мало действительной.

3) С передачей флоту—выиграет стрельба приморских крепостей.

4) Флот должен быть в базе дома и нельзя допускать какого бы то ни было вмешательства со стороны военного ведомства в его повседневную жизнь.

3) „Можно помочь назначением моряков на сухопутные батареи“.

4) „История доказывает нам, что приморские крепости берутся всегда с сухого пути; значит, главный акт борьбы разыгрывается на сухопутных верках, боевой работой сухопутных сил и решается судьба крепости. Таким образом, сухопутные, а не морские силы, являются главным элементом обороны ее, главным оплотом ее.

Отсюда уже „a priori“ можно сказать, что обороноспособность, т. е. главная задача приморских крепостей, вряд ли выиграет от передачи их в морское ведомство, скорее наоборот“...

В приведенных выдержках доклада председателя „особого совещания при Совете Государственной обороны“ (генерала Протопопова) ясно видна глубокая рознь во взгляде на приморские крепости, хотя вопрос шел лишь об их подчинении и организации. Военное ведомство не учитывало значения крепостей, как „баз флота“, и доводы моряков, указывающие на хроническое пренебрежение приморскими крепостями, нам в особенности понятны после того, как мы ознакомились с обороной берегов в Крымскую и русско-японскую войну. Военное ведомство смотрело на эти крепости к точки зрения их сухопутной обороны, преобладания сухопутного элемента в их боевых действиях и по этому признаку строило свои суждения; морское же—рассматривало их, как известное обеспечение в общей стратегической задаче флота. Ироническое и даже презрительное отношение к доводам моряков „бьет в глаза“ в цитированном документе.

За этим чувствуется со стороны военного ведомства особенное отсутствие ясного представления о том, что оборона берегов представляет из себя ц е л у ю и е д и н у ю операцию. Наоборот, как видно из ознакомления с другими материалами означенного совещания, здесь ищутся формы, не столько обосновываемые принципиальными требованиями стратегии, сколько удовлетворяющие вожделениям Совета Государственной обороны в смысле окончательного сведения обороны берегов к обороне пунктов на берегу.

Совет решил, что объединение совместных действий крепостей, армии и флота достигается главнокомандующим, коему они подчинены, а на месте—по признаку преобладания тех или других средств в районе.

„Должности командующего армией и командующего флотом равны... Поэтому, если сухопутной армии будут приданы какие-либо в.-м. силы, меньшие, чем флот, то общее начальствование должно быть сосредоточено в руках командующего армией... И наоборот". (Журнал заседания особого совещания № 4).

Этим лицо, возглавлявшее операцию обороны берегов, ставилось в зависимость от, может быть, чисто случайного соотношения в данном крепостном районе морских или сухопутных сил.

В общем стремление военного ведомства сводилось:

1) К оставлению в своих руках приморских крепостей, признанию за ними значения, главным образом, пунктов местной обороны, как рубежей для сухопутной защиты побережья;

2) к отмежеванию от активного морского флота, к созданию рейдового „крепостного флота", находящегося в подчинении коменданта крепости, являющегося дополнением сухопутных крепостных средств;

3) к получению в свое ведение службы берегового наблюдения, изъяв таковое из морского ведомства; к подчинению этих постов местным сухопутным начальникам, чем достигалась задача оповещения последних о приближении противника к берегу, но вырывалась у флота и дезорганизовалась постановка общей службы связи и наблюдения. Флот лишался своих глаз: между ним и его береговыми наблюдательными пунктами вводилась сухопутная инстанция[1].

Одним словом—*полное пренебрежение флотом, как средством морской обороны берегов, было лейтмотивом сухопутного ведомства в подготовке и оборудовании средств для целей этой операции.*

Лишь перед самой войной, в период 1912—13 г., произошла перемена взглядов, после энергичной борьбы со стороны морского ведомства.

Идеи обороны берегов в морском ведомстве.

В первые годы после русско-японской войны, пока существовал Совет Государственной обороны, он нормировал течение вопроса об обороне берегов. Морское ведомство не было компетентно разрешить его самостоятельно. Лишь после того,

---

[1] Предполагалось даже маячную наблюдательную службу передать в сухопутное ведомство. Здесь было предположено расположить команды пограничной стражи, которые должны были предварительную подготовку получить в морских специальных школах.

как Совет Государственной обороны был упразднен, оно получило возможность отстаивать свои взгляды и проводить решения, сообразуясь с требованиями морской стратегии и наличными силами флота.

За это время в кругу моряков вопрос обороны дебатировался самым энергичным образом, и прошло несколько лет, пока, наконец, он вошел в свое русло.

Военно-сухопутное ведомство было право, констатируя в 1906 г., что „повидимому, вопрос организации береговой обороны совершенно не разработан морским ведомством". Это было действительно так.

Морская проблема оценивалась с двух точек зрения: с точки зрения создания мощного флота открытого моря, который дал бы возможность продолжать империалистическую политику России, прерванную неудачной войной, и с точки зрения создания оборонительного флота, который был бы в состоянии обеспечить безопасность наших побережий. Эта последняя задача,—задача обороны побережья,—была по существу основной при суждениях о путях развития русского флота.

В силу причин, указанных выше, задача морской обороны средствами флота находила несколько вариантов решений, из коих каждый влек за собой определенную программу восстановления морских сил.

Первым вариантом решения вопроса был проект создания минной обороны, т.-е. миноносцами, подводными лодками и средствами минной позиционной войны (минами заграждения).

С тех пор, как появились миноносцы, способные поражать минами Уайтхеда большие корабли, идея создания специально „минного флота" не сходит с очереди. Всегда были сторонники постройки этого „дешевого" флота, которых прельщала возможность на стоимость одного большого корабля построить целую флотилию миноносцев (приблизительно стоимость 10—15 миноносцев равнялась стоимости одного большого корабля).

Создалась школа сторонников минного флота, школа, имевшая большую поддержку в общественных кругах, настаивавшая на создании минной обороны берегов. В частности, газета „Новое Время" вела широкую агитацию за создание минного флота в лице фельетониста Меньшикова, который считал и упорно доказывал, что целесообразен только минный флот, а прочее—чуть что не измена.

В самом флоте был глубокий раскол. Многие адмиралы и офицеры являлись проводниками этих идей, горячо споря против необходимости линейного судостроения для России.

Предусматривалось создание минных флотилий (число миноносцев для Балтийского флота более 200), которые при-

писывались к определенным районам побережья, где для них должны быть оборудованы маневренные базы. Все побережье Балтийского моря было разделено на участки, каждый участок представлял собой как бы самостоятельную единицу в обороне, обладающую, помимо указанной минной флотилии, и некоторыми средствами сухопутной обороны: батареями и гарнизоном частей, охраняющих участок. Таким образом, предполагалось разделить минные силы кордонно по всему побережью, при чем вся оборона носила местный характер.

Конечно, этот проект встречал широкую поддержку в сухопутных кругах. Это было так понятно и так близко к тем идеям, которые господствовали в том ведомстве. Встречал он поддержку и у государственной думы, видевшей здесь простое решение вопроса, не требовавшее многомиллионных ассигнований, каковые вызывались необходимостью создания линейных судов.

Наконец, явные успехи подводного плавания, вновь выработанные типы подводных лодок, которые в 1906—1908 г.г. уже вышли из стадии опытов и смело могли быть включены в категорию боевых судов, дали новое обоснование идеям минной обороны. К миноносцам должны были быть прибавлены в столь же больших количествах подводные лодки, и все же это было дешевле, чем флот открытого моря.

Но идеи минной обороны даже в тех условиях, каковые мыслились на Балтийском море, где, вообще говоря, местные особенности допускали более, чем где-либо, широкое использование миноносцев,—встречали веские возражении со стороны других групп, прежде всего со стороны морского генерального штаба. Сущность этих возражений сводилась к следующему:

1) Боевая деятельность миноносцев всецело зависит от обстановки. Противник может воспользоваться обстановкой, когда миноносцы не в состоянии успешно атаковать и могут быть сравнительно легко отражены противником. В частности днем, в весенние светлые северные ночи их атаки являлись проблематичными, и в этих условиях они не могут воспрепятствовать операции противника против берегов.

2) Разделение миноносцев по районам побережья вело к тому, что силы дробились, противник мог в каждом случае сломить их сопротивление.

3) Оставляется в стороне вопрос о действиях наступательных в море против неприятеля. Центр действий переносится к своим берегам, при чем врагу заведомо отдается инициатива.

4) Сомнение в мощности минных атак, на которую ссылались сторонники миноносцев.

В противовес минной обороне выдвигалась идея создания флота открытого моря, способного к выполнению всех видов

действий, не связанного с ограниченной местностью, способного вести наступательную войну. Идея активной обороны, проблема линейного флота. В основе ее лежало соображение о необходимости силы, способной противостоять противнику в открытом море, способной бороться за обладание этим последним, т.-е. располагать возможностью не только оборонять свое, но угрожать неприятельским берегам и силам, их защищающим.

Доводом за линейное судостроение являлось также стремление продолжать активную морскую политику России, собрать средства для решения проблемы проливов в Черном море, восстановить положение на Дальнем Востоке и располагать возможностью снова выступить на путь конкуренции на морях с Германией. Для этих широких задач минная оборона с ее местными средствами не могла дать решения.

Таким образом, помимо тактического значения тех или иных средств, с ними, как видно, связывались более широкие замыслы; спор о том, нужно ли строить специально минный оборонительный флот или же линейный, был в значительной мере спором о том, оставаться ли России второстепенной морской державой, думающей только о защите своих берегов, или же стремиться к достижению снова того значения, которое она утратила в русско-японскую войну, значения мировой морской державы.

Поэтому и отношение к нему в кругах общества и в законодательных учреждениях было различное. Идеи активного флота должны были встретить сочувствие в кругах, близких империалистическим тенденциям русской политики, идеи минного флота с исключительно оборонительными задачами находили себе сторонников либо в рядах „континентальных“ сухопутных кругов, чуждых морю и не оценивающих его значения, либо в рядах оппозиции, видевшей в этих стремлениях тенденции, уже приведшие нас к катастрофе в русско-японскую войну.

Вот почему этот спор доходил до столь большой остроты. Вот почему, пока не было принято решение в этом основном вопросе, проблема морской обороны берегов оставалась неустойчивой, без определенно сложившихся о ней мнений[1].

Период 1905—1909 годов являлся переходной эпохой споров и пререканий о морских проблемах России. Реально же дело воссоздания морских сил за это время не продвинулось.

Лишь в 1909 году были заложены первые русские дредноуты. С этого времени весь вопрос о морских вооружениях

---

[1] Следует упомянуть, что между этими двумя крайними точками зрения существовали и компромиссные, основывавшие решение задачи обороны на особых типах судов—легких крейсерах (тоже недорого стоящих), вооруженных одной-двумя пушками. Поднимался вопрос и о броненосцах береговой обороны и пр.

России стал на иные рельсы. В принципе было признано необходимым создать линейный флот. Совет Государственной обороны был упразднен и морскому ведомству развязаны руки. Государственная дума и русская общественность, до сих пор ставившие преграды для восстановления флота, должны были учитывать международную политическую обстановку, в которой уже веял призрак мировой войны. Россия к этому времени стала на определенный курс в области внешней политики—содружества с Англией.

Это создало иные предпосылки для всех вопросов, связанных с подготовкой к войне, в том числе и для вопроса обороны берегов.

Позиционная оборона.

С 1910 г. в основу последнего вопроса ложится идея позиционной обороны.

К идее позиционной обороны подошли естественно, в порядке составления плана для борьбы с германским флотом, учитывая его возможное стремление высадить десант на побережье Финского залива.

С целью компенсировать неравенство сил, приходилось создать рубежи обороны, выдвинув таковые в море, сочетая здесь действия флота, береговых батарей и минно-позиционные средства. Таким путем явилось возможным установить преграды противнику в определенных, важных в стратегическом отношении, направлениях.

Это решение предусматривалось для ближайшего времени, пока русский флот не будет усилен настолько, чтобы соревновать с противником за обладание открытым морем.

Оно требовало нового плана оборудования театра, а для Балтийского моря перенесения базы флота из Кронштадта в район Ревеля, где должны были быть построены новая крепость и новый порт.

Позиционная оборона Финского залива и северо-западной части Черного моря являлось основой для планов русских морских сил в начале мировой войны.

Оппозиция военного ведомства, так задержавшая развитие флота и организацию обороны берегов, теперь сменилась доброжелательным отношением к идеям морского генерального штаба. Однако, это признание было уже в значительной степени запоздалым, так как ни сооружение нового крепостного района в районе Ревель—Поркаллауд, ни устройство порта-базы для Балтийского флота, ни, наконец, создание судового состава, ко времени начала мировой войны не успели осуществиться. Кроме того, содружество ведомств не шло достаточно глубоко. Морскому ведомству была передана постройка Ревеля (в 1912 году), прочие же крепости оставались в ведении военного министерства, которое продолжало свою прежнюю политику в отношении их: усиливало Кронштадт и Севастополь, другим же внимания совершенно не

уделяло, и они продолжали существовать в полуупраздненном виде.

Таким образом, ко времени мировой войны установилась определенная идея в морской обороне берегов. Фактически же оборона ни в отношении ее оборудования, ни в отношении состава сил, таковую обеспечивающих, создана не была. Ее приходилось строить уже во время войны. Исходное положение на морских театрах, как и в прошлые войны, оставалось неблагоприятным для России.

В основе отношений между военным и морским ведомством попрежнему лежала пропасть. Позиционная идея была примиряющим компромиссом, но вне ее работа и предположения ведомств не были согласованы между собой. Об этом свидетельствует опыт мировой войны России на морских театрах. Об этом же говорят документы, рисующие ее подготовку к войне (см. „Подготовка России в мировой войне на море“, „Заключение“).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало мировой войны и кампания 1914 года на Балтийском море.

А. Положение на Балтийском море и его оборона к началу мировой войны.

Значение Балтийского моря в мировую войну.

Главным театром для России во время мировой войны был театр сухопутный на западной границе. Роль второстепенных театров, в том числе Балтийского моря, приходится оценивать прежде всего со стороны значения их для хода войны на сухопутном фронте.

С этой точки зрения Балтийское море имело значение:

а) как путь для вторжения противника на русское побережье, в тыл армии, угрожая приморским областям и району столицы;

б) как фланговый район по отношению к фронту развертывания;

в) как путь для возможного вторжения со стороны моря на территорию противника;

г) как морской путь для сообщений между прибрежными пунктами.

Россия обладала береговой чертой от Торнео до Полангена. Через это побережье открывался доступ с моря по различным направлениям, из коих каждое имело определенное стратегическое значение.

Направление на Ботническое побережье открывало путь в Финляндию и ставило под угрозу район столицы; военные действия здесь требовали бы образования нового фронта, в тылу развертывания русских армий на главном театре.

Направление на Финский залив угрожало столице непосредственно. С прорывом в Финский залив и с высадкой десанта на южное побережье—противник получал возможность

произвести удар как на столицу, так и в направлении Эстляндии, и далее по глубокому тылу нашей армии.

Направление на Рижский залив открывало противнику ближайший тыл армии, угрожало промышленному району Риги, давало возможность врезаться в глубину прифронтовой полосы.

Направление на Курляндское побережье грозило флангу фронта.

С другой стороны, воды Балтийского моря являлись путем и к германскому побережью, к которому тяготели крупные промышленные и жизненные интересы Германии. Вторжение на ее территорию и море угрожало ей неисчислимыми стратегическими последствиями и, прежде всего, могло нарушить устойчивость ее обоих фронтов: западного и восточного.

Отношение сил русского и германского флотов было подавляющим в пользу последнего.

Германия могла быть спокойна за свое побережье. Россия же, наоборот, по состоянию своего флота и средств береговой обороны не была гарантирована от этой угрозы.

Балтийское море, как морской путь для сообщений с Россией, особого значения не имело, так как выход в океан прерывался самым фактом войны с Германией, в руках которой была южная часть моря; сообщение же со Швецией могло проходить по сухопутному пути через Торнео.

Совершенно иной в этом отношении была роль Балтийского моря для Германии. Ее сообщение со Швецией являлось единственным свободным направлением, при условии круговой блокады, для сношений с морем. Нейтральная Швеция втечение всей войны была посредником по снабжению Германии продуктами заокеанского производства, поставщиком руды и продовольствия, в которых в Германии ощущался острый недостаток.

Тогда как для России торговые пути через Балтийское море особой роли не играли в ее питании, для Германии тот же вопрос получал цену первой необходимости.

Вышеуказанное значение Балтийского моря выдвигало перед Россией ряд задач, которые должны были быть разрешенными на этом театре.

Характер последних, с одной стороны, определялся общим положением на главном театре, а, с другой—соотношением сил, которыми располагали воюющие, и главным образом, сил морских, боевого флота.

Балтийский флот и его задачи.

Соотношение русского Балтийского и германского флотов к моменту начала войны видно на сл. таблице:

Суда:	Русский Балтийский флот.	Германский флот.
Лин. корабли нового типа	0	17
„ „ стареющие	2	5
„ „ устаревшие	2	15
Линейные кр. нового типа	0	4
Стареющие бр. крейсеры	1	3
Устаревшие „ „	0	4
Легкие крейсеры новые	0	20
„ „ стареющие	7	7
„ „ устаревшие	2	2
Миноносцы нов. типа	1	0
„ истребители	56	123

Примечание. Показаны только корабли, имеющие боевое значение.

Разница между русским и германским флотом будет еще разительнее, если учесть, что русские суда принадлежали все (за исключением одного миноносца—„Новика") к устарелым типам, боевая ценность которых была весьма невелика, сравнительно с таковой судов тех же классов, но новейшей постройки. Германский же флот насчитывал в своем составе большее число современных боевых единиц.

Но германский флот имел противником не только русский флот,—главным врагом его на море был английский флот; главным морским театром—театр Северного моря.

При надлежащей согласованности планов и действий России и Англии, при наличии с их стороны полного стремления к содружеству на море, это раскрывало бы широкие стратегические перспективы для действий союзных флотов в Балтийском. Но такового тесного сотрудничества и согласования планов не было. Английский флот был сосредоточен в Северном море, пределами которого ограничивалась деятельность его главных сил. Русские морские силы на Балтике были предоставлены самим себе.

Германскому флоту не была возбранена возможность сосредоточить на Балтийском театре то количество сил, которое необходимо, чтобы осуществить подавляющее превосходство. Действуя по внутренним операционным линиям, имея солидную крепостную береговую защиту, страхующую главные морские базы, германское командование в любой момент могло перебрасывать морские силы на Балтийское или Северное море, в зависимости от обстановки.

Русскому командованию в его предположениях всегда приходилось считаться с возможностью единоборства с германским флотом.

Слабость России на море в момент начала войны могла быть компенсирована впоследствии, по мере вступления в строй новых кораблей, которые война застигла на стапеле,

в стадии постройки. Уже к концу 1914 года можно было рассчитывать получить подкрепление в виде заканчивающейся бригады линейных кораблей типа „Севастополь“, которая более чем утраивала его линейные силы, а в последующие годы новые миноносцы и подводные лодки.

Однако, даже полное выполнение программы строющихся судов не могло дать русскому флоту столь крупного преимущества над врагом, чтобы бороться за обладание Балтийским морем и развить широкие наступательные операции.

Эта возможность с начала и до конца войны оставалась за Германией.

Из сказанного следует, что соотношение сил сторон ставило Балтийскому флоту задачи, главным образом, оборонительные, выражавшиеся в стремлении противостоять активным операциям германского флота.

Оборона побережья—вот что являлось главной задачей Балтийского флота.

Собственно, все его операции в мировую войну имели прежде всего этот смысл: оборона побережья была его конечною целью.

Однако, для наличных сил русского флота, задача эта не могла быть поставлена в полном масштабе. Как указано выше, Балтийское побережье России, при большой протяженности, открывало противнику несколько направлений, из коих каждое было сопряжено с той или иной степенью угрозы для общего положения на главном театре.

Лишь при широко оборудованном театре, как в отношении обеспечения безопасности базирования флота, так и крепостной береговой и морской минной защиты всех районов Балтийского побережья, флот мог выполнить эту задачу, сдерживая наступление противника в важнейших направлениях и препятствуя ему произвести десантные операции крупного масштаба.

Слабый состав сил русского флота и совершенно неудовлетворительное оборудование театра не позволяли ему, в обстановке начала войны, поставить задачи большие, нежели защита *одного* направления на Финский залив, к столице. Пределы его сопротивления при наступлении главных сил флота Германии, были ограничены.

Балтийскому флоту была поставлена задача: *задержать противника, при намерении его форсировать Финский залив, на рубеже Ревель — Поркаллауд на срок в две недели, каковой почитался необходимым для сосредоточения сухопутных войск для отражения десанта.*

Этой задаче должно было отвечать оборудование театра приморскими укреплениями и крепостями, которые должны были дать флоту опору, а обороне—устойчивость.

Оборудование Балтийского театра, к моменту начала войны.

Как выше было изложено, основной мыслью обороны Финского залива было создание в узкой части залива, между Ревелем и м. Поркаллауд, минной позиции, защищенной с флангов береговыми укреплениями, обороняемой флотом, совместно с батареями (см. сх. № 9).

Создание центральной позиции являлось главным элементом оборудования Балтийского театра.

Требования, которые ставились ей условиями боя наличных морских сил Балтийского флота, сводились к следующему:

1) Крепостная оборона должна быть достаточно мощной, чтобы оказать поддержку слабым силам флота при борьбе его с много превосходящими силами противника.

2) Фланги позиции должны быть защищены с сухого пути от взятия открытой силой.

3) Минные заграждения должны быть соответственной силы и глубины.

4) Флоту должна быть обеспечена возможность безопасного базирования в районе позиции.

Центральная позиция между о-вом Нарген и п-вом Поркаллауд, входившая в состав намеченного к постройке Ревельского укрепленного района, должна была быть сооруженной по следующим первоначальным заданиям, выработанным в результате совместных совещаний военного и морского ведомств:

1) Ревельский укрепленный район должен содействовать нашей эскадре, маневрирующей в районе Ревель—Поркаллауд, в ее задаче—воспрепятствовать прорыву противника вглубь Финского залива.

2) Укрепленный район должен состоять из 2 участков: а) Ревельского и б) Поркаллаудского.

3) Укрепления Ревеля должны: защищать с моря от бомбардирования, взятия открытой силой и внезапных нападений на базу эскадры на о-ве Карлос (на Ревельском рейде); обеспечить флоту свободный выход из порта и возможность развертывания перед боем; частью береговых батарей допускать обстрел, хотя бы дальним огнем, Балтийского Порта.

4) Укрепления у Поркаллауда, дополняя собой назначение Ревельского участка, в отдельности должны:

а) прикрывать расположенные к востоку от меридиана Поркаллауда базы минного флота, необходимого для завершения успеха эскадры;

б) препятствовать проникновению противника в шхерные проходы между мысом Поркаллауд и полуостровом Макилото.

5) Оба участка, в своей совокупности, имеют назначением фланкировать промежуток между ними, при чем фронтальная оборона, а также контр-атаки, в случае охвата противником одного из участков, выполняются маневрирующей эскадрой.

6) Непосредственное обеспечение укреплений от захвата противником с моря и с суши возлагается на особо назначенные для сего части.

7) Широкое обеспечение базы флота с суши—лежит на обязанности полевой армии.

Сообразно этим заданиям и был составлен проект ревельской крепости, каковая, по своему вооружению и оборудованию, по окончании ее должна была быть одной из наиболее сильных приморских крепостей в мире.

Вместе с тем было намечено сооружение большого порта—базы в Ревеле, способного вместить и обслуживать флот в составе двух эскадр.

Эти проекты были начаты осуществлением в период 1912/13 г.г., окончание их предполагалось не ранее 1917 года. В 1914 году работы были только в начале. Фактически, к моменту начала войны все вооружение Ревеля состояло и немногих временного типа батарей, поставленных за земляными закрытиями, весьма небольшой боевой ценности, имеющих скорее значение охранных, нежели боевых батарей.

К июлю 1914 года в Ревеле и на северном фланге позиции было (см. схему № 10):

На о. Наргене 4—6″ и 4—8″;

на м. Стура Треске 4—6″.

Совершенно очевидно, что это вооружение ни в коей мере не обеспечивало устойчивости флангов позиции.

Сухопутного же фронта не было, и фланги, в случае одновременного с флотом наступления армии противника, были открыты.

Основой обороны являлось минное поле, которое должно было быть поставлено в первый же день войны.

Непосредственно с главной позицией связывалась так наз. флангово-шхерная позиция, т.-е. укрепленные пункты к западу от Поркаллауда (см. схему № 10), опираясь на которые миноносцы могли бы атаковать противника, прорывающегося в залив.

К моменту начала войны здесь были установлены средствами морского ведомства три батареи 6″ орудий на открытых установках.

Все оборудование фланговой и центральной позиции к моменту начала войны состояло из 6 батарей, в составе 4—8″ и 20—6″ орудий. Оно было ничтожно сравнительно с заданиями обороны района, и защита лежала целиком на флоте, силы которого были также недостаточны для отражения противника, коль скоро он предпринял бы решительное наступление на Финский залив.

Но если крепостная защита основного рубежа обороны Финского залива была не оборудована, то базирование флота, сосредоточенного к району ее, находилось в еще менее удовлетворительном состоянии.

Согласно плану обороны, базирование было назначено в Ревеле, но Ревельский порт к началу войны был только что начат постройкой; имевшегося в нем оборудования едва хватало для обслуживания одной бригады крейсеров, приписанной к этому порту. Главным же силам флота пришлось базироваться на Свеаборг.

Свеаборгу вторично готовилась ответственная роль. Как в Крымскую войну, решение перенести сюда базирование диктовалось желанием выдвинуться в западную часть Финского залива, чтобы иметь возможность встретить противника задолго перед приходом его к Кронштадту,—те же побуждения руководили переводом флота в этот район и накануне мировой войны. Но как тогда флоту пришлось встретиться с необорудованным портом, ветхостью и совершенной недостаточностью укреплений для защиты стоянки флота,—то же, в буквальном смысле, имело место и теперь.

Свеаборгская крепость, будучи усилена скоро после Крымской войны, с тех пор почти не усовершенствовалась, ее вооружение было уже архаическим, крепость не имела сухопутного фронта и могла быть, как и флот, стоящий на ее рейде, подвергнута бомбардированию с берега и со стороны моря.

Для морского министерства это не было неожиданностью. Оно задолго до войны возбуждало вопрос об усилении Свеаборга, но военно-сухопутное ведомство настаивало на упразднении этой крепости, ненужной с точки зрения сухопутных планов. Вопрос доходил до царя; в результате было приказано Свеаборг оставить, усилив 6″ орудиями приморский фронт его. Но это усиление было ничтожным для тех задач, которые лежали на Свеаборге, как на главной маневренной базе флота.

Что касается портового оборудования Свеаборга, то в нем, подобно Артуру, не было ни одного дока для больших судов, которым приходилось для ремонта и исправления аварий в подводной части ходить в Кронштадт. Вход на Свеаборгский рейд был неудобен для больших судов и требовал расширения, что ставило в трудное положение линейные суда, в первое время войны обязанные стоять на дурно защищенном внешнем рейде, подвергаясь опасности атак миноносок и подводных лодок.

Судостроительные и ремонтные средства Свеаборга были ничтожны.

Таким образом, флот, сосредоточенный в передовом районе Финского залива, не был обеспечен оборудованием театра ни в отношении портовых средств, ни в отношении надлежащей защиты сооружениями береговой обороны.

На зимнее время он оказывался отрезанным покровом льда от Кронштадта, единственного порта в Балтийском море, имевшем сравнительно хорошее оборудование и береговую защиту.

Кронштадт был усилен в период подготовки перед мировой войной вынесением укреплений на мыс Ино и Красную Горку, образовавших передовой укрепленный район при входе в Невскую губу.

Что касается прочих крепостей, то Либава не была упразднена, но она подлежала уничтожению с началом военных действий.

Усть-Двинск в том виде, в коем он был перед войной, не имел решительно никакого боевого значения. [1]

План кампании Балтийского флота перед мировой войной.

Выше указано соотношение сил русского и германского флота к началу кампании 1914 года.

Как состав сил, так и степень соответствия оборудования театра не были благоприятны для русской стороны. Наоборот, командование Балтийским флотом должно было считаться с крайне трудным положением, предопределявшим все преимущества неприятелю. Возможности Балтийского флота были чрезвычайно ограничены,

---

[1] Несколько более подробно о состоянии крепостей Балтийского моря см. М. Петров „Подготовка России к мировой войне на море“, гл. VIII.

а рессурсы не давали права ставить широких задач в плане кампании.

В книге нашей,[1] на которую мы постоянно ссылаемся, изложен план действий русского Балтийского флота. Поэтому, не возвращаясь к нему в подробностях, приведем лишь общую его идею.

1. Балтийскому флоту ставилось задачей, оказание возможного сопротивления проникновению противника в восточную часть Финского залива.

2. Практическое выполнение этой задачи сводилось к бою на заранее подготовленной позиции, используя для этой цели все имеемые средства позиционно-подводной обороны.

3. В зависимости от действительной обстановки и намерений противника, а также в случае успешного задержания его наступления в Финский залив—переход к активному плану действий.

План развертывания флота заключался в следующем:

1. Сосредоточение всех наличных сил к району позиции—Ревель—Гельсингфорс (Свеаборг)—Поркаллауд.

2. Постановка, до начала боевых операций, центрального минного заграждения между Ревелем и Поркаллаудом, которое являлось, так сказать, основным стержнем всей обороны.

3. Выдвижение дозорной крейсерской завесы в устье залива для предупреждения о подходе противника.

4. Вспомогательные операции по приведению театра в боеспособное состояние, организация службы траления и пр.

Задачи частям флота и состав последних по плану развертывания были:

План развертывания Балтийского флота для защиты входа в Финский залив. (Сх. № 9).

Общая задача: оказать возможное сопротивление противнику при попытке его прорваться в восточную часть Финского залива, дав ему решительный бой на главной позиции Ревель—Поркаллауд.

ЗАДАЧИ	СОСТАВ СИЛ
а) Подготовительные и дополнительные операции.	
1. Постановка центрального минного заграждения.	Отряд заградителей в составе заградителей: „Ладога“, „Онега“, „Нарова“, „Волга“, „Амур“, „Енисей“.

[1] М. Петров. „Подготовка России к мировой войне на море“.

ЗАДАЧИ	СОСТАВ СИЛ
2. Приведение в боевую готовность батарей центральной позиции, установка бонов на Ревельском рейде, организация охраны рейдов и гаваней Свеаборга и Ревеля, организация охранения минного заграждения.	Специальные средства и вспомогательные части флота (суда дирекции лоций и маяков, портовые суда, резервные миноносцы и команды, средства батарей и пр.).
3. Оборудование флангово-шхерной позиции (постановка заграждений и минирование фарватеров, приведение шхерных батарей в боевую готовность, прикрытие и охрана работ и пр.).	2-я минная дивизия в составе 3, 5, 6 и 7 дивизионов миноносцев (всего 31 миноносец). Отряд канонерских лодок в составе: „Храбрый“, „Бобр“, „Сиваш“, „Кореец“, „Гиляк“, „Грозящий“. Отряд заградителей (см. выше)—по выполнении главной задачи по постановке центрального заграждения. Вспомогательные суда.
4. Приведение оперативного района в требуемое военным временем состояние (заграждение Моонзунда, снятие всех знаков и пр.).	1-й минной дивизии—полудивизион особ. назн., 1-й и 3-й дивизионы (последний потом переходит во 2 минную дивизию)—16 миноносцев. Суда дирекции лоций и маяков.
5. Охрана центральной позиции.	Резервный отряд в составе: линейный кор. „Имп. Александр II“, учебн. судно „Петр Великий“, 4-й дивизион эск. миноносцев, транспорты и проч. вспомогательные средства. Бригада подводных лодок, 1 и 2 дивизиона (всего 11 лодок).
6. Разведка и дозор в устье Финского залива.	1-я бригада крейсеров в составе: „Громобой“, „Паллада“, „Адмирал Макаров“ и „Баян“.
7. Обеспечение подготовительных операций.	Бригада линейных кораблей: „Имп. Павел I“, „Андрей Первозванный“, „Слава“, „Цесаревич“. Брон. кр. „Рюрик“ (фл. ком. флотом) при нем эск. мин. „Новик“.
8. Общий резерв.	Резервная (затем 2-я) бригада крейсеров („Россия“, „Богатырь“, „Олег“, „Аврора“). Партия траления мин. заграждений.

ЗАДАЧИ	СОСТАВ СИЛ
б) Главные операции.	
1. Бой на центральной позиции.	Бронен. крейсер „Рюрик“. Бриг. линейных кораблей (4). Обе бриг. крейсеров (8). (Всего 15 больших кораблей с орудиями: 12″ и 10″ . . 20; 8″ . . . . 55; 6″ и 120-*мм* 190) Резервный отряд. 1-я минная дивизия (20 мин. больших и 11 малых).
2. Атака неприятеля от шхерной позиции.	2-я минная дивизия (31 миноносец).
4. Атака неприятеля при подходе с моря.	Бригада подводных лодок (11).

Развертывание сухопутных войск для защиты Финского залива предусматривало сосредоточение VI армии в составе: XVIII и XXII армейских корпусов, гв. стр. бригады, 67, 74 и 84 пех. дивизий, 3 бриг. 1 гв. кавалерийской дивизии, казачьего дивизиона, гарнизонов крепостей; всего 128 бтл., 62 эск. и сот., 432 ор., 320 пул., 26 инженерных рот, 9 креп. арт. бат., 7 конных и 8 пеших сотен пограничной стражи.

Главные сухопутные силы—в районе Петербурга.

По плану войны, Балтийский флот был подчинен командующему VI армией.

Б. Общий очерк боевых действий на Балтийском море в кампанию 1914 г.

Скудость боевых средств русского флота и слабость оборудования защиты баз и важнейших пунктов исключали возможность прямой борьбы с германским флотом в открытом море за обладание последним. Оборона наиболее важного направления—на Финский залив и прямых подступов к Петербургу—являлась его единственной задачей в начале войны.

Такая формулировка основной задачи Балтийского флота не исключала, однако, нескольких вариантов возможных решений, в зависимости от действий противника и обстановки.

При наступлении в Финский залив главных сил германского флота, русскому—не оставалось другого выхода, как боем на центральной позиции попытаться остановить его, хотя, впрочем, лишь с небольшими шансами на успех, ввиду превосходства боевых средств на стороне неприятеля.

Но если бы такого наступления со стороны немцев не последовало или они медлили выполнением его, то перед русским Балтийским флотом являлась бы возможность перенести операции в открытое море, начав борьбу еще там, противодействуя противнику на открытой части Балтийского моря и расширив тем собственную оборонительную зону.

Здесь мы встречаемся с теми же двумя тенденциями, как и в ранее рассмотренных кампаниях: тенденцией пассивной местной обороны и тенденцией обороны активной.

Перед мировой войной общие предпосылки именно для пассивного решения задачи обороны на Балтийском море были особенно убедительны, уже по причине слабости сил и подавляющего превосходства в них на стороне противника.

Всякая активная операция Балтийского флота, сопряженная с опасностью каких-либо потерь, в еще большей степени ухудшала бы его положение в момент решительной встречи и, следовательно, могла рассматриваться—с точки зрения местной обороны важнейшего рубежа в Финском заливе—нежелательной авантюрой.

К этому еще надо присоединить традиционное опасение десанта на побережье Балтики, которое не сходит с очереди и признается вероятнейшим, начиная с Крымской войны. Его прежде всего учитывали планы кампании. Мысль о десанте считалась чем-то непреложным. Задача за противника всегда решалась только в таком смысле и других возможностей не искалось. Немецкий десант обратился в предвзятую идею.

Ни в одну из кампаний, о которых мы говорили выше, идея пассивной обороны не была так убедительно обоснована и так крепко разделяема высшими командными инстанциями, как накануне мировой войны на Балтийском море.

В действительности же, немцы решили сосредоточить все силы на северном театре, против главного врага—Англии, ограничившись на Балтийском море операциями второстепенного значения, демонстрациями и наблюдением. Они ожидали английского наступления с той же тревогой, как мы на Балтийском ожидали их наступления.

Действия германского наблюдательного отряда в Балтийском море должны были встретить для себя благоприятную обстановку, ввиде предвзятой идеи десанта, о которой сказано выше. Всякие операции отряда, особенно в первые дни войны, оценивались русским главным командованием, прежде всего, как подготовка генерального наступления германского

флота на Финский залив, вызывая соответственные приготовления к бою на центральной позиции. Германские демонстрации уже потому достигали своей цели, что впечатление, ими производимое, совпадало с опасениями русского командования.

Однако, несмотря на гипноз германского наступления, несмотря на пассивные тенденции, исходившие из верхов главного командования, активная идея жила на нашем Балтийском флоте, прежде всего в лице командовавшего им адмирала Эссена.

Она не сходила с очереди в его предположениях, как до войны, так и с первых дней ее. Она получила новое содержание с того момента, когда возникло сомнение в реальности

германского наступления, когда действия германского наблюдательного отряда, носившие явно демонстративный характер, были расшифрованы командованием Балтийского флота, последнему стал ясен план развертывания германских сил.

Это выяснилось не сразу. В первые дни войны мы застаем Эссена столь же встревоженным за судьбу Финского залива, как и высшее командование.

Первый период кампании, июль—сентябрь 1914 г.

Первый период войны на Балтийском море прошел под знаком ожидания наступательной операции немцев на Финский залив.

Развертывание флота в районе центральной позиции было выполнено по указанному выше плану, при чем наиболее ответственным моментом этих дней была постановка

центрального минного заграждения между Ревелем и Поркаллаудом (см. схема № 9).

Предполагалось, что наступление немцев может последовать еще до начала объявления войны, постановка же заграждения поперек Финского залива, прекращавшего свободу мореплавания на оживленном торговом пути, сама по себе представляла мероприятие, сопряженное с крупными последствиями. Неопределенность положения до объявления войны, при общей растерянности, сопровождавшей дни 17—18—19 июля, вселяла неуверенность в решение этого важнейшего для обороны вопроса. Командующий флотом, Эссен несколько раз телеграфировал в Петербург с просьбой указаний: ставить заграждение или нет? Не получая разрешения, тревожась за обеспечение развертывания флота, он, в конце концов, послал телеграмму, с предупреждением, что если не получит определенного ответа о политическом положении, то утром 18 сам поставит минное заграждение. Положительный ответ пришел тогда, когда флот был готов сниматься с якоря для выполнения и прикрытия этой операции.

Через несколько часов заграждение было поставлено. В тот же день флот закончил свое развертывание. Дозорная завеса крейсеров была выставлена в море еще в ночь с 12 на 13 июля.

Директивы главнокомандующего VI армии Балтийскому флоту в первые дни войны сводились к следующему:

„всеми способами и средствами препятствовать производству высадки в Финском заливе;

„действовать по усмотрению, считая необходимым обеспечить своевременную постановку заграждения в Биорке...

„установить наблюдение за водным пространством Балтийского моря и Финского залива...

„содействовать поддержанию связи между войсками, действующими на побережьи...

„оказывать сухопутным войскам содействие в прибрежной полосе“...

Либавский порт и крепость приказано приготовить к уничтожению, равно как и портовые сооружения в Ганге, в случае же наступления противника заградить и уничтожить эти оба порта.

Военные действия начались бомбардировкой Либавы (20 июля) германскими крейсерами, которыми кроме того было поставлено минное заграждение перед входом в порт. Эта бомбардировка, ввиду уже принятого решения оставить Либаву, никакого значения не имела, ускорив лишь приведение в исполнение приказания об уничтожении портовых средств.

У входа в Финский залив неприятель не показывался (первые донесения о появлении германских крейсеров в виду

о. Даго были получены от 30 июля). Этот факт свидетельствовал, что первые и наиболее благополучные моменты для его (ожидавшейся) операции к Финскому заливу упущены. Командование Балтийским флотом учло, что ему предоставляется время, каковым оно может воспользоваться в целях упрочения положения на театре.

Шведская операция.

Политическая обстановка первых дней войны представлялась весьма неопределенной. Англия еще не объявила войны. Невыясненным также считалось положение Швеции. Между тем, выступление последней на стороне Германии могло самым радикальным образом изменить стратегическую обстановку на Балтийском театре.

Неопределенность положения и отсутствие точной политической информации из Петербурга не могли удовлетворить Эссена. Отчаявшись в их получении, коментируя обстановку, как чрезвычайно угрожающую, он по собственной инициативе принял решение, которое могло привести к крупнейшим политическим и стратегическим последствиям.

Он решил предъявить находившемуся в районе Готланда Шведскому флоту ультимативное требование перейти в Карлскрону и не выходить оттуда на все время войны России с Германией, в противном случае угрожая ему уничтожением.[1]

Послав донесение главнокомандующему VI армии, Эссен с эскадрой в полном составе вышел в море, чтобы там ожидать разрешения предъявить шведам ультиматум.

Конечно, Эссену немедленно были посланы отменительные радио. В Петрограде поднялась паника, там поняли, что неосторожно дали Эссену инициативу и что при его активном порыве он может наделать больших бед. Следствием этой

---

[1] Вот любопытный текст письма, которое адмирал Эссен предполагал вручить командующему шведским флотом: „Ваше превосходительство, хотя в настоящей войне между Россией и Германией, Шведское правительство и объявило нейтралитет и ничто, повидимому, не нарушает дружеских отношений между нашими государствами, я все же не могу не обратить ваше внимание на то, что в период, ближайший перед началом войны, на родине вашей был целый ряд манифестаций в пользу вооружений для борьбы с Россией. Учитывая это обстоятельство, а также принимая во внимание трудность своевременного получения точных известий об истинных намерениях Швеции и ее вооруженных сил, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с предложением перевести весь Шведский флот в Карлскрону, с покорнейшей просьбой не выходить оттуда во все время продолжения войны России с Германией. Как военный человек, вы поймете мое распоряжение моим судам при встрече с каким бы то ни было военным судном в пределах Балтийского моря и его заливов, немедленно его уничтожать. Прошу считать, адмирал, это мое заявление дружественным актом, устраняющим печальную возможность возникновения случайных военных действий между нашими флотами и нациями. Примите, милостивый государь мои уверения в отличном уважении...“.

Архив Морискома, дело без №.

несостоявшейся операции была директива, ограничивающая его инициативу и уточняющая задачу флота: „Верховный главнокомандующий не допускает активных действий при настоящей политической обстановке. Главная задача флота—прикрыть столицу, что теперь достигается главным образом его положением в Финском заливе. Когда можно будет, верховный главнокомандующий даст указание, куда итти. Проект письма признан актом вызывающим и незаслуженным оскорблением шведов, лойально относящихся теперь к России".

С этих пор устанавливается опека со стороны командования VI армии и ставки над Эссеном.

Между тем, в этом походе, несомненно нецелесообразном с точки зрения политической конъюнктуры момента, виновато прежде всего само главное командование, недостаточно ориентировавшее Эссена, благодаря чему последний был вынужден сам оценивать обстановку и сам искать решений.

Флот вернулся в залив, имея ночью случайную встречу с неприятельским дозором.

Действия германских крейсеров.

В период 30 июля—8 августа немцы ограничивались демонстративными операциями. Их крейсеры подходили к устью Финского залива, показываясь в разных местах, что, в целом, производило впечатление приготовлений к крупной операции, в чем еще более убеждали многочисленные, как из рога изобилия сыпавшиеся в штаб флота, агентурные донесения.

Все это вызывало с русской стороны лишь одно: приготовление к бою на позиции. Флот находился все время в напряженном ожидании. Командование VI армией, будучи панически настроено, в особенности было склонно во всем видеть опасные признаки готовящегося десанта.

Между тем, немцы сами опасались выступления русского флота, так как их главные силы находились в Северном море, а на Балтике остался лишь наблюдательный отряд.

С целью затруднить выход русского флота, ими 8 августа было поставлено минное заграждение в устьи Финского залива.

На другой же день оно было обнаружено, так как взорвалось несколько нейтральных пароходов, отпущенных в море из русских портов.

Это заграждение не достигло цели, для которой предназначалось. Адмирал Эссен сделал выводы, как раз обратные тем, которые были желательны для немецких операторов. В своем донесении главнокомандующему (от 9 августа за № 15 к. о.) он указывал, что из факта заграждения немцами устья Финского залива вытекало отсутствие намерения про-

тивника самому входить в залив, просил разрешения перейти к активной деятельности и самим начать ставить мины заграждения у неприятельских берегов, полагая, что при создавшейся обстановке, главная задача флота от этого не могла пострадать. Однако, означенное предложение не встретило сочувствия в штабе VI армии и директивы флоту изменены не были.

Между тем, немецкие крейсеры, до сих пор не встречая прямого противодействия со стороны русских, которые их ни разу далеко не преследовали, становились все смелее. Они решили произвести разведку в средней части Финского залива, атаковать наши дозорные суда в Ревеле.

Эта операция, в самом начале ее была прервана крупной неудачей немцев, потерявших новый легкий крейсер „Магдебург“, выскочивший на камни у о-ва Оденсхольм (в Финском заливе). Крейсер немцы были принуждены оставить и взорвать. [1]

19 августа русскими крейсерами был предпринят поиск в южную Балтику, с целью атаковать германские дозорные крейсеры. Поход этот не дал иных результатов, кроме произведенного ими большого впечатления на немцев, после этого несколько усиливших состав своего Балтийского отряда.

Все продолжающиеся демонстративные бомбардировки германскими крейсерами маяков и наблюдательных пунктов, появление на виду наших берегов и пр.—уже не достигали своей цели, так как их демонстративный характер был ясен русскому, по крайней мере морскому, командованию.

Теперь нужен был другой способ демонстраций. Таким способом немцы избрали демонстрацию десантов на Курляндское побережье.

Вскоре агентурная разведка и перехваченные радио сообщили, что готовится десантная операция в районе Курляндии.

Обеспокоенная этими сведениями ставка известила Эссена. Последний в своем ответе донес, что он считает „един-

---

[1] В числе трофеев, захваченных русскими на „Магдебурге“, были сигнальные книги, при помощи которых немцы производили шифровку радио. Это дало возможность организовать при разведывательном отделении службу дешифрования и заручиться источником разведки исключительной достоверности и быстроты, тем более что немцы, втечение всей кампании, отличались „радиоболтливостью“. Потом они несколько раз меняли шифры, но организованная служба дешифрования легко разбирала их. Эти книги в копии были переданы нами англичанам, которые также пользовались ими, согласуясь с нашей разведкой.

Другим важным трофеем была записная книжка одного кондуктора, ведшего повседневную запись. Из нее узнали точную картину операций германских крейсеров в Балтике, равно как и место поставленного ими в устьи Финского залива заграждения.

ственным средством воспрепятствовать успеху такого предприятия—выход наличных сил флота Балтийского моря к месту высадки для решительного боя с неприятельским флотом, прикрывающим десант, и нападение на транспорты с войсками". Вместе с тем он доносил, что „подобный выход флота возможен только при условии освобождения от поставленной флоту ранее задачи—охраны столицы с моря, так как при выполнении операции нападения на неприятельский десант могло случиться уничтожение всего нашего флота. Частичный же неуспех все же парализовал бы все предприятие немцев". [1]

В ответ на это командующему Балтийским флотом было сообщено, что „задачей Балтийского флота остается охрана столицы со стороны моря. Необходимо сохранение флота для этой цели". [2]

В дальнейшем, директивы ставки становятся еще более категорическими.

„Согласно полученных от верховного главнокомандующего указаний, на случай десанта—совершенно необходимо не рисковать нашим флотом, чтобы им помешать производству десанта в глубине Финского залива" (тел. нач. штаба VI армии 29 августа). В другом случае ставка телеграфирует приказание верховного главнокомандующего, чтобы флоту оставаться в Финском заливе, „даже если будет достоверно, что высадка началась".

Таким образом, верховное командование продолжало оставаться на той точке зрения, что флот не должен выходить в море.

В общем, командование Балтийским флотом правильно оценивало обстановку, видя, что обычно перед ним лишь вспомогательные силы противника, что его операции не более как демонстрации, которые могут легко быть обращены в частичное его же поражение.

Последнее могло вызвать усиление немецкого Балтийского отряда за счет ослабления состава их главных сил на театре Северного моря, но вряд ли натолкнуло бы немцев на решительное наступление в Финский залив, ибо, в связи с положением на сухопутных фронтах, немцы уже не могли выделить крупную армию для десантной операции.

Таким образом, активные операции, даже сопряженные с потерями, по существу не осложнили бы положения Балтийского флота. Это сознавалось в кругах Балтийского командования, о чем можно заключить из представлений Эссена о необходимости изменения задач флоту.

24 августа в Балтийском море появился сильный отряд германских судов, в составе которого, помимо линейных ко-

---

[1] Дело № 7184.

[2] Радио Главкома VI армии, 23 августа.

раблей второй линии, был и кр. „Блюхер“, переведенный на время этой операции из Северного моря. Этот отряд так же ограничился демонстрациями. Но мотив последних был несколько другой. Немцы стремились, демонстрируя легкими силами у устья Финского залива, вызвать за собою погоню русских крейсеров и навести их в море на свои главные силы и там их уничтожить. Этот план не удался, так как присутствие „Блюхера“, ошибочно принятого наблюдательными постами за крейсер-дредноут „Мольтке“, остановило русских от неосторожных маневров в открытом море.

Главные силы русского флота в полном составе под командой Эссена вышли к устью Финского залива и заняли выжидательное положение. Но и этот выход флота возбудил беспокойство ставки, которая прислала свою обычную умеряющую телеграмму о недопустимости риска.

В период 10—13 сентября немцы предприняли демонстративную высадку на Виндаву, которая не вызвала со стороны русского командования ответных мер, кроме развертывания наших сил на случай, если бы противник распространил свои действия на зону Финского залива.

Однако, ввиду того, что Виндава уже определилась, как объект частных неприятельских демонстраций, в район Моонзунда была переведена 1-я минная дивизия.

В числе боевых эпизодов сентября 1914 года следует отметить выход „Рюрика“ (под флагом командующего флотом) с кр. „Паллада“ в крейсерство к неприятельским берегам.

У Эссена была мысль воспользоваться первым штормом в безлунную ночь, прорваться незамеченным из Финского залива и внезапно выйти к неприятельским берегам, чтобы атаковать неприятельские дозорные суда и пароходы с грузами для Германии. Выходя в штормовую погоду на „Рюрике“ из Ганге, Эссен решил привести свой план в исполнение и, захватив с собой дозорный крейсер „Палладу“, пошел в море. Дойдя до южной оконечности Готланда, отряд вернулся, так как погода столь засвежела, что „Палладе“ было трудно держаться, а стрельба фактически была невозможна.

Этот поход вызвал большую критику в ставке. Считалось недопустимым, чтобы командующий самолично участвовал во второстепенных операциях. В этом видели опасный уклон Эссена к риску.

Итоги первого периода кампании на Балтийском море.

Этими заканчивается первый период боевой деятельности Балтийского флота в начале войны.

История Балтийского флота за указанный период отмечена случаями, не могущими не вызвать глубокого порицания по адресу некоторых начальни-

ков. К их числу можно отнести крайне вялый и нерешительный образ действий начальника крейсерской бригады, часто даже не старавшегося выяснить раскрывающуюся перед ним обстановку, склонного впадать в переоценку сил противника, готового отступить перед каждым дымом на горизонте, хотя бы этот дым и принадлежал слабейшему противнику. Так—была допущена постановка немцами минного заграждения в устьи Финского залива, так был неоднократно упускаем „Аугсбург", смело приближавшийся к районам, охраняемым нашими крейсерами. Эссену пришлось сменить начальника 1-й бригады крейсеров, адмирала Коломийцева, назначить следствие над командиром, упустившим случай отрезать курс „Аугсбургу" и принудить его к бою.

Во время аварии неприятельского крейсера „Магдебург" Эссен имел случай убедиться в малодушии начальника дивизиона миноносцев (Вяткина), не рискнувшего итти в тумане в атаку, как того требовала обстановка и как ему было приказано.

Все это, в целом, убеждает нас, что опасение германского наступления, крайний пессимизм в окончательном исходе боевых операций на Балтийском море,—был присущ не только ставке, но и многим лицам среди командного состава Балтийского флота.

Вот почему так приходится ценить и дорожить теми порывами активности, которые исходили от командующего флотом. Его операции, не всегда имевшие за собой строгое стратегическое обоснование, ценны прежде всего тем, что они призывали к борьбе, давали общий фон и обоснование для развития дальнейших планов, авторство которых может быть и не принадлежало лично Эссену, но который, несомненно, являлся их вдохновителем.

Расширение оперативной зоны Балт. флота

Как только выяснилось, что немцы не предполагают начать решительных операций против Финского залива и ограничиваются лишь (может быть пока) демонстративными действиями, тотчас была оценена возможность расширения оперативной зоны Балтийского флота, путем занятия, контроля, а затем и оборудования районов, брошенных было планом войны на произвол судьбы, а именно: районов Моонзунда, Або-Аланда и устья Финского залива.

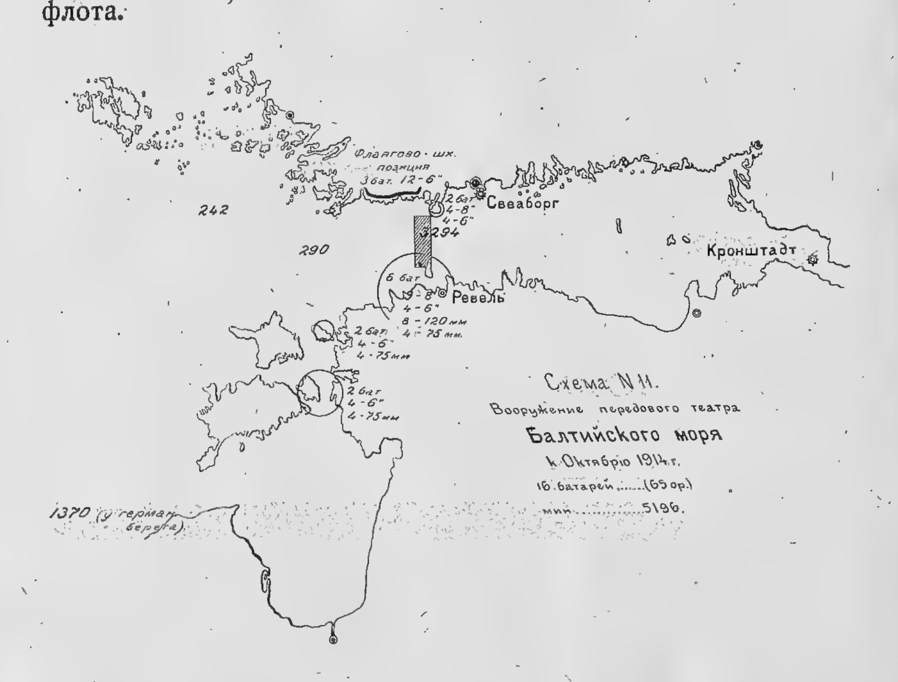
Значение Моонзунда стало совершенно иным с момента начала войны.

Операции противника у Виндавы, крейсерство в средней части Балтики, вызвали необходимость обратить внимание на оборону этого района. Туда было перенесено базирование первой минной дивизии. Действуя отсюда, она получала возможность поражать противника в море. Моонзунд явился фланговой позицией в новой обстановке.

Наша армия еще дралась на пограничных рубежах. Вопрос о возможности отступления ее к району Риги пока не поднимался.

С другой стороны, в связи с затруднениями при плавании в устьи Финского залива, уже загражденного неприятельскими минами, при наличии опасности от встреч с неприятельскими подводными лодками, возникал вопрос об обеспечении выходов судов Балтийского флота в открытое море через шхеры Або-Аландского района, имеющего ряд внутренних глубоководных фарватеров. Этот район приобретал значение передовой маневренной базы флота.

Когда выяснилось, что немцы не обнаруживают стремления к наступательным операциям, Або-Аланд, равно как и Моонзунд, были включены в операционную зону Балтийского флота.

Пока это еще не было решением вполне законченным, ибо не было уверенности в дальнейшем образе действий германского командования; еще слишком слабым было оборудование главной позиции Финского залива, еще довлели тенденции исключительно местной обороны подступов к Петрограду. Но практически уже явилось возможным организовать здесь службу наблюдения, проложить новые фарватеры и наконец, пользоваться Або-Аландскими шхерами и Моонзундом для операций в море.

Оборудование центральной части Финского залива шло лихорадочным темпом, пользуясь каждой неделей, которую предоставляли немцы, откладывая или отказываясь вовсе от решительного наступления в этом направлении.

Таким образом, первые два месяца кампании характеризуются выходом общего плана действий Балтийского флота из тех рамок, которые были положены в основание его развертывания в первые дни войны.

Новые планы командования Балтийским флотом.

18 сентября был командирован в Петроград к главнокомандующему VI армией и далее в ставку флаг-капитан штаба с разработанным новым планом, составленным на основе уже имевшегося опыта и новой обстановки, сложившейся к тому времени на Балтийском море.

Адмирал Эссен писал:

„В предписании главнокомандующего VI армией командующему флотом Балтийского моря от 18 июля с. г. за № 1 предлагается руководствоваться высочайше одобренным 17 июня 1912 года планом операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны.

„Этот план, разработанный штабом командующего морскими силами, имел в основании совершенно определенную политическую и стратегическую обстановку, в которой участие Англии на нашей стороне не предполагалось, почему германский флот имел возможность развить свои операции на Балтийском фронте в полной мере, чем исключалось всякое активное выступление нашего флота.

„Участие Англии в настоящей войне и почти двух-месячный период, втечение которого германский флот не предпринимал никаких активных операций против нашего флота, совершенно изменило стратегическую обстановку на театре Балтийского моря и дало нам возможность расширить оперативную зону нашего флота, выдвинув ее за пределы Финского залива, укрепив Моонзунд, развить операции в Рижском заливе.

„Вступление в строй в ближайшее время линейных кораблей „Севастополь“ и „Гангут“, а в дальнейшем „Полтавы“ и „Петропавловска“, настолько увеличивает наши силы, что я нахожу своевременным просить об изменении основного плана операций Балтийского флота следующим образом:

„Оставляя главной задачей Балтийского флота обеспечение безопасности столицы со стороны моря, разрешить выполнение операций—постановки минного заграждения на путях передвижения боевых сообщений Германии и Швеции, с истреблением коммерческих судов противника, уничтожение наблюдательных постов на его побережьи и т. п.“.

„Выполнение упомянутых задач требует выхода в Балтийское море главных сил, или, по крайней мере, их части, для

обеспечения работ как наших крейсеров, так и заградителей, самостоятельные операции которых, не поддержанные линейными кораблями, ввиду отсутствия в нашем флоте быстроходных судов этого типа, получают слишком случайный характер. Но при разработке всех указанных операций мною принимается за основное требование—возможность отойти к Финскому заливу, не ввязываясь в решительный бой".

„Бой с противником вне Финского залива я имею в виду лишь при ясном, несомненном успехе, в противном случае—флот отходит к подготовленным позициям".

„...По мере приближения зимнего времени угроза столице со стороны Финского залива совершенно отпадает и от операционного направления в Финский—Рижский залив противник вынужден отказаться. Между тем, для наших сил создается благоприятная обстановка в смысле развития активных выступлений против берегов и сообщений противника в Балтийском море, что заставит его вести крайне тяжелую зимнюю кампанию и держать наготове свои силы в Балтийском море".

Оценивая обстановку в прилагаемом плане, Эссен отмечает, что выступление Англии обязало Германию принять меры для обеспечения от прорыва английского флота в Балтийское море, что немцы уже опоздали предпринять решительные операции против Финского залива, ввиду приближения зимы и замерзания залива, что они дали возможность нам усилить фланги центральной позиции установкой 8″ орудий, усилить морской фронт крепостей Свеаборга и Ревеля, дали возможность закрепиться в Або-Аландском районе и в Рижском заливе, что в общем положение Балтийского флота в рассматриваемый момент вполне благоприятно и последний может поставить себе иную задачу—такую, чтобы извлечь максимум пользы, а это достигается выбором новой операционной линии, которая может быть выражена так: „Балтийский флот, имея основной задачей обеспечение столицы со стороны моря, должен держать под наблюдением южную часть Балтийского моря до линии Данциг—Карлскрона".

План указывал, что это в значительной степени обеспечит безопасность правого фланга нашей армии от десанта и создаст противнику большие заботы по охранению его морских путей сообщения.

Схема операции, которая предлагалась Балтийским флотом, заключалась в следующем: флот, имея надлежащую разведку, спускается в южную часть Балтийского моря, где отдельные его части выполняют постановку мин, истребление коммерческих судов противника, уничтожение наблюдательных пунктов и т. п., после чего флот отходит к Финскому заливу.

Эта операция требовала выхода главных сил.

Было разработано два варианта: первый—операции в большом масштабе с выходом всех наличных боевых сил Балтийского флота, включая и только что вошедший в строй новый линейный корабль „Севастополь“, второй—несколько меньшего масштаба, с оставлением в Финском заливе бригады линейных кораблей („Андрей Первозванный“, „Павел I“, „Слава“, „Цесаревич“) для охраны позиции, но все же с участием линейного корабля „Севастополь“.

Этот обширный план операций не встретил, однако, сочувствия в ставке, упорно стоявшей на точке зрения необходимости сохранения сил для защиты главной позиции в Финском заливе.

Главнокомандующий VI армией, препровождая этот проект в ставку, дал такой отзыв: он... „считает, что при существующей общей обстановке текущего момента активные действия флота Балтийского моря, вне пределов основной его задачи—обеспечение столицы с моря, являются пока преждевременными по следующим соображениям:

„1) активные действия флота в районе Балтийского моря, вне оперативной зоны, придусмотренной основным планом операций, сопряжены с решением вступить в бой при самых неблагоприятных условиях, так как Германский флот имеет возможность быстро сосредоточить значительно большие силы, не ослабляя свою укрепленную позицию Немецкого моря“.

„2) Возможность избегнуть боя при операциях активного характера, предлагаемых командующим Балтийским флотом, базируется на своевременном получении агентурных сведений о появлении в Балтийском море сильнейшего неприятеля; это вряд ли можно считать обеспечением“.

„3) Цель предполагаемой операции не представляется достаточно важной, чтобы ради ее достижения направить главные силы флота, рискуя ослабить оборону Финского залива и столицы“.

„4) Допуская возможность выполнения этих операций в первый раз с минимальным риском, пользуясь внезапностью их для противника, считаю, что повторение их несомненно вызовет активные действия неприятеля, т.-е. бой с более сильным флотом“.

„Считая теперь несвоевременным расширение оперативных задач Балтийского флота, я нахожу в полной мере необходимым активное действие флота, лишь только обстановка на всем театре позволит, и, во всяком случае, выждав окончания постройки 4 линейных кораблей типа „Севастополь“.

Условиями благоприятной обстановки главнокомандующий VI армией считал: достижение решительного успеха английским флотом на Немецком море, успешное развитие наших операций на сухопутном фронте в „такой мере, что противник

не будет в состоянии произвести десантную операцию за отсутствием свободных войск".

Таково было мнение главнокомандующего VI армией.

Мнение верховного главнокомандующего формулировано в следующей его резолюции, сообщенной командованию флотом:

„Высочайше повелено действовать активно лишь по получении на то личного разрешения государя на допущение в бой дредноутов. Расширение зоны... и баз разрешено".

Вот какое отношение встретил со стороны высшего управления проект о переходе флота к активным действиям!

Указание на недопустимость использования дредноутов иначе, как по повелению царя, составило знаменательную дату для всех последующих планов Балтийского флота. С этих пор устанавливается ограничение командования Балтийским флотом, вводится инстанция для получения права пользоваться теми силами, на которые так рассчитывал Эссен. Вместе с тем снимается главное условие, при котором активные операции последнего могут быть обеспечены и результат их закреплен—дредноуты, введение в строй которых более чем утраивало силы Балтийского флота.

Потом этот вопрос прошел через разные стадии его решений. Временами командующему удавалось частично получать разрешение на ту или иную операцию, но спор о праве пользоваться дредноутами—проходит красной чертой через всю историю отношений Балтийского флота и ставки до 1916 года.

В данном случае—этим отношением и в особенности резолюцией верховного командования—подрывался ценнейший активный порыв, который не мог, конечно, повернуть ход кампании на Балтийском море, но мог и должен был привести к гораздо более существенным последствиям, нежели те, которые были достигнуты путем действительно рискованных, совершенно не обеспеченных, операций Балтийского флота, о которых будет ниже речь.

Мало того, в столь упорном настаивании на обороне Финского залива и только, в нежелании раздвинуть перспективы войны на Балтийском море сверх тех оборонительных задач, кои указывались первоначальными директивами флоту—можно видеть одну из причин тому, почему наше верховное командование не брало на себя инициативы побуждения английского командования к более решительному образу действий в направлении на Балтийское море, с целью установить непрерывное кольцо, удушающее Германию, и получить при поддержке могущественного флота англичан возможность действий против германского побережья с широкой поддержкой фланга нашей армии в приморской полосе.

Помимо этих соображений—велико было моральное значение директив, настойчиво возвращающих оперативную мысль Балтийского флота в сторону пассивной обороны. Пока жив был Эссен, [1] пока его горячий призыв к активности мог встречать поддержку не только в кругах близких к командованию, но и в общественном мнении всей страны,—он мог решиться на наступательные операции. Но когда его не стало, флот в общем потерял этот порыв. Позже и ставка протестовала, требовала активных действий, но командование флотом уже не находило у себя импульса для них.

Появление германских подводных лодок в Балтийском море.

Деятельность русских вызвала беспокойство германского командования, прежде всего, за безопасность морских торговых путей, по которым беспрерывно, рекой лилось из Швеции снабжение для Германии.

Германское командование решило предпринять против русских выходов в море средство, уже зарекомендовавшее себя на западном театре—выслать новые подводные лодки.

Одной из них удалось 27 сентября взорвать крейсер „Паллада", возвращавшийся из дежурства в дозоре в устье Финского залива.

Это явилось новым обстоятельством, сковавшим действия Балтийского флота. Теперь самый выход в море стал явно опасным. Крейсерские дозоры пришлось убрать к рейдам, оставив в море лишь миноносцы.

Гибель „Паллады" произвела сильное впечатление на флот и еще больше в ставке. Последняя получила новое подтверждение своих опасений.

Положение Балтийского флота было тем труднее, что в его составе не было ни одной подводной лодки современного типа. Из 11 имевшихся, лишь одна „Акула" могла делать переходы к неприятельским берегам, прочие же были совершенно ненадежны в техническом смысле.

В первых числах октября Англия прислала две подводных лодки (третья не дошла).

Эта помощь была существенной. Но в какой мере она отвечала масштабу *той возможной* помощи, на которую была способна Англия, флот которой *вдвое* превосходил флот немцев, а стратегическое положение на море не оставляло никаких сомнений в его прочности!

Период заградительных операций на Балтийском море.

Как видно из предыдущего изложения, ставка категорически высказалась против риска активных операций флота. В дальнейшем вопрос был уточнен, и под давлением настойчивых представлений Балтийского командования, а главным образом по его собственной инициативе оно

[1] Умер 7 Мая 1915 г.

приступило к осуществлению плана постановки минных заграждений.

Но это не была та крупная операция, о которой командование ходатайствовало. Это были сначала малого, потом все более увеличивающегося масштаба операции, которые, в целом, к концу периода темных ночей, дали обширную схему заграждений южной части моря у германских берегов.

Вот перечень этих операций (см. схему № 12).

Схема N 12
Минные заграждения в южной части Балтийского моря, поставленные русскими в течение осени 1914 г. и зимы 1914-1915 г.г.

18 октября отряд миноносцев (4 миноносца П. О. Н. и „Новик") поставил заграждение в районе Мемеля, избежав встречи с неприятельским судном, в тот момент находившимся в море.

23 октября—те же миноносцы поставили заграждение западнее первого, выполнив постановку ночью в сильный шторм.

„Новик" обставил ими банку у входа в Пиллау.

6 ноября—заградитель „Амур", под прикрытием отряда крейсеров, поставил заграждение в районе банки Штольпе.

7 ноября—полудивизион миноносцев поставил заграждение к северу от Брюстерорта.

11 ноября „Новик" поставил заграждение у Штольпе-банки, между поставленным ранее „Амуром" и берегом.

13 ноября 1-й дивизион миноносцев поставил заграждение к северу от Мемеля.

Потом некоторая передышка ввиду наступления светлых лунных ночей, затруднявших выполнение постановки скрытно от противника.

1 декабря заградительные операции возобновились. В этот день вышел для постановки отряд, в составе: заградителя „Енисей“, бр. кр. „Рюрик“, „Баян“, „Адмирал Макаров“—все с минами и при них—для несения дозорной службы „Олег“ и „Богатырь“, которыми было поставлено заграждение (две банки к северу от Риксхевта и одна банка к западу от Мемеля). В это время в море был неприятельский отряд крейсеров, но встречи не произошло.

31 декабря 1914 года с минами вышли „Россия“, „Богатырь“, „Олег“—под прикрытием отряда крейсеров в составе: „Рюрик“, „Баян“, „Макаров“, при чем ими были поставлены мины—„Россией“ на меридиане Аркона, т.-е. уже непосредственно на пути сообщения между базами западной части Балтийского моря (Киль) и восточными портами; другими судами—к сев. вост. от о-ва Борнхольма.

Наконец, 11 февраля 1915 года было поставлено заграждение к сев. от Риксхефта (на обратном пути едва не погиб „Рюрик“, коснувшийся мели у Готланда и получивший при этом сильное повреждение).

Заградительные походы составили главное содержание второй половины кампании 1914 года на Балтийском море. Они выполнялись скрытно от противника, пользуясь темными ночами, дурными погодами. Несколько раз наши отряды были в море одновременно с отрядами германских судов, иногда даже в крупных соединениях, но боевой встречи между ними не произошло. Это было к счастью для русского флота, так как операции производились при поддержке лишь крейсеров, но не линейных кораблей, на коих до конца 1914 года лежал запрет от главного командования.

Германское командование не было пассивным. Оно периодически предпринимало операции в Балтийском море, их крейсеры отважно появлялись в районах непосредственно вблизи расположения русского флота, но все их операции имели лишь демонстративное значение, не были систематичны и потому не приводили к цели.

Германцы пытались демонстрациями высадки привлечь внимание русского командования к Виндаве, произвели налет на Ботнический залив, на подходах к Аланду и Финскому заливу поставили мины, но, в общем и целом, это не отразилось на свободе действий русского флота и не сократило его порыва для выполнения основного плана—заграждений германского побережья.

Сопоставляя действия русских крейсеров и германского Балтийского отряда нельзя не видеть, что в то время, как немцы оставались на том же образе действий, русские планомерно и систематически выполняли свой план заминирования неприятельских берегов и в конце кампании, несомненно, вырвали инициативу из рук врага.

В результате многочисленных заградительных операций, русскими был установлен ряд заграждений на важнейших направлениях в южной части Балтийского моря (см. схему 12). Германские суда начали взрываться на минах—в числе погибших был бр. кр. „Фридрих Карл“, несколько миноносцев и пароходов. Были подорваны легкие крейсера „Аугсбург“ и „Газелле“.

„Дальнейшие несчастные случаи на минах—пишет германский историк („Война на Балтийском море“, т. I)—заставили начальника (немецкого Балтийского) отряда отложить всякие наступательные действия“.

Иначе говоря, германский флот должен был отказаться от операций в Балтийском море.

Вот результат кампании 1914 года на Балтийском море! Вот решение проблемы обороны берегов Финского залива в неприятельских водах, о чем так настойчиво Эссен представлял ставке втечение всего времени своего командования!

В перспективе широкого обзора отходят на второе место отдельные боевые действия, выполнявшиеся сторонами. На первое—выступает борьба за достижение цели кампании, борьба планов сторон. Эту борьбу наглядно можно видеть в общем ходе кампании 1914 года: в начале—инициатива принадлежала всецело немцам, в середине кампании русские начинают оспаривать ее, к концу же, по осуществлении плана заграждений, они принудили противника к отказу от инициативы наступления.

Это был несомненный успех Балтийского флота.

Втечение кампании 1914 года на Балтийском море мы имеем случай наблюдать борьбу тенденций активной и пассивной обороны, сначала не слишком заостренную, а потом принимавшую все более и более острые формы, до конфликтов включительно.

Ставка и командование VI армией, которому флот был подчинен с первого дня кампании, пребывали под опасением германского наступления на Финский залив и систематически гасили активные попытки Балтийского флота. Эссен же, пользуясь своим авторитетом и беря на себя величайшую ответственность, стал в оппозицию такому ходу оперативной мысли, настойчиво насаждая противоположные устремления в операции флота. Он противупоставил себя общему стратегическому руководству и с поразительной энергией искал случая перейти к активным операциям, вывести оборону из узких рамок, которые были поставлены планом кампании и директивами флоту.

1914 год является, в этом отношении, годом борьбы не только на фронте с противником, но борьбы внутренней, на почве расхождения у нас основных взглядов на способы использования Балтийского флота.

В 1915 году Эссен умер. Вместе с ним отошел тот беспокойный дух, который жаждал возможности бороться с инициативой врага, который не довольствовался пассивным положением флота. Эссен умер как раз тогда, когда силы Балтийского флота получили значительное подкрепление в виде ряда вновь выстроенных судов, и для него открывались более широкие оперативные возможности. Но вождя, способного заменить Эссена, не было. Активная идея погасла вместе с ним, хотя его преемники и пытались подражать ему.

Вот почему кампания 1914 года представляет собой отдельный период в истории Балтийского флота, когда последний, будучи исключительно слаб, каким он не был потом, имел наиболее крупный стратегический успех.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общий очерк боевых действий Балтийского флота в 1915—17 г.г.

А. Кампания 1915 г.

Начало кампании 1915 г.

Начало 1915 г. совпадает с планами русского верховного командования о переходе в генеральное наступление в Галиции и В. Пруссии.

Сообразно этому, ответственное значение должны были получить действия фланговых групп армии, при наступлении их в прибрежном Балтийском районе.

От флота требовалась поддержка и обеспечение со стороны моря.

Однако, возможности русского флота, в этом отношении, были весьма ограниченны, так как фланг русского фронта выходил в южной части моря, где господствовали морские силы противника и вдали от русских баз.

Соображения адмирала Эссена о действиях флота в связи с намечавшимся наступлением армии исходили из предпосылки, что главной его задачей остается оборона Финского залива и столицы со стороны моря, что, поэтому, операции по обеспечению фланга армии являются второстепенными, развитие которых не должно итти в ущерб вышеупомянутой главной задаче.

Вследствие ограниченности материальных средств и безусловного превосходства в них на стороне противника, операции наших морских сил в указанном районе могли быть только периодическими, разделенными более или менее продолжительными промежутками времени, избегая решительного столкновения с неприятельским флотом.

Таковыми могли быть:

а) заградительные операции по минированию южного района Балтийского моря и подходов к Мемелю, Данцигу и Пиллау,

б) операции по заграждению входов в германские порты,

в) постоянные дежурства подводных лодок у неприятельских берегов.

В отношении этих типов операций, Эссен считал, что минирование неприятельских вод, будучи привычным для флота, являлось ему вполне посильным; что дежурство подводных лодок в качестве постоянной меры неосуществимо, так как для этой задачи пригодны лишь две английских лодки; что же касается операций по затоплению входов на рейды, то они сулили не много шансов на успех, и поставленные препятствия легко могли быть убраны противником.

Таким образом, содействие флота наступлению армии в данной обстановке могло выразиться в операциях, лишь косвенным путем облегчающих ее задачу.

В связи с предполагавшейся атакой Мемеля была разработана в штабе особая операция, предусматривавшая одновременное занятие флотом Куришгафа и содействие отсюда прибрежным частям нашей наступающей армии.

Эти предположения находились еще в периоде разработки, когда, по инициативе местного командования, было предпринято неорганизованное наступление на Мемель по сухому пути, в котором приняли участие второочередные части и морской отряд из Либавы. Мемель был захвачен, но через несколько дней наши деморализовавшиеся части были изгнаны оттуда подоспевшим германским подкреплением.

Флот был скован льдами Финского залива и не мог принять участия в этой операции. Лишь с освобождением моря ото льда он мог начать систематическую деятельность.

Между тем, весенние операции на сухопутном фронте, после ряда понесенных неудач, совершенно изменили положение, и русское верховное командование было принуждено отказаться от задуманного наступления. Наоборот, обстановка для предстоящего лета складывалась весьма грозной, ввиду обнаруженного немцами стремления к решительным операциям именно на русском фронте.

На море весна 1915 г. началась рядом операций германского флота, имевших тот же смысл, что и в прошлом году— удержать от выступления в открытой части Балтики русский флот, приковать его внимание к Финскому заливу. Бомбардирование Либавы в ответ на Мемельскую операцию, появление германских подводных лодок в районе Аланда, крейсеров—у входа в Финский залив, набег германских миноносцев на Рижский залив, бомбардировка Цереля и пр.—все эти действия не преследовали, повидимому, целей больших, нежели демонстрации.

Однако, вскоре обозначившееся наступление немцев в Курляндии, потеря нами Либавы и угрозы Виндаве, в связи с отходом нашей армии к Риге, заставляли предположить,

что операции германского флота должны будут принять решительный характер. Ясен был и объект этих операций— Рижский залив, получавший теперь исключительное значение, как фланговый район нашего сухопутного фронта. Вход в Рижский залив был фактически беззащитен, не имея никакого берегового и позиционного оборудования. От русского морского командования требовалось принять экстренные меры для его защиты, из коих первой была постановка миноносцами минной дивизии минного заграждения в Ирбене.

Этот момент изменения стратегической обстановки на Балтийском море совпал со скоропостижной смертью адмирала Эссена (7 мая 1915 г.).

Планы нового командования Балтийским флотом.

Новое командование, в лице адмирала Канина, вступившего в должность командующего флотом после смерти Эссена, начало свою деятельность представлением ставке, через главнокомандующего VI армией, о необходимости использования для операций в открытом море дредноутов, в частности линейного корабля „Севастополь“, хотя бы в единственном числе. „Это необходимо“—доносил Канин,—„для поддержания духа в личном составе, которому в огромной массе могут быть непонятны те мотивы, которые обрекают наши лучшие и сильнейшие корабли на оперативное бездействие“...

Приведенные соображения подтверждались указанием, что в связи со вступлением в строй 1-й бригады дредноутов немцы перевели в Балтийское море одну дивизию новых линейных кораблей типа „Кайзер“, вследствие чего и наши операции в море требовали более мощной поддержки.

Но ставка продолжала оставаться на прежней точке зрения о недопустимости риска новыми линейными кораблями, неизменно подтверждая старую директиву—„всеми способами и средствами препятствовать производству высадки в Финском заливе“.

Директива ставки 18 июня 1915 г. гласила: „не допускать проникновения противника к востоку от главной морской (Ревель—Поркаллаудской) позиции“... причем указывалось, что а) корабли 1-й бригады не могут быть использованы для активных целей вне главной морской позиции без особого на то разрешения государя, которое надлежит спрашивать в каждом отдельном случае через главкома VI армии; б) корабли 2-й бригады линейных кораблей могут быть использованы в качестве стратегического резерва для придания устойчивости при крейсерских или минных операциях в Балтийском море, причем как в расчете самих этих операций, так и при их выполнении, должны быть приняты все меры к тому, чтобы не подвергать эти корабли риску боевой встречи со значительно превосходными силами противника;

в) прочие суда Балтийского флота могут быть использованы по усмотрению командующего флотом...“

Таким образом, последний, попрежнему, принужден был решать задачу борьбы на море, теперь особенно обострившуюся ввиду наступления немцев в Курляндии, при помощи второстепенных частей флота, не вводя в действие главных его сил.

Первый период деятельности командования адмирала Канина не ознаменован сколько нибудь крупными операциями флота. С 7 мая и по 17 июня 1915 г. имели место лишь частные стычки у Виндавы и Ирбена, усиление минных заграждений в районе у входа в Рижский залив и крейсерство подводных лодок.

Операции крейсеров 1-й бригады 17—19 июня.

Попыткой русского командования перейти к активному образу действий является проект операции набега на Мемель, задача которой была формулирована так: „пользуясь сосредоточением в Киле германского флота перед императорским смотром, совершить внезапное нападение на Мемель, и путем энергичной бомбардировки повлиять на общественное мнение Германии, которое будет на это особенно чутко реагировать, ввиду совпадения указанного выше смотра с активным выступлением нашего флота, считаемого противником совершенно пассивным“.

Задача, преследуемая командованием, следовательно, не являлась продиктованной соображениями, вытекавшими из плана операций флота, и, повидимому, была следствием отсутствия более определенного объекта для проявления активной деятельности, необходимой для поддержания духа на флоте.

В том виде, как она была задумана, эта операция не состоялась, ибо шедший для бомбардировки Мемеля отряд, в составе крейсеров—„Баяна“, „Адм. Макарова“, „Олега“ и „Богатыря“, имея при себе миноносец „Новик“ и поддержку „Рюрика“, встретил 19 июня в густом тумане у о-ва Готланд отряд германских судов, с которыми имел успешный бой. Германские силы состояли из крейсера „Аугсбург“, заградителя „Альбатрос“ и миноносцев—в одной группе, и крейсеров „Роон“, „Бремен“ в другой. В результате боя заградитель „Альбатрос“, сильно поврежденный, принужден был выброситься на Готланд, а в отдельном бою „Рюрика“ с „Рооном“ последний избежал уничтожения лишь ввиду встреченной „Рюриком“ подводной лодки, от которой он должен был уклониться, упустив уже подбитого противника.

Этот частный успех русских крейсеров имел несомненно крупное моральное значение, по существу же—не изменил положения дел на театре, обязав лишь немцев к большей

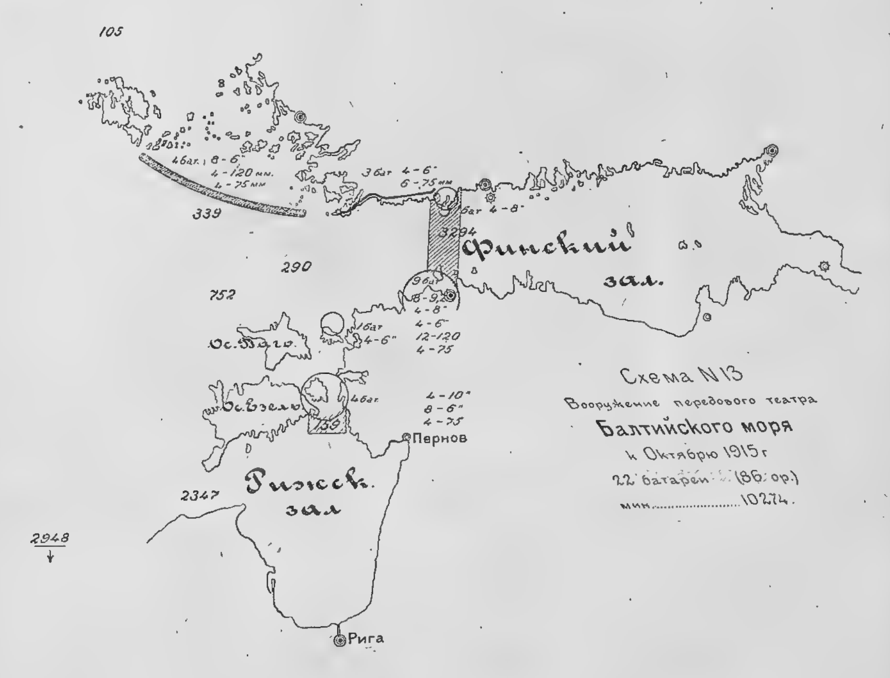
осторожности при посылке слабых отрядов в северную часть Балтики.

Боевые действия в Рижском заливе (см. сх. № 13).

Между тем, германское наступление в Курляндии продолжало развиваться. В середине июля русские должны были очистить Виндаву, а фронт армии откатился к Риге.

С этих пор оборона Рижского залива занимает центральное место среди боевых операций на Балтийском море.

Но еще ранее, как только возникли опасения отступления армии, было принято решение об усилении обороны

Рижского залива. Для этой цели, сюда была переведена минная дивизия и отряд канонерских лодок; в Церельском проливе было поставлено заграждение, пока еще слабое. Что касается береговой обороны, то таковая была сосредоточена главным образом для защиты южного входа в Моонзунд и прикрытия маневренной базы русских морских сил в Куйвасто. Церельский же пролив не был охраняем береговыми батареями.

Этих средств было совершенно недостаточно для обороны залива. Вследствие чего 18 июля сюда был введен линейный корабль „Слава“, который придал обороне некоторую устойчивость, хотя бы от второстепенных судов противника.

В основу обороны была положена идея защиты минной позиции в Ирбенском проливе наличными силами. „Слава“, канонерские лодки и миноносцы должны были препятствовать тралению неприятелем минных заграждений и вступить с ним в бой при попытке форсирования Ирбена.

Другой задачей морских сил Рижского залива являлось непосредственное содействие флангу армии в прибрежном районе. Для этой цели миноносцы, канонерские лодки, а в нужный момент и „Слава“, неоднократно обстреливали германские позиции, согласуя свою работу с действиями флангового отряда сухопутных войск. Участок побережья от устья З. Двины и до Шлока, покрываемый огнем судов, благодаря их поддержке, оставался прочно занятым нами втечение всего времени до 1917 г., т.-е. до падения Риги.

27 июля, вскоре после падения Виндавы, сильный германский отряд, в составе 7 линейных кораблей (дредноутского типа), 4 броненосцев береговой обороны, 2 броненосных крейсеров и нескольких легких крейсеров, при значительном количестве миноносцев и тральщиков, подошел ко входу в Рижский залив с намерением его форсировать. Однако, при этом немцы не проявили особой настойчивости. Русские морские силы, со „Славой“ во главе, с успехом препятствовали тралению, и после небольших потерь немцы ушли.

3 августа германский флот в больших силах (в его составе были и дредноуты) появился в северной части Балтийского моря. В то же время отряд их, в составе нескольких линейных кораблей, крейсеров и многочисленных миноносцев, вновь приступил к подготовке прорыва в Рижский залив, прикрывая огнем работу сопровождавших его тральщиков.

Наши силы своевременно сосредоточились к Ирбену. Туманная и тихая погода благоприятствовала неприятельским тральщикам, часто закрывавшимся туманом, вследствие чего стрельба наших судов в это время успешной быть не могла. Но в этот день противник, имея подорванными на минах один крейсер и несколько миноносцев, не был допущен в Рижский залив.

В ночь на 4 августа немцы выслали по протраленному проходу два новых миноносца для атаки „Славы“. Ночью они имели несколько безрезультатных встреч с нашими миноносцами, от которых легко уходили, благодаря большому ходу. Но утром их нагнал „Новик“, от которого они уйти не могли. В происшедшем, умело проведенном „Новиком“, бою один германский миноносец был утоплен, другой, сильно поврежденный, ушел и, повидимому, выбросился на берег.

Втечение 4 августа противник неоднократно приступал к тралению Ирбенского заграждения, встречая противодействие со стороны „Славы“ и миноносцев. Однако, сильно сгущавшаяся после полудня мгла совершенно закрывала

неприятеля от наших судов, позволив его тральщикам безопасно тралить.

Считая, что прорыв противника неминуем, и что противустоять на открытой воде его превосходным силам будет невозможно, наши суда, оставив позицию, отошли к Моонзунду для защиты последнего.

Таким образом, немцам удалось прорваться.

В ночь на 5 августа в заливе находились канонерские лодки „Сивуч“ и „Кореец“, вызванные из Риги, где они содействовали войскам, в Моонзунд на соединение с прочими морскими силами. При переходе они были настигнуты германским крейсером, и в происшедшем бою „Сивуч“ был утоплен, „Кореец“ же скрылся в темноте и избежал той же участи. Однако утром, считая себя отрезанным от Моонзунда, командир „Корейца“ сам затопил свой корабль.

6 августа, в течении дня, неприятельские суда крейсеровали в Рижском заливе, обстреляли Аренсбург, подходили ко входу в Моонзунд, обстреливали наши дозорные корабли. 7 августа германский отряд появился в Перновской бухте, введя туда три парохода и заградив ими вход на рейд.

8 августа германские морские силы ушли из Рижского залива, не выполнив дальнейших операций, которые оправдали бы предпринятый и удачно осуществленный ими прорыв.

Отход немцев явился полной неожиданностью для русского командования, имевшего все данные предполагать, что вслед за прорывом противник прочно обоснуется в заливе и будет стремиться сохранить за собой обладание им, чтобы начать решительные операции для поддержки операций германской армии против Моонзунда. Очевидно, германское морское командование недостаточно подготовило и обдумало эту операцию: ворвавшись в залив, их флот оказался без базы и потому—неспособен к длительным действиям. Понеся потери на минах, имея сзади неочищенное минное поле и действующие в море русские подводные лодки, а в заливе и Моонзунде русские миноносцы, немцы не сумели обеспечить возможность продолжения операции и были принуждены ее ликвидировать. Потери их, в общем, были значительны, тем более, что лин. кр. „Мольтке“ в это время был подорван в море английской подводной лодкой (Е—9).

Таким образом, первая крупная попытка германского выступления в Рижском заливе, в конечном счете, результатов не имела, и положение русскими скоро было восстановлено.

С другой стороны, эта же операция показала, насколько слаба защита Рижского залива, оказавшаяся не в состоянии препятствовать противнику из-за туманной погоды, которая затруднила ведение артиллерийского огня и фактически свела к нулю защиту Ирбенской позиции.

Новая попытка командования Балтийским флотом добиться разрешения на пользование дредноутами для операций в открытом море.

Между тем, еще до описанной операции командование Балтийским флотом опять возбудило вопрос о разрешении пользоваться новыми линейными кораблями для операций в открытом море.

Этот вопрос вновь встретил возражения в ставке. Об отношении последней к нему мы можем судить из интересного письма начальника военно-морского управления при ставке верховного главнокомандующего на имя начальника штаба Балтийского флота, которому он писал: [1]

„...Вероятно, флот в претензии на меня, что я не мог исхлопотать предоставление в распоряжение командующего флотом дредноутов. Лично я вполне уверен, что командующий не подвергнет их напрасному риску, но базироваться на такой уверенности здесь не желают и с меня потребовали определенные ответы на следующие вопросы:

1) Есть ли риск для 1-й бригады в случае активных действий подвергнуться, если не уничтожению, то значительному ослаблению ее боеспособности?

2) В случае вывода из строя временно 1-й бригады, могут ли оставшиеся три корабля („Слава“ не считается) обеспечить в полной мере восточную часть залива?

3) Может ли 1-я бригада, в случае успеха, обеспечить Рижский залив от проникновения туда неприятеля?

„На эти вопросы я, по чистой совести, ответил: на первый—риск есть, на второй—не может, на третий—обеспечить не может, может т о л ь к о з а д е р ж а т ь“. „Тогда решение оставить дредноуты в резерве было оставлено в силе“.

„Тем не менее, основываясь на телеграмме командующего флотом, где он считает два дредноута и два „Андрея“ достаточной силой для обороны Финского залива, мне удалось отдать в полное распоряжение командующего флотом один дредноут (считается, что один может выйти из строя по разным причинам).

„Лично думаю, что это может обеспечить командующего флотом при крейсерских операциях, когда инициатива будет с нашей стороны или когда внимание противника будет ослаблено или отвлечено...

„...Наконец, не могу не упомянуть еще об одной возможности. Возможно, что неприятель совершит крупную неосторожность и подставит под удар часть своих сил. Если обстановка будет совершенно точно известна командующему флотом и не будет никаких сомнений в возможности устроенной неприятелем ловушки, то командующий флотом должен помнить, что победителя не судят, и за нарушение повеле-

---

[1] Дело морискома № 12802.

ния верховного главнокомандующего при полной удаче он получит только награду...“ [1]

В то же время Николай II писал морскому министру: „относясь с полным сочувствием и одобрением к стремлениям Балтийского флота выйти к активным операциям, я вынужден, однако, ограничить права командующего флотом в пользовании главными силами, чтобы риском потери их не скомпрометировать главной задачи флота — обороны морских подступов к столице.

„Риск этот значительно уменьшится, когда наши дредноуты получат разведчиков в лице миноносцев типа „Новик“. Скорейшее вступление в строй хотя бы четырех таких миноносцев является вопросом насущной важности...“

Однако, в связи с грозной обстановкой, складывавшейся на Балтийском море вследствие германских операций в Рижском заливе, в конце концов было разрешено использовать для операций в море два дредноута, не спрашивая на то каждый раз разрешения, о чем Канин был извещен Рузским 1 августа. [2]

Осенние операции русского флота.

После ухода немцев из Рижского залива как агентурные сведения, так и анализ обстановки указывали на вероятность возобновления с их стороны в ближайшем будущем операций в том же направлении. Поэтому первой заботой командования явилось усиление обороны Рижского залива, что вылилось в операцию заграждения подходов к Ирбену со стороны моря, выполненную под прикрытием двух дредноутов.

В дальнейшем, наступление темных осенних ночей открывало возможность под покровом темноты продолжать план больших заграждений в открытом море и у неприятельских берегов, прерванный с зимы 1914—1915 г. Такие заградительные операции были предприняты два раза в средней Балтике, и оба раза с участием дредноутов.

[1] Это письмо чрезвычайно характерно отражает взгляды военно-морского управления, являвшегося докладчиком по морским вопросам в ставке, и взгляды сухопутного штаба ее. Здесь видно, что от флота требовалось гарантировать успех, и оговорки, которыми пестрит заключение этого письма, весьма напоминают приказания наместника Алексеева Витгефту. Тот так же каждое свое приказание оговаривал полной уверенностью в благоприятной обстановке, исключая элемент риска. Здесь эти же соображения царят. Снятие с себя ответственности в ответах на категорически поставленные вопросы, а с другой стороны лицемерная игра на честолюбие командующего, с советом (конечно, при отсутствии какого бы то ни было риска) ослушаться приказания верховного главнокомандующего—является поразительным образчиком безответственных влияний столь крупных работников штаба, каковым был начальник военно-морского управления ставки, адмирал Ненюков, автор этого письма.

[2] С учреждения Северного сухопутного фронта флот перешел в подчинение к главнокомандующему последним.

Вступление в строй новых подводных лодок дало возможность заградительные операции сочетать с одновременным их использованием в море.

Кроме того, разрабатывались планы по закупорке Виндавы, но они остались не осуществленными.

Что касается германского флота, то из осенних его операций следует отметить энергичную деятельность подводных лодок в Финском заливе, заграждение ими северного выхода из Моонзунда (тотчас русскими вытраленного); кроме того, германские суда неоднократно появлялись в виду русских наблюдательных постов, но серьезных операций до конца года ими предпринято не было.

Итоги кампании 1915 года. Подводя итог кампании 1915 года на Балтийском море, видим, что теперь обстановка переменилась, и для Балтийского флота намечались другие перспективы.

Отсутствие со стороны германского флота сколько-нибудь значительных операций в направлении Финского залива, общее положение на сухопутном фронте, почти исключавшее возможность выделения немцами крупных сил для выполнения десантной экспедиции в глубину этого залива,—казалось бы, должны были вызвать постановку новых стратегических целей Балтийскому флоту, поступившись идеей обороны главной позиции, которой в тот момент никто не угрожал. Угроза Рижскому заливу была вполне реальна, и от флота требовалось приложить все усилия, чтобы обеспечить фланг нашей армии.

Это вызывало необходимость пересмотра директив Балтийскому флоту.

Однако, сущность последних оставалась все той же. Попрежнему, главной задачей флота считалась оборона Ревель-Поркаллаудского рубежа, и до осени командующий флотом был лишен права пользоваться главными силами—новыми линейными кораблями. Частичное разрешение было дано, но уже после того, как был пропущен летний период, и неприятель взял инициативу в свои руки.

Между тем, помимо операции по обороне берегов, существовало еще направление, удар по которому был бы весьма чувствительным для противника: это морские сообщения Германии со Швецией. В этом отношении определенных директив ставкой не было дано. Операции против морской торговли противника выполнялись попутно с другими задачами. Единичные же походы, предпринимавшиеся специально с этой целью, крупных результатов не давали, так как велись не в плановом порядке, а спорадически.

Потери немцев превосходили потери русского флота. В то время, как мы не потеряли ни одного крейсера или линейного корабля и наши потери ограничивались гибелью

2 канонерок, 2 миноносцев, заградителя „Енисей“ и 2 подводных лодок, противник потерял—1 броненосный крейсер, 1 легкий крейсер, не менее 8 миноносцев, 1 заградитель и значительный тоннаж торгового флота; ряд его судов был поврежден: линейный крейсер „Мольтке“, 1 линейный корабль, 2 легких крейсера и по крайней мере 5 миноносцев.

Но эти потери незначительно сказывались на соотношении боевых средств сторон, установившемся с прошлого года. Немцы попрежнему располагали возможностью сосредоточить против русского флота безусловно превосходные силы.

Не потери, а отсутствие со стороны германского морского командования определенных целей, отсутствие настойчивости в выполнении начатых операций (прорыв в Рижский залив) определили, в конечном счете, приобретение русскими все большей и большей стратегической устойчивости. Время работало на них, ибо с каждым месяцем положение русского флота и обороны становилось более прочным, так как русское командование непрерывно усиливало береговую оборону побережья.

Если мы вправе остаться неудовлетворенными активным порывом со стороны русского флота, который в кампании 1915 года лишь парировал удары противника и не предпринял ни одной крупной операции наступательного характера, то в отношении оборудования театра русское командование проявило энергию.

Состояние береговой обороны Балтийского моря к концу 1915 года рисуется в следующем виде (батареи): см. схему № 13.

1) Район главной позиции (Ревель—Поркаллауд):

В Ревеле:

На Суропе	4—9,2″ [1]
Какомяги	4—120 *мм*
Нарген	4—6″
„	4—9,2″ [1]
„	4—8″
„	4—120 *мм*
Карлос	4—75 *мм* [1]
Вимс	4—120 *мм*
Вульф	4—75 *мм*

В Поркаллауде:

Макилото	4—8″

В Свеаборге

был значительно усилен приморский фронт крепости установкой новых 10″ батарей дальнего боя.

2) Район Фланговой Шхерной позиции:

Хесте—Бюссе	4—6″
Руссаре	6—75 *мм* [1]

[1] Батареи, сооруженные в 1915 году.

3) Район Моонзунда:

Моон	4—6″
„	4—10″ [1]
Вердер	4—6″
Даго	4—75 *мм*

4) Або-Аландский район:

Эре	4—120 *мм* [1]
Уте	4—75 *мм* [1]
„	4—6″ [1]
Скаттауд	4—6″ [1]

Б. Кампания 1916 года.

Расширение прав командующего флотом. Новые директивы флоту.

В начале 1916 года произошло событие, которое должно было оказать крупное влияние на ход дальнейших действий на Балтийском море: был образован морской штаб при верховном главнокомандующем и установлено подчинение флота, помимо северного фронта, непосредственно верховному командованию. Таким образом флот не был более прикован к местным интересам берегового командования и перед ним раскрывались широкие перспективы по ведению самостоятельных боевых операций на море.

Затем было разрешено пользование всеми кораблями Балтийского флота, не спрашивая на то каждый раз разрешения ставки.

Это расширение оперативных прав командующего флотом, в связи со вступлением в строй новых миноносцев и подводных лодок, казалось, должно было определить новый этап в отношении задач и боевого использования флота.

Однако, несмотря на вышеуказанные организационные реформы, задачи Балтийскому флоту были оставлены прежними.

Директива Балтийскому флоту на 1916 год гласила:

„Не допускать проникновения противника к востоку от главной морской Нарген-Поркаллаудской позиции в Финском заливе.

В развитие этой главной задачи, в целях удержания подступов с моря к главной морской позиции, выполнить следующие частные задачи:

1) Прочно удерживать Або-Аландскую шхерную позицию, препятствуя вместе с тем проникновению противника в Ботнический залив и к юго-западному побережью Финляндии.

2) Прочно удерживать Моонзундскую позицию и острова Моонзунда.

---

[1] Батареи, сооруженные в 1915 году.

3) При первой возможности восстановить ранее занимаемое флотом положение в Рижском заливе, дабы, по восстановлении такового, всеми силами, сосредоточенными в Рижском заливе, оказать упорное сопротивление проникновению в пролив противника, а в случае прохода его туда—всеми мерами затруднить его операции в Рижском заливе.

Выполнять возможные активные операции, не идущие в ущерб главной задаче, поставленной флоту, и наносить возможный вред противнику.

4) Действиями в море и у берегов оказывать возможное содействие операциям нашей армии".

Как видно, директива флоту по существу осталась той же, что и раньше, новых целей не ставилось, а активные операции, без указания их цели и направления, были оговорены неприкосновенностью главной задачи и формулированы в столь общих выражениях, как „нанесение возможного вреда противнику".

Наступательные намерения командующего флотом сводились к следующим предположениям на 1916 год: „затруднив противнику, поскольку то возможно, постановкой минных заграждений и действиями подводных лодок, как выход неприятельских морских сил из собственных его портов и баз, так и выполнение намеченных операций, стремиться к уничтожению открытой силой всякой более слабой части неприятельского флота и всех коммерческих его судов, каждый раз по выходе их в море... Заставить неприятеля усилить деятельность свою в море и тем самым поставить его под удар, при всех передвижениях его к ost'у от Гиедзерского маяка, как наших подлодок и мин заграждения, так и боевых наших отрядов, придвинутых к выходам в открытое море и ожидающих только приказания для атаки неприятеля".

Из цитированного документа видно, что это были общие предположения, также не содержащие в себе вполне определенного объекта действий.

Те же идеи о заградительных операциях в море теперь получали совершенно другую ценность, сравнительно с 1914 г. Во-первых, самое наступление немцев в Финский залив в данный момент было менее вероятно, чем когда-либо; во-вторых, действительность минных заграждений уже была значительно понижена, благодаря усилению состава тральных отрядов, как с русской, так, в особенности, с германской стороны, и улучшению самой организации траления. Рассчитывать минными заграждениями в море, у берегов неприятеля, остановить противника теперь уже не представлялось возможным.

Операции подводных лодок также встречали препятствия, не ощущавшиеся в прошлые годы. Подводная лодка перестала быть новым оружием, были выработаны средства борьбы

с ней. В частности, широкое и все увеличивающееся распространение и совершенствование средств авиации значительно осложняло операции подводных лодок.

Количество русских лодок было увеличено. Одна за другой вступали в строй с заводов новые лодки типа „Барс", и к кампании 1916 года у нас были в строю 6 новых русских лодок и 5 английских. Это уже давало возможность вести систематические операции подводных лодок в открытом море. Но полученная возможность в значительной мере гасилась затрудненными условиями их использования.

Что касается последних предположений командования об атаке противника „по частям", то этой надежде также не суждено было осуществиться, ввиду того, что немцы избегали такого удобного случая для русского флота, а командование последним не было склонно искать его; тем более, что базирование флота, не говоря уже про Ревель и Гельсингфорс, но и в более выдвинутых районах Або—Аланда и устья Финского залива, затрудняло быстрый выход флота в район, где встреча с противником особенно вероятна — в южной и средней части Балтики.

Состояние обороны Балтийского моря в 1916 году.

Если активные предположения командующего флотом Балтийского моря не отличались ясностью, а в самой постановке задач мы не наблюдаем подлинного устремления к их разрешению, то меры оборонительного характера командованием были предусмотрены в широких пределах.

Наметившееся в предыдущие годы расширение оперативной зоны на Моонзунд и Або—Аланд теперь подлежало закреплению и сведению в один цельный план обороны побережья.

Первой и наиболее крупной мерой в этом отношении явилось устройство, так наз., передовой минной позиции на участке Эре—Даго, образуемой поставленным в этом районе большим минным заграждением с защищенными флангами (см. сх. 14).

Задачей передовой позиции являлось: служить передовым рубежом для боя с противником при его намерении прорваться в Финский залив, прикрыть сообщение Або—Аланда и Моонзунда как между собой, так и с главной базой флота в Финском заливе, служить опорой обороны флангов обоих вышеуказанных районов.

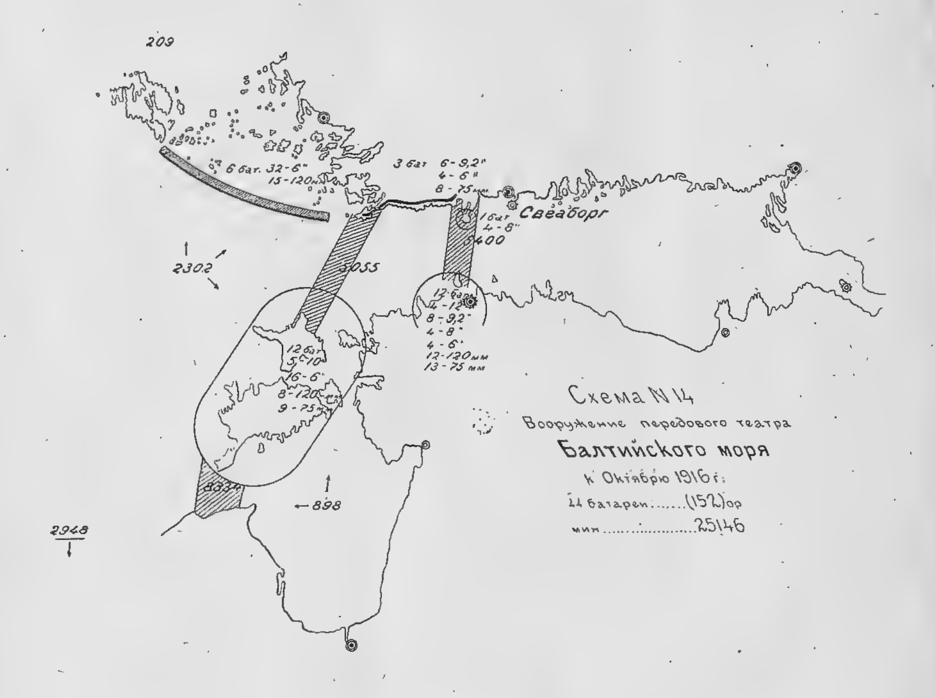
Передовая позиция смыкала линию обороны в один фронт.

Фланги ее должны были быть защищенными 12-дм. батареями на Эре и у м. Такхона. Минное поле было поставлено весной 1916 года в количестве 4.000 мин.

Крупные мероприятия были начаты и для обороны Моонзунда. Уже весной начались работы по углублению Нуке-

Вормского фарватера до 25 фут., чтобы была возможность провести большие корабли для обороны Рижского залива. В Моонзунде зимовал лин. кор. „Слава“, проведенный через Ирбенский пролив кружным путем. Но после новых заграждений Ирбена вывод его и ввод других больших судов уже был невозможен. С прорытием этого канала оборона Рижского залива получала новую устойчивость.

На Цереле для защиты минной позиции была проектирована постановка 12-дм. батарей и ряда других батарей на остро-

вах Моонзунда. В Рогокюле сооружалась маневренная база для морских сил Рижского залива.

(Общее состояние обороны Балтийского театра в 1916 году показано на схеме № 14).

Очерк боевых действий на Балтийском море в кампанию 1916 года.

Как уже было упомянуто выше, кампания 1916 года на Балтийском море началась продолжительным периодом затишья в военных действиях. Немцы не проявили широкой активности. Они ограничивались воздушными налетами, высылкой подводных лодок к русским берегам и изредка крейсерством отдельных отрядов в море. Крупных операций как весной, так и до конца кампании этого года ими не предпринималось.

Что касается русской стороны, то предположения об активных операциях, о которых упоминал план на 1916 год, остались в значительной своей части не осуществленными.

Заграждений неприятельских берегов не производилось. Вся энергия ушла на усиление минных полей Передовой, Ирбенской и Главной позиций и в районе средней Балтики. Сюда были израсходованы наличные запасы мин заграждения.

Операции русских подводных лодок проходили систематически и по определенному плану. Почти втечение всей кампании они посменно крейсеровали в районе Либавы и у германского побережья, утопив несколько боевых вспомогательных судов противника и ряд коммерческих пароходов. Крупного же результата ими достигнуто не было.

В равной мере не достигли цели операции, предпринятые крейсерами и миноносцами для нападения на торговые пути между Германией и Швецией. Таковые операции были организованы в порядке отдельных набегов и привели лишь к потоплению нескольких пароходов.

Говоря про кампанию 1915 года, мы указали, что важнейшее для хода военных действий направление—на морские сообщения Германии в Балтике не вызывало к себе достаточного внимания со стороны русского командования. В кампанию 1916 года мы наблюдаем ту же картину, то же отсутствие настойчивости и планомерности, как и ранее. В этом винить приходится не только командование флотом. Пути, которыми пользовались шведские и германские торговые суда, проходили преимущественно в территориальных водах, и только иногда, в силу навигационных причин, на их пределе. Опасение нарушить нейтралитет Швеции, боязнь ее вмешательства в войну на почве конфликта, могущего произойти в этом случае, обязали ставку весьма ограничить свободу действий русских крейсеров и подводных лодок.

Таким образом, с одной стороны, в силу навигационных условий, а с другой—в силу ограничивающих директив ставки и недостаточной энергии, проявленной командующим русским флотом, борьба с торговлей Германии велась не интенсивно. [1]

Лишь в Рижском заливе имели место оживленные боевые действия, но они не выходили из пределов обычных боевых столкновений.

---

[1] О торговле в Балтийском море Швеции и Германии могут свидетельствовать следующие цифры по данным „комитета об ограничении снабжения и торговли неприятеля":

Прошло грузов по линии жел. дороги Засниц—Тралеборг в 1914 г.—130.000 тонн и в 1915 г.—297.000 тонн, по линии Мальме — Копенгаген в 1914 г.—242.000 тонн, в 1915 г.—434.000 тонн.

Около 200 пароходов совершали рейсы между восточными берегами Швеции и Германии в промежуток конца 1915 и начала 1916 года. С 15 марта 1915 года до 10 марта 1916 года в Германию было ввезено из Швеции свыше 800.000 тонн руды, 900.000 тонн железа и пр.

Ввиду углубления Моонзундского фарватера, русские уже в июле имели возможность провести в залив крейсер „Диану", затем в августе—лин. кор. „Цесаревич" и кр. „Баян".

Таким образом, состав морских сил был решительно усилен. Русские суда оказывали могучую поддержку флангу армии, обстреливая приморские позиции в прибрежном районе.

В Ирбенском проливе шла борьба за целость минных полей. Германцы владели Курляндским побережьем и под прикрытием возведенных ими укреплений пытались протралить фарватер через заграждение. Русские заградительные суда и миноносцы упорно восстанавливали вытраленное.

Наша и германская гидроавиация соперничали в сбрасывании бомб на районы расположения береговых сооружений и судов противника.

Что же касается главных сил русского флота, то таковые пребывали в состоянии томительного бездействия, будучи все время в Финском заливе и не находя себе боевого применения.

Намерение командующего пользоваться всяким случаем благоприятной обстановки, чтобы бить противника по частям, требовавшее напряженных поисков последнего в море, осталось не выполненным. На флоте развивался дух апатии, складывалось недовольство командованием.

Лишь в июле Балтийскому флоту даны были задания, потребовавшие от командования усиленных приготовлений и дававшие, казалось, возможность широкого боевого использования его сил.

Проект десантной экспедиции на Курляндское побережье.

Ввиду событий на Северном море, в связи с Ютландским боем (31 мая—1 июня 1916 г.), который приковывал все внимание германского командования на этот театр, втечение ближайшего времени не было оснований ожидать крупных операций немцев в направлении Рижского залива. Ставка решила воспользоваться этим и произвести сильный нажим на Рижском участке фронта, рассчитывая, что германский флот не будет в состоянии оказать помощь своей армии.

Согласно этому, начальник штаба ставки, Алексеев, предписал командующему Северным фронтом подготовиться к наступлению, с целью заставить немцев отойти от Двины, а, может быть, при дальнейшем успехе очистить всю Курляндию.

В директиве главкосеву, между прочим, было сказано: „полезно принять меры к тому, чтобы заставить противника еще более растянуть свои силы. Для сего доступны способы демонстративные, в виде подготовки десанта на Домеснес и на Рижское побережье, или, по соглашению с адмиралом Каниным, производство десанта морскими полками о-ва Эзель...

Ныне немцы почти не имеют войск на побережьи. Угроза захвата и утверждение наше на берегу заставит их выделить часть сил, вероятно, из состава войск, вам противостоящих, и тем облегчит выполнение поставленной задачи...“

Таким образом вначале было предположено произвести лишь демонстрацию десанта, силами 6—8 батальонов морской бригады, находившейся на о-ве Эзель.

Однако, командование Балтийским флотом, считаая не трудным высадку и больших соединений войск, предложило выполнить десант крупного масштаба, состав которого оно намечало в 24 батальона, 13 эск. и 54 ор., поставив целью не только демонстрацию, но согласованное с фланговой 12-й армией наступление в глубину Курляндии.

Командовавший этой последней, ген. Куропаткин, не был согласен с данным проектом. В ряде донесений он указывал на невозможность наступлением поддержать движение десанта.

Изверившись в успехе лобового удара 12-й армии, ген. Алексеев решил перенести центр тяжести на десант, соглашаясь усилить его дивизией, а в крайности бригадой хороших полевых войск.

Однако Канин, узнав об этой новой задаче десанта, поднял вопрос о назначении всего XIX арм. корпуса для переброски в Курляндию, чтобы решительным и внезапным ударом занять ее, отбросив фланг германской армии далеко на запад. На это Алексеев ответил молчанием.

Между тем, приготовление к десанту шло полным ходом; операцию предполагалось выполнить в срочном порядке, учитывая возможное в этом случае сосредоточение германского флота к Ирбенскому проливу, и стремясь закончить ее раньше, нежели немцы успеют прорвать последний, в чем, при превосходстве сил германского флота, сомнений не возникало.

Данная операция ставила под угрозу все положение в Рижском заливе и могла быть оправдана только крупным успехом десанта. В противном случае, вызвав германский флот на решительный образ действий, она могла привести лишь к окончательной утрате нами господства в Рижском заливе.

Этим объясняется настойчивость Канина, требовавшего сильного состава десанта и энергичной поддержки со стороны 12-й армии.

Переговоры командных инстанций и приготовления к экспедиции продолжались до начала августа, когда, вследствие осложнившегося положения на фронте, вызвавшего необходимость иного использования частей войск, предназначавшихся для десанта, она была отменена.

Флоту было приказано лишь демонстративно готовить высадку, чтобы обеспокоить этим противника, и оттянуть часть его войск для охраны побережья.

Таким образом, попытка совместных действий в крупном масштабе, несомненно имевшая шансы на успех, не была доведена до конца, и обширные приготовления остались напрасными, не приведя ни к какому результату.

Между тем, деятельность германского флота, встревоженного ставшими ему известными русскими приготовлениями, к концу лета оживилась.

Германские подводные лодки появились по восточную сторону центральной позиции Ревель—Поркаллауд; — событие чрезвычайной важности. Этот район до сих пор считался русским командованием недосягаемым для неприятельских лодок. Теперь пришлось считаться с угрозой плавания судов в тыловой зоне—между Ревелем, Гельсингфорсом и Кронштадтом.

В период 30 августа—7 сентября данные разведки указывали на сосредоточение крупных неприятельских сил для новой операции в Ирбенском проливе. Втечение этих дней немцы усиленно тралили подход к Ирбену под прикрытием крейсеров. Три германских лодки прошли в Рижский залив, неоднократно пытаясь атаковывать наши суда.

Русское командование ожидало повторения прошлогодней операции прорыва в Рижский залив. Однако, дальше приготовлений немцы не шли.

Недовольство ставки действиями командования флотом. Смена адмирала Канина.

Выше мы упомянули, что главные силы Балтийского флота втечение всего лета были в состоянии тягостного бездействия. Операции в Рижском заливе не превосходили значения небольших стычек, действия подводных лодок являлись, более или менее, обычным их крейсерством. Флот, в целом, не выполнил тех надежд, которые связывались с предоставлением командующему флотом права использования всех его боевых средств, с предоставлением ему большей свободы действий, в силу изъятия из подчинения северному фронту и передачей такового ставке непосредственно.

Это вызвало сначала на самом флоте, а затем и в ставке, недовольство командованием. Против адмирала Канина начался поход, прежде всего в его собственном штабе, а затем и в морском штабе ставки.

Оценку ставкой деятельности адмирала Канина мы находим в докладе начальника морского штаба верховного главнокомандующего Николаю II от 6 сентября. [1]

„Ютландское сражение,—говорится в докладе,—окончившееся частичным поражением германского флота, создавало на Балтийском театре благоприятные условия для активных действий нашего флота, так как втечение, по крайней мере, месячного срока германский флот был фактически лишен возможности не только предпринять какие-либо широкие опе-

[1] Дело архива морискома без №.

рации в Балтийском море, но даже, вероятно, противупоставить достаточные силы для парирования наших ударов. Эта благоприятная для наших действий обстановка не была, однако, достаточно использована командованием Балтийского флота. В самом деле, за это время были выполнены лишь небольшие активные операции: первая 31 мая—2 июня против неприятельского каравана в Норчепинской бухте, вторая 16—18 июня против неприятельских торговых караванов между Готландом и материком, из коих вторая не привела к положительному результату.

„Точно также втечение минувшего лета не были использованы подводные лодки, количество которых вполне позволяло развить широкие активные операции. Втечение всего летнего периода флот выполнял различные операции по подготовке и усилению театра, безусловно необходимые, но чисто пассивные.

„Вышеприведенные обстоятельства дают основание полагать, что командование флотом втечение прошедшего благоприятного летнего периода не вызвало широкой стратегической инициативы и не выказало решимости использовать благоприятную обстановку...“

В дальнейшем этот доклад содержит ряд упреков Канину, в том числе за недостаточно удовлетворительную организацию борьбы с подводными лодками, за целый ряд пробелов в области внутреннего руководства флотом и пр.

В заключение доклад говорит: „до сих пор со стороны противника еще не было проявлено попыток к широким морским операциям на Балтийском море, однако, таковые могут начаться в любой момент, особенно осенью и весной, когда противнику благоприятствуют физико-географические условия. Операции последних дней в Рижском заливе, когда неприятелю удалось, впервые за всю войну, провести свои подводные лодки в Рижский залив, еще более осложняют обстановку и условия действий нашего флота. Весной же, когда в силу долговременности стояния наши позиции потребуют возобновления, обстановка будет столь серьезна, что от командования Балтийским флотом потребуется полное проявление широкой инициативы и твердой воли, т.-е. тех качеств, которыми в настоящее время командование не обладает. Эти соображения, в связи с опасностью угашения воинского духа личного состава, заставляют притти к окончательному заключению, что при настоящем командовании Балтийским флотом успешное выполнение возложенных на него задач является сомнительным...“

В результате этого доклада адмирал Канин был сменен и вместо него назначен адмирал Непенин.

Однако, неудовлетворенность действиями Балтийского флота не может быть приписана только личным качествам

адмирала Канина, тем более, что его заместитель тоже не смог внести ничего существенного в ту обстановку, которая сложилась кругом деятельности Балтийского флота.

С большим основанием можно утверждать, что первая причина этой недостаточной активности лежала в систематическом, втечение двух лет производимом, угашении духа командования директивами ставки. Утверждение втечение всего времени одной и той же главной задачи—обороны подступов к столице, каковая самой обстановкой уже после вступления в войну Англии и развившейся ожесточенной борьбы на сухопутных фронтах могла почитаться задачей нереальной, в особенности после того, как местная оборона Финского залива была значительно усилена,—сделало свое дело: убило инициативу в ведении боевых операций.

Ставка и штабы сетовали на недостаточную активность. Но где же то директивное направление для проявления этой активности, по которому можно было бы судить о наличии у верховного командования вполне определенных идей использования флота? Где же задачи активного смысла?.. Их не было. Ссылки на необходимость активной деятельности являлись не более, как общими указаниями без определенной идеи. Ставка ждала, что сам флот найдет для себя эту цель и сам командующий решит задачу, которая прежде всего была не ясна самой ставке.

Адмирал Канин проявил недостаточно энергии при постановке заграждений у неприятельских берегов и все его внимание было направлено на минирование оборонительных позиций. Это должно быть отмечено, несомненно, как отсутствие активности, как его ошибка и неиспользование благоприятных условий. Но ставка переоценивала значение этих операций в 1916 году сравнительно с 1914.

Не стараясь защищать адмирала Канина, который не проявил и скромной доли оперативных заветов, оставленных после себя Эссеном, мы все же с достаточным основанием склонны утверждать, что не личность или способности адмирала Канина сыграли здесь решающую роль, а директивы ставки, воспитавшие и систематически проводившие принципы боязливой осторожности, нашедшие в лице Канина лишь соответствующего им выразителя.

Опасения ставки о могущих последовать осенью 1916 г. решительных операциях со стороны германского флота на Балтийском море не оправдались. Осень прошла в относительном затишьи, чему впрочем способствовали штормовые погоды, длительными периодами державшиеся на театре.

Немцы ограничились операциями преимущественно подводных лодок, которыми были поставлены мины заграждения в восточной части Финского залива, за центральной позицией. На этих минах подорвался крейсер „Рюрик“ и один новый миноносец.

Появление лодок в тыловой зоне Балтийского флота поставило его в трудное положение и в значительной мере парализовало его деятельность.

Кроме того, немцами была предпринята безрассудная попытка прорваться миноносцами, без предварительного траления, через передовую позицию для атаки русских судов в районе Ревеля. Она им стоила потери семи лучших миноносцев, а результат ее—несколько шальных снарядов, брошенных в Балтийский Порт—был, очевидно, ничтожен.

В. Кампания 1917 года.

Февральская революция и последовавшее затем падение боевой мощи русских вооруженных сил, закончившиеся их полным разложением, определили для России безуспешность дальнейшего ведения войны.

Боевые операции кампании 1917 года на суше и на море не могут быть рассматриваемы, как протекшие в условиях нормальных для войны вообще. События внутреннего порядка затмили боевые интересы и создали специфическую обстановку, в которой оперативное искусство играло лишь второстепенную роль, а стратегия лишилась главного—моральной базы в виде готовности масс итти на жертвы, сопряженные с войной, цели которой им были чужды. Стратегия лишилась организованной военной силы.

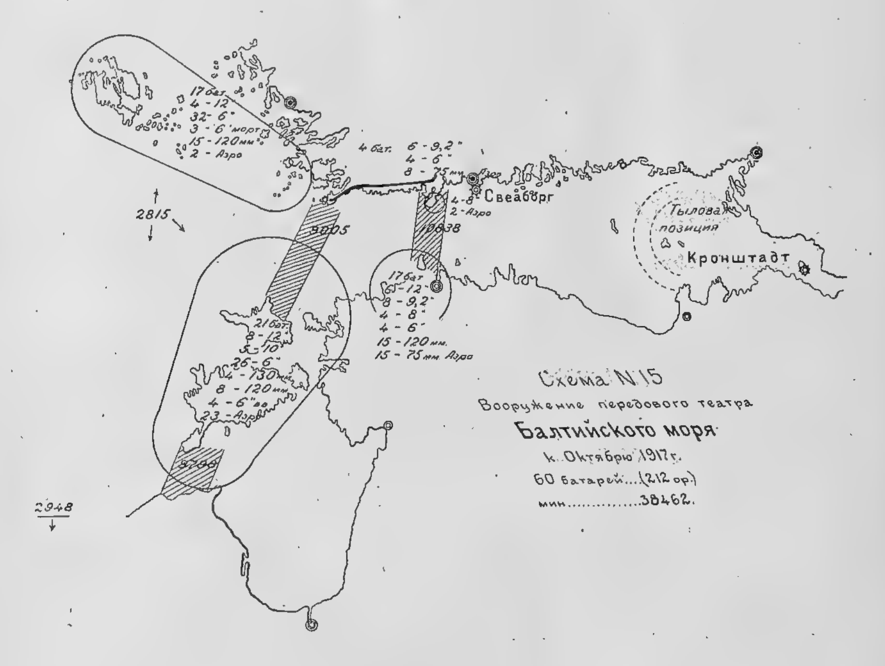
Справедливость требует отметить, что Балтийский флот гораздо долее, чем армия, сохранил, хотя бы и внешне, свою боеспособность. До октября 1917 года, т.-е. втечение всей летней кампании, командование им, по крайней мере оперативное, внешне протекало в рамках, допускающих боевое руководство. Его боевые приказания обычно исполнялись. Корабли ходили в море, дрались и гибли, подчас давая примеры высокого героизма. Но развитие революционных процессов, введение коллегиального управления, падение престижа начальников, атмосфера взаимного недоверия, частые смены начальников, выборное начало, наконец, разложение в самой среде офицерства и команд—все это не позволяет флот 1917 г. оценивать, как вполне боеспособную часть.

Эти соображения не дают нам основания кампанию 1917 г. вложить в общее русло событий, исследуемых настоящим трудом. Поэтому мы ограничиваемся обозрением вопроса, являющегося одним из центральных для настоящей темы,— вопроса об оборудовании театра для обороны и его боевой

проверки, каковая имела место осенью 1917 г. при решительном наступлении германского флота на Моонзунд.

Состояние обороны берегов Балтийского моря к 1917 г.

При обзоре предыдущих кампаний мы видели постепенное, из года в год, расширение и закрепление оперативной зоны Балтийского флота, выразившееся сначала в создании одного рубежа обороны между Ревелем и Порккалаудом, затем выдвижение его на Моонзунд и Або—Аланд и смычке с передовой позицией. Это был один общий план, осуществляемый постепенно (сх. № 15).

В зиму 1916—17 года план обороны получил дальнейшее развитие в виде проекта оборудования тыловой зоны флота между центральной позицией и Кронштадтом. Было намечено создание „тыловой позиции“ в районе восточнее Гогланда, между островами Сескар—Лавенсари, и оборудования также позиционной защиты прилегающего к Кронштадту района Биорке.

Таким образом, направление, оборона которого всегда ставилась флоту главной задачей, должно было быть защищено рядом рубежей трех позиций и, наконец, Кронштадтским укрепленным районом, явившим собой как бы последнюю позицию Балтийского флота.

Этот раскинутый план почти непрерывной линии батарей на протяжении побережья: Ботнический залив—Аланд—Эре—

сев. шхеры Финского залива—Биорке—Кронштадт, Лавенсари—Ревель, Даго—Церель представляет собой грандиозный замысел, попытку решения проблемы обороны почти сплошной сетью батарей.

К 1917 году сооружение всех намеченных батарей еще не было закончено. Помимо тыловой позиции, не были готовы главные батареи центральной позиции—14″ башенные установки Суропа, Макилото и Наргена. С готовностью этих последних, крепостной район Балтийского моря представлял бы собой самую могущественную, по количеству вооружения и размерам обороняемой зоны, морскую крепость в мире.

Мы рассмотрим лишь в самых кратких чертах состояние береговой обороны к 1917 году.

а) Главная позиция (сх. № 16).

К осени 1917 года в районе главной позиции действовали следующие батареи:

№№			
1	Балтийский порт	3—120 *мм*	1917 г.
2	Суроп	4— 9″	1917 „
3/а	„	3— 57 *мм* *А*	1917 „
3	М. Рооге	3—120 *мм*	1917 „
4	Какумяги	3—120 *мм*	1914 „
4/а	„	3— 75 *А*	1915 „
5	Нарген	4— 6″	1914 „
5/а	„	3— 75 *А*	1916 „
7	„	4— 9·2″	1915 „
9	„	4— 8″ *А*	1916 „
9/а	„	4— 57 *мм* *Б*	1917 „
10	„	4— 12″ *Б*	1916 „
11	„	3—120 *м* *А*	1915 „
12/а	Карлос	4— 57 *м* *А*	1915 „
13	Вимс	3—120 *мм*	1914 „
13/а	„	4— 75 *мм* *А*	1916 „
15	Вульф	2— 12″ *Б*	1917 „
20	Макилото	4— 8″ *Б*	1917 „
20/а	„ д.	3— 57 *А*	1917 „

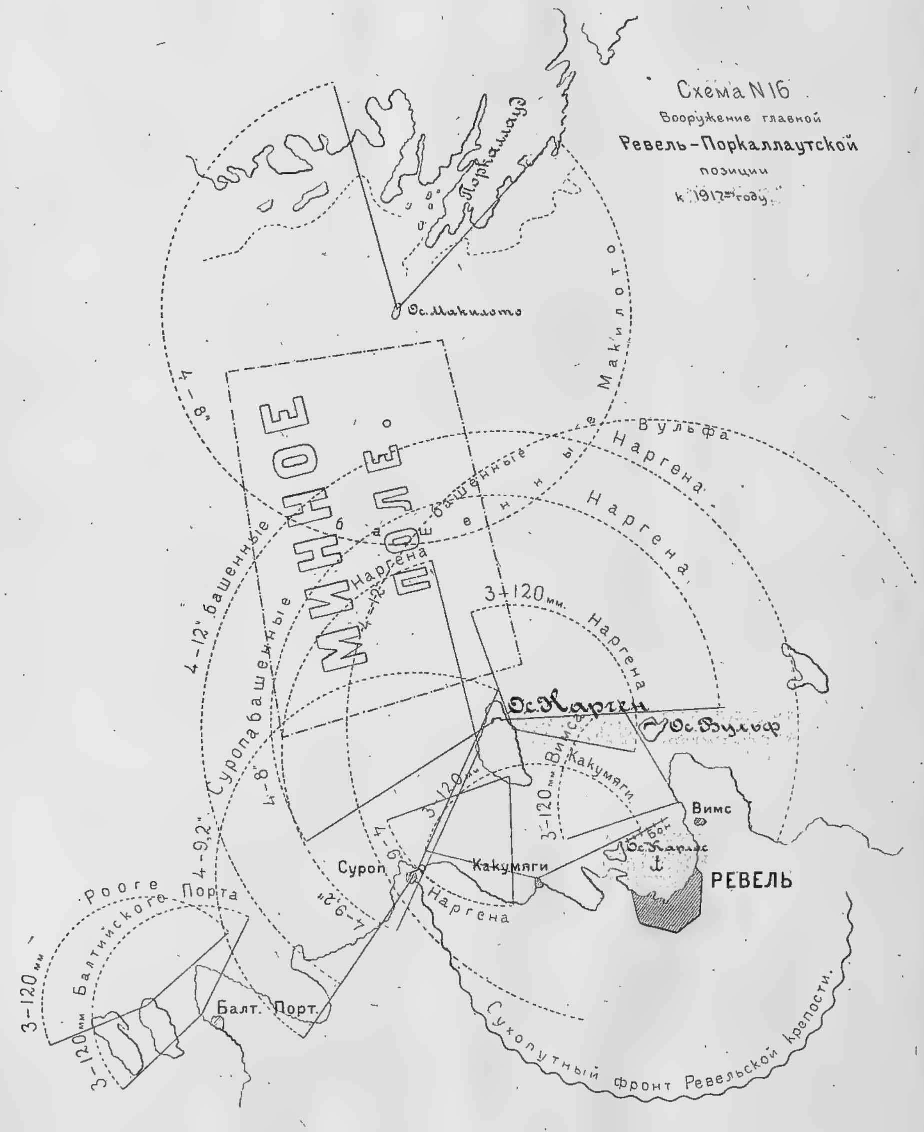
Итого	Число батарей	Число орудий
12″/52—баш.	2	6
9·″2 открытых	2	8
8″ баш.	2	8
6″ открытых	1	4
120 *мм*	5	15
75 *мм* Аэр	7	23

кр.	сред.	аэр.
22	19	23

Надо признать, что по состоянию вооружения приморского фронта, в особенности с готовностью башенных батарей, при одновременном участии линейных сил Балтийского флота задача открытого форсирования главной позиции германским флотом могла быть решена только при исключительно благо-

приятной обстановке и, во всяком случае, представляла большие трудности.

Лишь ценой потери значительной части своего флота Германия могла бы предпринять прорыв этой позиции, за-

щищенной к тому же обширным минным полем (10.500 мин). Но прорыв не обозначал еще уничтожения береговых сооружений позиции. Орудия Наргена, Вульфа и Макилото могли

продолжать грозить тылу прорвавшегося флота, коль скоро прорыву не предшествовало их разрушение или взятие.

Столь энергичное усиление приморского фронта крепости не сопровождалось, однако, соответственными мероприятиями для обеспечения его со стороны сухого пути. Мы отметили уже, что Ревель имел недостаточную защиту, северный же фланг позиции у Поркаллауда ее не имел вовсе. Лишь островное расположение батарей до некоторой степени страховало их от атаки с берега.

Между тем, наиболее вероятными операциями противника следовало считать совместные действия его флота и армии, и прочность позиции целиком зависела от того, в какой мере она защищается не только от флота, но,—и это, пожалуй, главным образом,—от армии.

Однако, в случае вынужденного отступления, русская армия не предполагала задерживаться в этом районе. Весьма возможно, что Ревелю с его небольшим гарнизоном и дурным крепостным оборудованием угрожала бы судьба других русских крепостей западного фронта, оставленных армией при ее отступлении.

б) Передовая позиция (сх. № 17).

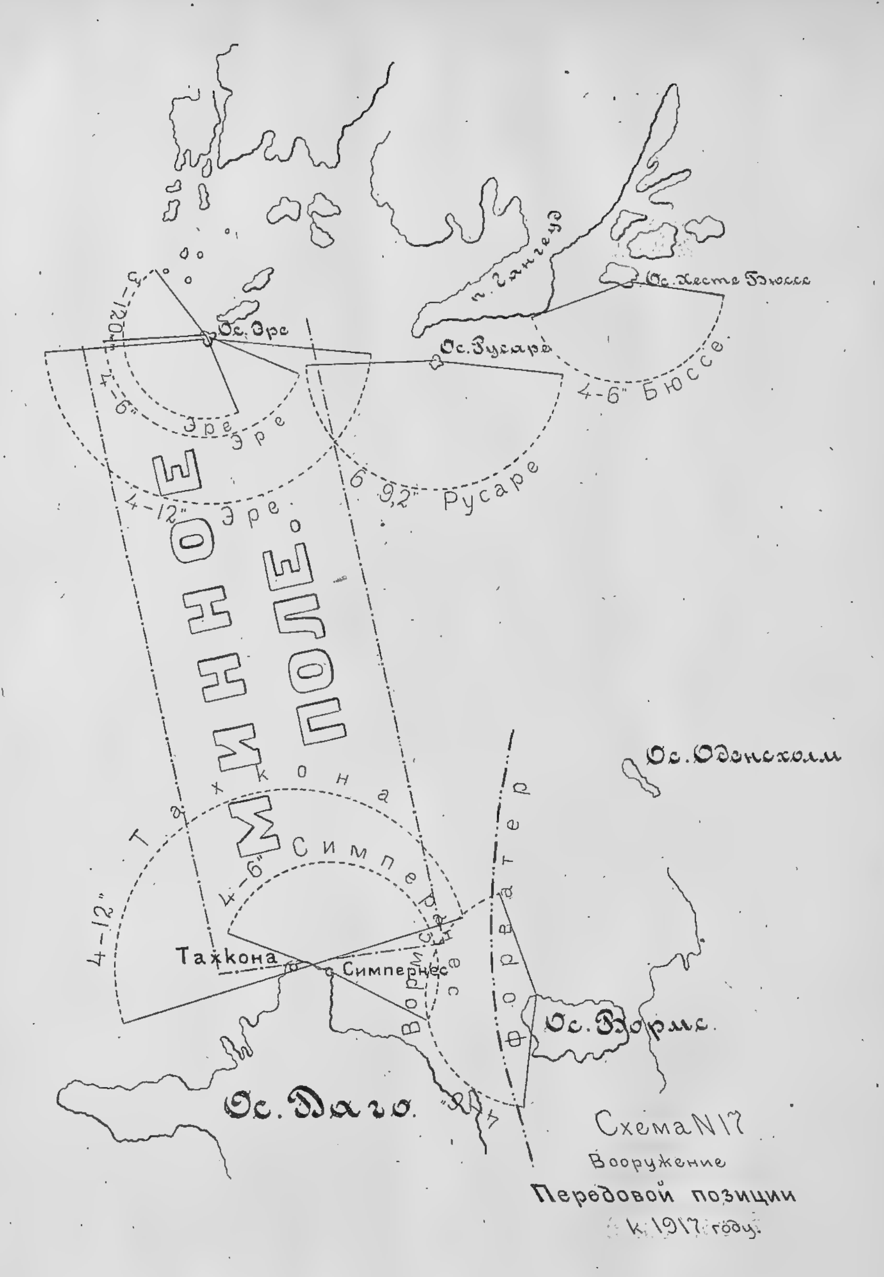
Вооружение передовой позиции:

Юж. фланг	Такхона	4— 12″	1917 г.
	„	4— 75 *мм А*	1917 „
	Симпернес	4— 6″	1916 „
	Дирхамн	4— 6″	1916 „
Сев. фланг	Эре	4— 12″	1917 „
	„	3—120 *мм*	1915 „
	„	4— 6″	1915 „

	Итого батарей	Орудий
12″	2	8
6″	3	12
120-*мм*	1	3
75-*мм А*	1	4
	7	27

Дальность огня 12″батарей—Такхоны и Эре—не перекрывала всей ширины залива, как это имело место на центральной позиции. Защита передовой позиции была несравненно менее могущественна. Тактическим преимуществом этой позиции являлось лишь наличие широкого маневренного района для маневрирования линейных сил.

Северный фланг позиции упирался в шхерный район, защита которого могла выполняться флотом. Кроме того, расположенные здесь батареи Руссаре, с одной стороны, и Уте—

с другой, давали систему, достаточно обеспечивающую северный фланг.

Что же касается южного фланга, то прочность его всецело зависела от обороноспособности о-ва Даго, очень слабо

защищенного от десанта и обладавшего ограниченным сухопутным гарнизоном.

Когда, после неудачного исхода Моонзундской операции, пал Эзель, Даго остался беззащитным; батареи Такхоны и Симпернеса не могли оказать никакого сопротивления противнику с сухого пути, вследствие чего и были уничтожены самими русскими.

Таким образом, передовая позиция, равно как и главная, представляя собой сильное препятствие для открытого форсирования ее флотом, в то же время имела необеспеченный южный фланг в случае совместных действий против нее сухопутных и морских сил противника.

в) Або-Аландская позиция (сх. № 18).

К 1917 году вооружение Або-Аландской позиции состояло из батарей:

Або-Аландская позиция.

Уте	4— 6″	1915 г.
„	4— 6″ *ВВ*	1915 „
„	2— 75 *мм А*	1916 „
„	3— 6″ гауб.	1916 „
Лемланд	4—120 *мм*	1916 „
Ст. Клуббен	4— 6″	1916 „
Скаттауд	4— 66″	1915 „
„	4—120 *мм*	1916 „
Хамнэ	2—120 *мм*	1916 „
Корсе	2—120 *мм*	1916 „
Аланд	3— 6″	1916 „
„	3— 6″	1916 „
„	3— 6″	1916 „
„	3— 6″	1916 „

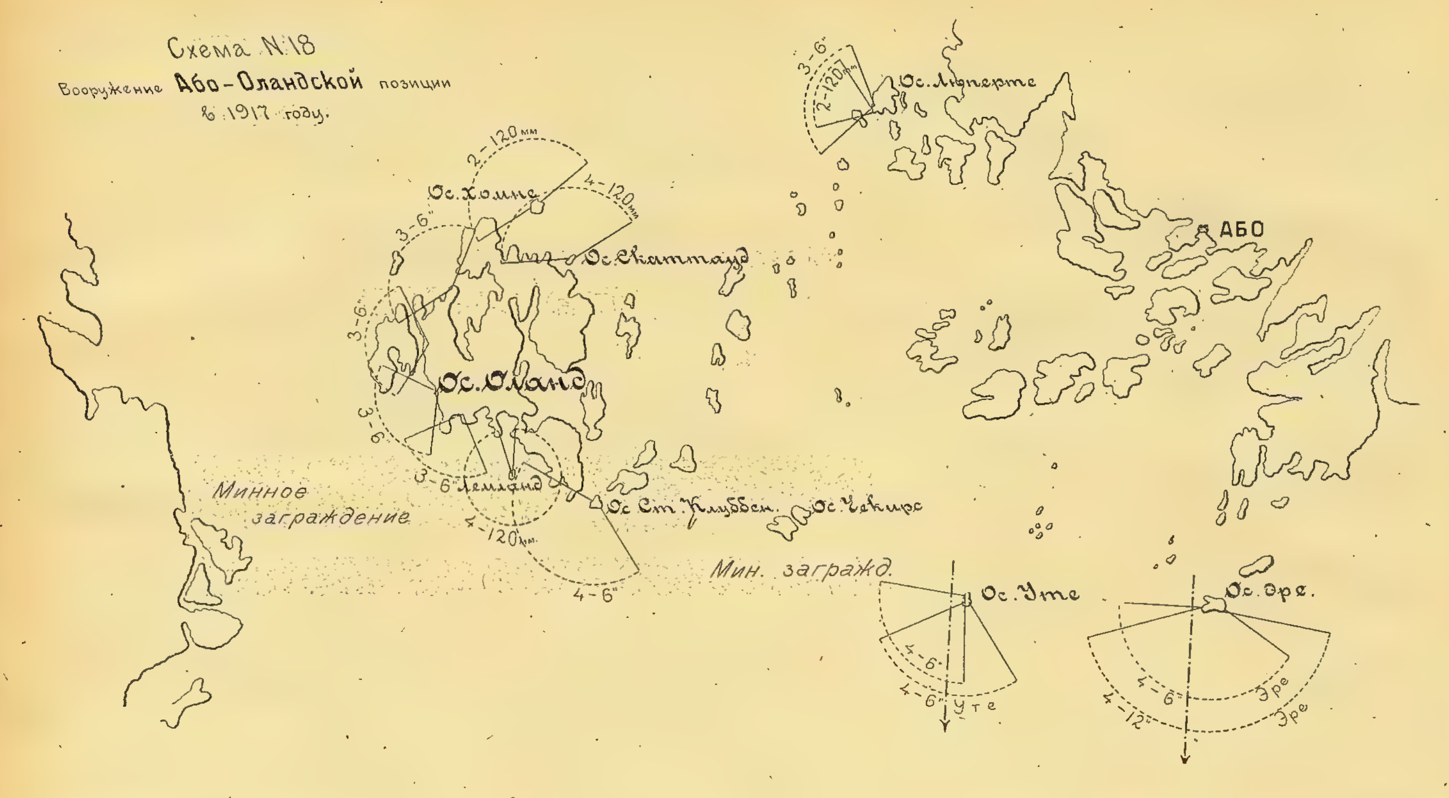
Итого на Або-Аландской позиции

	Батарей	Орудий
6″	8	28
6″ гауб.	1	3
120-*мм*	4	12
75-*мм А*	1	2
	14	45

Как видно из этой таблицы, Або-Аландская позиция не была вооружена тяжелыми орудиями, бо́льшими 6 дм. С другой стороны, батареи (см. схему № 17) не преследовали другой цели, кроме круговой защиты района, прикрывая входные в него фарватеры.

Степень сопротивляемости обороны в каждом районе всецело зависела от той поддержки, которую последний мог получить от флота.

На Або—Аланде проектировалась еще другая внутренняя линия укреплений более тяжелых калибров, которая должна

Схема N:18
Вооружение Або-Оландской позиции
в 1917 году.
Ос. Хомне
2-120мм
4-120мм
3-6"
Ос. Оланд
Лемланд
4-120мм
4-6"
Минное заграждение
Ос. Ст. Клуббен
Ос. Чекирс
Мин. загражд.
Ос. Люперте
2-120мм
АБО
Ос. Уте
4-6"
Уте
Ос. Эре
4-12"
Эре

была обеспечить плацдарм для базирования флота, могущего отсюда по сети расходящихся фарватеров успеть подойти к любому угрожаемому пункту. Но этот проект осуществлен не был.

Местные условия Або—Аланда вполне благоприятствовали его успешной обороне. Узкие фарватеры, наличие большого количества отмелей, помимо того, что требовали искусных лоцманов и были трудны в навигационном отношении, но передвижение по ним могло быть легко затруднено минными и иными заграждениями.

Этот островной район требовал сильных сухопутных гарнизонов для защиты от десанта, которых, однако, дано не было.

г) Фланговая Шхерная позиция (сх. № 17).

Фланговo-Шхерная позиция к 1917 году имела следующее вооружение:

25	Хесте Бюссе	4— 6"	1914 г.
27	Руссаре	6—75 *мм*	1915 „
28	„	6— 9,2	1915 „

Мощные батареи Руссаре сообщали устойчивость фланговой позиции. Она прикрывала продольные фарватеры района и будучи поддержана с востока примыкавшими укреплениями Макилото, а с запада—Эре, образовала хорошо защищенный со стороны моря шхерный участок.

Ее значение, однако, было не только тем, каковым оно указывалось в планах развертывания флота, т.-е. не только позицией для атаки противника миноносцами и легкими силами при его движении от устья залива к Ревель—Поркаллауду. При неустойчивости Моонзундской позиции (см. ниже) и при опасности потери, вместе с островом Даго, опоры южного фланга передовой позиции, Флангово-Шхерная позиция образовывала участок северного фронта обороны—от Аланда и до Поркаллауда.

Так и случилось в 1917 году при потере Моонзунда и уничтожении батарей на Даго. Поставленное минное заграждение при северном выходе у Моонзунда, явившееся как бы изогнутым флангом заграждения передовой позиции, определило собой новый рубеж, для обороны которого были сосредоточены отошедшие от Моонзунда морские силы, сосредоточившиеся на рейде Лапвик и выдвинувшие дозоры в направлении Оденсхольм—Такхона.

При иной обстановке, при наличии стремления противника продолжать успешно начавшееся наступление, Флангово-Шхерной позиции может быть пришлось бы сыграть ответственную роль маневренной базы для русских сил.

д) Моонзундская позиция

(Схема № 19)

Вооружение Моонзундской позиции состояло из следующих батарей:

Вормс	4— 6″	1914 г.
Рогокюль	2— 75 *мм А*	1915 „
Моон	4— 16″	1914 „
„	2— 75 *мм А*	1916 „
Вердер	4— 6″	1914 „
„	3— 75 *мм А*	1916 „
Моон	**5— 10″**	**1915** „
Сворбе	4—120 *мм*	1916 „
„	3— 75 *мм А*	1917 „
„	4—130 *мм А*	1917 „
„	3— 75 *мм А*	1917 „
Церель	**4— 12″**	1917 „
„	3— 75 *мм А*	1917 „
Хундва	4— 6″	1917 „
Нипаст	2— 6″	1917 „
Аренсбург	3— 75 *мм А*	1917 „

Итого на вооружении Моонзундской позиции:

	Батарей	Орудий
12″ открытых	1	4
10″ „	1	5
6″ „	5	18
120 *мм*	1	4
130 *мм*	1	4
75 *мм А*	7	19
	16	54

О значении Моонзундской позиции—мы несколько раз говорили. Она требовала максимальных усилий для обеспечения ее, как от прорыва в Рижский залив, а затем в Моонзунд, так и от десанта неприятеля на острова.

План, по которому она была осуществлена к 1917 году, может быть разделен на три участка:

1) оборона Сворбе и Цереля,
2) оборона собственно Моонзунда,
3) оборона Эзеля и Даго.

Рассмотрим их отдельно.

1) Оборона Сворбе преследовала прежде всего цель защиты входа в Рижский залив. Ширина последнего перекрывалась огнем 12″ орудий Цереля, достигавших Курляндского берега. В проливе было поставлено большое количество мин, при чем недостатком постановок было постепенное их нагромождение постановками втечение почти трех лет.

Здесь велась минная борьба; мы ставили, противник тралил, потом мы вновь ставили и т. д.; здесь было в разное время поставлено около 10.000 мин.

В результате, Церельский пролив для русских судов явился почти недоступным. Большие суда не могли им пользоваться безусловно.

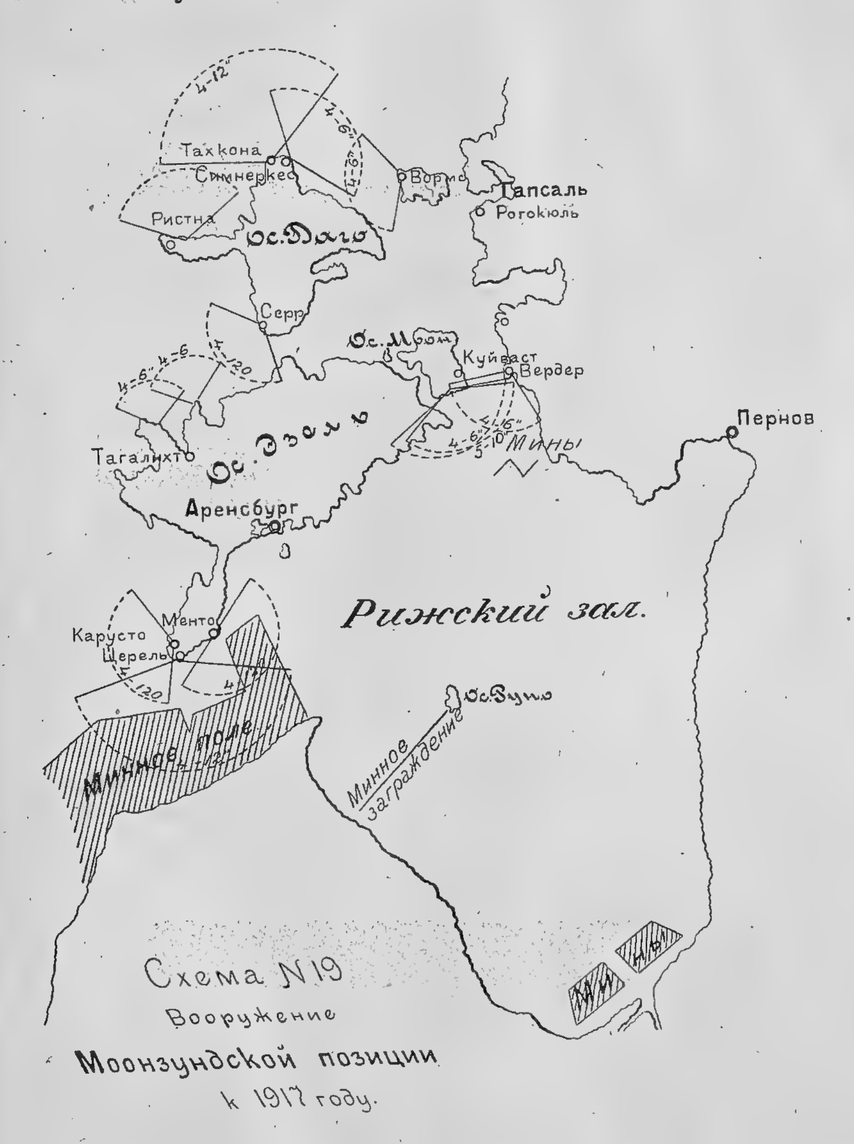

Схема N 19
Вооружение
Моонзундской позиции
к 1917 году.

Противнику принадлежал Курляндский берег пролива, им вооруженный. Он мог под прикрытием своих батарей производить траление и поддерживать прибрежный фарватер, которым, как то было сказано уже выше, проникали, начи-

ная с осени 1916 года, его подводные лодки в Рижский залив.

Опасение за действительность минного поля и невозможность дальнейшего нагромождения мин в том же районе вызвали необходимость постановки русскими большого минного заграждения в районе Домеснеса (см. схему 19).

В целом, минная позиция, защищаемая Церельской батареей и морскими силами залива (в составе которых к 1917 г. было 2 линейных корабля, 1—2 крейсера, канонерские лодки и значительно усиленная новыми миноносцами минная дивизия)—представляла весьма существенное препятствие для противника, и вряд ли можно предположить, чтобы немцы рискнули форсировать ее, не уничтожив предварительно Церельскую батарею и не проведя в залив достаточное количество лодок с целью парализовать маневрирование русских судов.

Позиция была постоянно наблюдаема дозорными судами, для стоянки которых было оборудовано убежище в дер. Манто. Главные же силы флота Рижского залива базировались на рейд Куйвасто (в южной части Моонзунда), отстоящий от Цереля на 60 миль, что затягивало сосредоточение их для защиты последнего до 4 часов. Держать их ближе не представлялось возможным, вследствие необеспеченности залива от подводных лодок. Таким образом, постоянно существовала опасность, что морские силы Рижского залива не успеют во время сосредоточиться на позиции.

Наиболее уязвимым местом обороны была сухопутная защита. Полуостров Сворбе очень похож по своему очертанию на Квантун. У него есть также свой „Киньчжоу"—перешеек, соединяющий его с Эзелем. Лишь при наличии оборудования Сворбе, как самостоятельной крепости, и хорошей защиты этого перешейка он мог избежать судьбы Порт-Артура. Но так как ни того, ни другого не было, то естественно, все положение обороны на Сворбе всецело зависело от того, в какой мере защищен Эзель.

2) Оборона Эзеля и Даго со стороны моря были фактически ничтожна. Рейд Тагалахт, который издавна считался наиболее вероятным пунктом для десанта противника, был защищен всего двумя открытыми 6" батареями. Небольшое минное заграждение перед Тагалахт, прикрываемое этими батареями, также не являлось крупным препятствием для неприятеля.

Защита этого района предполагалась миноносцами, способными выйти для атаки противника из Моонзунда Соэло-Зундом, с моря—лодками и, наконец, сухопутным гарнизоном Эзеля.

Однако, расчет на миноносцы мог не оправдаться, так как противник, располагая большими морскими силами, был

в состоянии противупоставить им любое сопротивление. Операции в море подводных лодок не давали достаточной гарантии в успехе. Следовательно, главная тяжесть обороны должна была лечь на приморские батареи и гарнизон, которые были слабы непомерно с их задачами.

Эта слабость защиты района Тагалахта против атаки противника—компрометировала всю оборону Моонзунда. Падение Эзеля влекло за собой падение Цереля, с одной стороны,— и Даго, а следовательно и южного фланга передовой позиции, с другой.

Здесь, как в фокусе, сказалось одностороннее решение задачи обороны, каковое можно проследить во всем плане оборудования Балтийского театра—это обращение всех усилий на создание препятствий для морского прорыва и недостаточное внимание к сухопутной защите. Оборона Моонзундской позиции—для флота противника ставила препятствия, трудно преодолимые, но для десанта—они были ничтожны.

В 1917 году немцы именно сюда направили свой удар. Если учесть, помимо сказанных конструктивных недостатков обороны Моонзунда, еще разложение и ничтожную стойкость его малочисленного гарнизона, то станет вполне понятным, почему немцы так легко завладели Эзелем, принудив нас к оставлению всего района.

3) Моонзундский участок—точнее южный выход из Моонзунда в Рижский залив, как видно из таблицы, имел сравнительно сильную артиллерию 5—10″ орудий, которые должны были служить поддержкой для линейных кораблей, и вместе с ними они могли работать с успехом против превосходящего противника.

Однако, и этот участок обороны не мог почитаться надежным. Во-первых, суда не имели достаточно свободы для маневрирования; маневренный район был столь узок, что фактически корабли были бы почти неподвижны в бою. Во-вторых, во время фактически имевшего здесь место боя выяснилось, что временные установки 10″ орудий были сделаны неудовлетворительно и сдавали после первых же выстрелов, что привело их к выходу из строя в начале сражения.

Дальнейшее движение флота противника в этом направлении ему было сильно затруднено. Наши морские силы, отступая, вводили его в узкий, искусственно углубленный фарватер, затопление двух-трех судов на котором фактически делало его непроходимым.

Помимо сказанного, играли важную роль сообщения на север к выходу из Моонзунда в Финский залив с питающей базой—в Рогокюле. Деятельность морских сил в Рижском заливе в полной мере зависела от их безопасности.

Противнику этим сообщением мы угрожали из Соэло-Зунда и с севера.

Соэло-Зунд был слабо защищен одной 120 *мм* батареей, расположенной на Даго. Затопление здесь хотя бы одного корабля закрывало фарватер. Защитить его таким образом было не сложно, но для этого надо было отказаться от противодействия противнику при высадке им десанта на Эзель и от атак сил противника, находящихся в заливе между Эзелем и Даго.

Соэло-Зунд был оставлен свободным, но защита его усилена не была.

Северный выход прикрывался батареями Тахконы и Симпернеса, а еще в большей степени могущими подойти главными силами русского флота из Финского залива. Но он не был обеспечен от подводных лодок противника, которые, проходя свободно под минными заграждениями Передовой позиции, могли ставить мины и атаковать корабли, идущие из Моонзунда.

Подводя итог оборудованию Моонзундской позиции, должно признать, что она защищена была сравнительно удовлетворительно только от прорыва германского флота через Ирбен. В других же отношениях защита ее оставляла желать много лучшего. В особенности слабой была сухопутная защита Эзеля.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении плана обороны Балтийского моря к 1917 году, т.-е. когда этот план уже был близок к его завершению, не трудно заключить, что он обладал существенными недостатками, а именно:

1) Предусматривал решение обороны преимущественно с точки зрения морского боя, но не от десанта противника.

2) Был не вполне согласован с планами сухопутного оборудования прилегающего театра, разительным примером чему является расхождение линий фронта и рубежей обороны флота.

3) При общем стремлении—покрыть непрерывной линией береговых укреплений все побережье, в ряде точек оборона была слаба. Такие точки были во всех позициях и всех районах. Это вызывало опасение за стойкость других частей цепи обороны. Чтобы с выбитием одного звена она не теряла своей прочности, необходимо было создать сухопутную защиту ряда местностей, обороняя их сухопутными войсками и гарнизоном. Этого сделано не было.

4) Всюду ощущался недостаток гарнизона. Несмотря на то, что количество сухопутных сил, составляющих гарнизоны крепостей и отдельные отряды на побережьи, подчиненных командующему флотом достигало крупной цифры в $75^1/_2$ батальонов и 25 эскадронов, этих сил было совершенно недостаточно для обслуживания обороны и противустояния десанту.

Вероятно, следующим шагом к развитию плана—было бы решение сухопутной его стороны, до сих пор недостаточно учитывавшейся.

Все это приводит нас к выводу, что несмотря на обилие крепостных сооружений и батарей,—центр тяжести обороны лежал все время на действиях флота в открытом море, в борьбе за обладание последним. Учитывая слабость русских морских сил сравнительно с германским флотом и пытаясь перенести центр тяжести на обширную сеть береговых укреплений, таковую задачу следует признать невыполнимой. Слабым силам русского флота и в этом случае предстояла решающая роль; от их действий зависела безопасность побережья.

Создание же рубежей—позиций гарантировало только от открытого форсирования определенных направлений, но не гарантировало от систематически ведущихся операций совместно с сухопутными войсками. Противник, располагающий свободой действий на море, всегда мог найти направление, в котором оборона берегов была недостаточно сильна.

Моонзундская операция 30 сентября—6 октября 1917 г. (см сх. № 19).

С началом кампании 1917 года, все внимание русского командования было приковано к Рижскому заливу. В Рижском заливе была сосредоточена вся минная дивизия, линейные корабли „Слава", „Гражданин" (быв. „Цесаревич") и крейсер „Баян".

С внешней стороны положение на Рижском заливе могло почитаться даже значительно более прочным, чем, в предидущие годы, благодаря готовности Церельской батареи.

20 августа, вследствие прорыва немцами русского фронта у Икскюля, пала Рига. Русский фронт откатился назад, причем очищение прибрежного района произошло без непосредственного давления немцев. Морским силам в Риге более ничего не оставалось делать, как эвакуировать часть гарнизона и самим отойти в Аренсбург и Куйвасто.

В связи с падением Риги и явно обнаружившейся нестойкостью русских частей, у германского морского командования возникла мысль о решительной операции для овладения Балтийскими островами.

План немцев сводился к тому, чтобы выбросить десант в составе усиленной дивизии в 23.000 человек на о-в Эзель, занять его, отрезать русские морские силы от Рижского залива и прочно завладеть этим последним. Взятие острова Эзель давало возможность в дальнейшем распространить наступление на прочие острова архипелага и угрожать движением на материк, в направлении к Ревелю.

Для обеспечения перевозки десанта предназначались морские силы, в составе двух эскадр линейных кораблей типа „дредноут" (всего 11), 8 легких крейсеров, 47 миноносцев

и около 80 вспомогательных судов,—превышавшие по крайней мере вдвое весь наличный состав русского флота, не только сосредоточенный в районе Моонзунда, но включая и все корабли, находящиеся в других районах.

Линейный крейсер „Мольтке“ и 3-я эскадра дредноутов (5) должны были обеспечить высадку в Тагалахте первой партии десанта; 4-я эскадра (5 лин. кор.) должна была уничтожить Церельскую батарею; затем часть флота должна была прорваться в Рижский залив.

29 сентября рано утром русские наблюдательные пункты обнаружили появление германских судов, в числе которых были замечены и дредноуты,—в районе при подходе к бухте Тагалахт.

Следующее донесение гласило об уничтожении огнем германских судов батарей Хундва и Нинаст, о начавшейся высадке десанта и об отступлении нашего передового отряда. Через несколько часов партии германских мотоциклетчиков распространились по дорогам от Тагалахта, разрушая телеграфные и телефонные провода, и тем лишив русские части связи, создав сразу же подавляющее моральное впечатление на нестойкий гарнизон Эзеля, тотчас начавший отступление по направлению к Арисарским позициям и к дамбе, соединяющей Эзель с Мооном.

Тем временем, под прикрытием огня крупных судов, 5 немецких миноносцев прорвались через Соэло-Зунд на Косарский плес, где вступили в бой с нашими тремя миноносцами типа „Охотник“ и кан. лодкой „Грозящий“, которые отошли, но затем были поддержаны подошедшим миноносцем „Десна“ и остановили противника.

На другой день наши миноносцы, охранявшие выход на Косарский плес, были обстрелены крейсером, стоявшим при выходе из Сюне-Мунде.

Попытки русского командования заградить Соэло-Зунд 30 сентября при помощи затопления предназначенного для этой цели парохода—успехом не увенчались, так как этот пароход сел на мель при выходе из Роксюля. Отданное заградителю „Припять“ приказание заградить проход минами не могло быть выполнено, так как команда категорически отказалась от его исполнения.

1 октября прорвавшиеся на Косарский плес германские миноносцы имели бой, в результате которого с русской стороны был утоплен эс. к. мин. „Гром“, на германской же стороне точно также утоплен 1 миноносец и повреждены два.

Лишь ночью 2 октября удалось уговорить заградитель „Припять“ поставить минное заграждение на меридиане Павастерорта.

Между тем, немцы распространялись по Эзелю и ими был взят оставленный русскими войсками Аренсбург. Этим пере-

шеек был отрезан от других русских частей, сосредоточившихся, как сказано, к Арисару.

2 октября германские линейные корабли бомбардировали Церель; одновременно их сухопутные части подошли к перешейку. Присланный для поднятия духа защитников и содействия обороне лин. корабль „Гражданин“ мог лишь принять участие в утоплении батарей, дабы они не достались целыми в руки противнику, ибо гарнизоны отказались от борьбы.

2 октября весь Эзель был занят, части сосредоточивались на Арисарской позиции, но не могли противустоять противнику и спешно эвакуировались на Моон. Флот оказывал им поддержку своим огнем, но этого было не достаточно, чтобы сдержать их отход.

На Косарском плесе продолжались стычки миноносцев.

4 октября 2 германских линейных корабля 3-й эскадры, в сопровождении тральщиков и миноносцев, вошли в Рижский залив и подошли к Куйвасто.

После боя у Куйвасто наши морские силы отступили в северную часть Моонзунда, причем лин. кор. „Слава“, получивший повреждение в подводной части и вследствие этого севший носом, не мог пройти фарватера и был оставлен и взорван.

С отходом из южной части Моонзунда нашего флота и снятием людей с Моона, Эзель и Рижский залив перешли в полное обладание немцев.

Между тем, германский десант начал распространяться на Даго. Это лишило возможности задержаться в северной части Моонзунда, вследствие чего, 6 октября к вечеру, заградив Моонзунд минами, русский флот оставил его, перейдя в Лапвик.

Немцы, первоначально предполагавшие форсировать передовую позицию, в последний момент отказались от этого намерения, опасаясь потери судов на минах.

Таким образом, германским флотом в семидневный срок была выполнена без особого труда операция по занятию островов Моонзунда.

Заключение. Балтийский флот русских в начале мировой войны имел скромную задачу: не допустить прорыва неприятельского флота и десанта в глубину Финского залива втечение двух недель со дня объявления мобилизации.

Не смотря на слабость его боевых рессурсов, как в отношении корабельного состава, так и, в особенности, в отношении крепостного оборудования, он был готов оказать максимум сопротивления даже в первые дни войны. Тщательность разработки операции, вполне точные и определенные задачи отрядов, хорошая тактическая подготовка боя на главной позиции, не оставлявшее никаких сомнений, наличие твердой воли и решимости у командующего флотом, адмирала Эссена

соответствующее направление боевых устремлений всего личного состава—давали основания предполагать, что лишь ценой крупных потерь немцы могли бы осуществить прорыв в Финский залив, и что Балтийский флот оправдал бы возлагавшиеся на него надежды.

В дальнейшем, энергичное усиление обороноспособности главной позиции в виде возведения новых батарей и постановок новых мин. заграждений, усиление судового состава флота вновь выстроенными и вступившими в строй кораблями, все совершенствующаяся подготовка эскадры для боя,—в еще большей степени затрудняли противнику выполнение операции прорыва.

Когда вступили в строй „дредноуты“ 1-й бригады линейных кораблей, а затем были закончены 12″ и 8″ башенные батареи Наргена, Вульфа и Маколото (1916—17 г.), когда была оборудована Передовая позиция—прорыв германского флота в глубину Финского залива уже был сопряжен с риском потери большей части его судового состава, и операция эта со стороны немцев была бы стратегическим абсурдом.

Таким образом, с точки зрения главной задачи, поставленной Балтийскому флоту, он не только выполнил свое назначение, но дал больше, чем от него ожидалось: он позволил убрать первоочередные войска с побережья Финского залива, из Финляндии и с подступов к Петрограду и отправить их на фронт; дал уверенность в безопасности тыла и района столицы, приняв на себя их защиту, и до конца войны лишь упрочивал положение обороны этих направлений.

Но наступление в Финский залив, а тем более прорыв флота с десантом—не входили в намерения германского главного командования. Германский флот был сосредоточен на Северном мере против Английского флота. На Балтийском море действовали лишь вспомогательные морские силы, менее всего способные угрожать Финскому заливу. Наоборот, они старались утвердить русских в их предвзятой идее о неизбежности германского десанта, приковать их внимание к Финскому заливу, которому, по существу, никто не угрожал.

Русский план морской кампании не ответил действительности, и русский флот, подобно тому, как и в прошлые войны, был поставлен перед фактом отсутствия сложенных идей для новой обстановки, развернувшейся перед ним с того момента, как только начало выясняться отсутствие у немцев намерения предпринимать решительные операции против Финского залива.

Это был снова кризис, тем более опасный, что в предидущих кампаниях он фактически вызывал полный оперативный паралич командования.

До сих пор цель Балтийского флота—защита входа в залив—была ясна, понятна; подготовка его во всех отношениях

освещалась прежде всей этой задачей. Теперь же требовались новые идеи, новые решения.

Если ранее со стороны различных командных инстанций, в том числе и со стороны военно-сухопутного ведомства, эта цель, очевидная сама по себе, встречала признание, то в новой обстановке уже не было столь единодушно признанной и столь же важной другой цели.

На второй-третий месяц войны мы наблюдаем раскол в кругах, направлявших деятельность флота, на почве различного толкования его дальнейших задач. Раскол, в котором вновь начинают выкристализовываться две основных точки зрения: одна—заключающая в себе стремление к активной обороне, т. е. к перенесению операций флота в открытое море, навстречу противнику, другая—идея пассивной, местной обороны, сводящаяся к утверждению первоначальной задачи флота—защите его силами „подступов к столице"—и только. Все носящее активный характер, как сопряженное с риском потери судов и ослабления состава флота, откидывается, как не целесообразное с точки зрения этой главной задачи.

В дальнейшем оба течения вступают между собой как бы в борьбу, но впродолжение всей войны последняя точка зрения получает явное преобладание, и те активные действия в море, которые выполнены флотом, приходится рассматривать как исключение из общего хода оперативной мысли, направляемой прежде всего идеей пассивной, местной обороны.

Из изложения событий войны нам ясны группировки лиц и ступеней командования между той и другой точкой зрения.

Ставка и командование VI армией, которому в первое время войны был подчинен флот, упорно и последовательно стояли на необходимости не выходить за пределы задачи обороны Финского залива, к которой затем (но уже без права использования главных сил) была придана оборона фланговых позиций Або-Аланда и Моонзунда. Им чужды и неясны были перспективы операций в открытом море, тогда как оборона этих районов давала вполне осязаемый результат, страхуя устойчивость общего положения на фронте.

Противоположные тенденции нашли яркого выразителя в лице Н. О. Эссена, который всю свою энергию употребил на то, чтобы вырваться из этих сковывающих уз, лишавших возможности использовать флот в целях активной борьбы в открытом море и у неприятельских берегов.

Но был ли у Эссена вполне определенный план борьбы с противником на море? Преследовал ли он при этом крупные стратегические цели, или же его деятельность явилась следствием просто известного порыва к активности, того порыва, который мы наблюдали и в ранее рассмотренных кампаниях среди отдельных начальников, в том числе и Корнилова?

Несомненно, в начале войны такого плана не было. Пока родился заградительный план 1914 г., прошло несколько месяцев совершенно беспочвенного искания. К этому времени относится ряд выходов в море либо с сомнительными, с точки зрения стратегической целесообразности, намерениями (напр. шведская операция), либо с задачами тактического характера (нападение на дозорные суда противника), либо, наконец, без иной цели, кроме морального воздействия (выход Эссена на „Рюрике" с „Палладой"). В этот период мы видим, как командующий флотом, не имея никаких стратегических директив, но в то же время сознавая, что обстановка допускает активные действия в море, сам пытается ставить себе задачи, сам ищет приложения остающихся в бездействии сил.

План 1914 года явился завершением и стратегическим оформлением этих активных попыток. Но он не исходил от высшего командования. Наоборот, как видно из истории, Эссену, путем большой борьбы, принимая на себя величайшую ответственность, действуя зачастую наперекор желаниям ставки, удалось, и то частично, настоять на его выполнении. Эта не была цель, поставленная флоту, а это была одна из возможностей, использованных флотом по инициативе его командования.

Совершенно тем же порядком флот пришел к идее расширения его оперативной зоны путем включения в нее передовых районов. Также на самом флоте был выработан грандиозный план оборудования прибрежной обороны, который дал возможность охватить сетью батарей береговую линию от Ботнического залива и до Цереля. Правда, эти начинания не встречали сопротивления со стороны высших инстанций, так как непосредственная защита берегов, не вызывающая никакого риска от флота, была им более близка и понятна. Но все же, и это важно отметить, расширение оперативной зоны не было указано в виде поставленной флоту цели, а явилось следствием использования тех же открывавшихся возможностей.

Таким образом, благодаря исключительной энергии Эссена, но никак не вследствие ставившихся флоту верховным командованием задач, флот в течение 1914 года вышел из того тупика, в котором он оказался вскоре после начала войны, когда план кампании и данные директивы оказались несоответственными действительной обстановке. К этому следует еще прибавить, что основным условием обстановки этого года было отсутствие решительных операций со стороны противника, который всю свою деятельность ограничил лишь демонстративными операциями.

В начале 1915 года Эссен умер—событие, значение которого для Балтийского флота мы отметили. Вместе с тем,

существенно изменилась и обстановка: немцы начали наступление, отбросив нашу армию к Риге.

Флот начинает кампанию операцией сомнительной стратегической ценности (операция 1-й бригады крейсеров) с целью морального воздействия на противника,—операцией, представляющей следующую попытку реализовать имеющийся порыв активности. Затем, силой обстановки все внимание флота приковывается к Рижскому заливу, и для обороны последнего ему даются директивы ставки.

Но операции в Рижском заливе носят пассивно-оборонительный характер. В открытом море флот, попрежнему, не имеет определенной активной задачи от высшего командования. Деятельность его в этом направлении проходит в частных операциях подводных лодок и миноносцев. Наблюдаем попытки оживить план 1914 года, но обстановка тому не благоприятствует, и он выливается в ряд оборонительных заграждений в районе подходов к Рижскому заливу.

В общем, роль флота в этой кампании строго пассивна.

В 1916 году произошла отмеченная нами крупная реформа в организации командования морскими силами, теперь подчиненными ставке непосредственно. Командующему флотом предоставлена „полная мочь“ и дано право пользоваться всеми силами флота для активных целей. Даны все возможности, но не дано—крупной и определенной цели.

Мы вновь застаем командование флотом как бы в тупике, ибо оно не находит задачи для себя. Нет идей. Ставка ждет, что таковые родятся на самом флоте, как то было при Эссене. Она считает, что сделала свое дело (собственно не ставка, а морской штаб ставки), дав командующему средства; она дальнейшего ждет от Канина, который, как и его штаб, не видит перед собой объекта для активных операций. Не видит их и ставка.

Кампания прошла фактически при полном почти бездействии главных сил флота. Канин не оправдал надежд, он слишком поддался тем тенденциям пассивной осторожности, которые систематически „угашали дух“ на флоте втечение предыдущих лет и которые исходили прежде всего из ставки. Причину неиспользования флота увидели не в отсутствии директив флоту, а в недостаточной энергии самого Канина. Его убрали; вместо него назначили известного своей энергией Непенина, который, однако, тоже не мог найти применения главным силам флота, ибо тоже не имел директив и задач.

А между тем, именно в 1916 году была обстановка, при которой флот мог быть использован самым широким и плодотворным для всей войны образом. Мы говорим про несостоявшуюся операцию десанта на Рижское побережье, с кото-

рым одно время связывались надежды отбросить назад левый фланг германского фронта и открыть путь для наступления нашим армиям северного фронта к В. Пруссии. Сухопутный исследователь этих предположений (Н. А. Данилов. „Смешанная операция в Рижском заливе“) указывает на полную готовность флота к осуществлению задуманной операции, на ту действительно большую помощь, которую он мог оказать при этом, и от которой ставка, полагая операцию рискованной и не находя в себе решимости рисковать, отказалась.

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что идея активного использования флота была чужда русской стратегии в мировую войну, по крайней мере на Балтийском море. Она не давала флоту определенных задач, не питала военное творчество морского командования практическими идеями. Все, на что она была способна,—это к директивам, обязывающим избегать риска, сковывающим его деятельность лишь условиями местной, чисто пассивной обороны, при которой основные стратегические свойства флота, столь выгодно отличающие его от прибрежных крепостных сооружений, не могли найти себе должного и широкого применения, даже несмотря на обстановку, тому благоприятствовавшую не раз.

В этом смысле кампания на Балтийском море укладывается в той же плоскости, как Русско-Японская и Крымская, отличаясь только тем, что командование флотом, настроенное и склонное к активной деятельности, иногда само находило условия, допускавшие выразить таковую в отдельных, по собственному почину им предпринятых, операциях. Условия, для которых обстановка прошлых войн была неблагоприятна.

Невольно возникает вопрос: почему, когда армия наша напрягала все усилия, страна мобилизовала все средства, чтобы бросить их на борьбу на фронте—для флота не находилось других задач, кроме охраны направления, которому никто не угрожал, и сама возможность решительных операций на котором со стороны противника признавалась, в конце концов, мало реальной?

Может быть, действительно таких задач не было для флота, и тот факт, что их не старались изобретать, чтобы дать флоту возможность „проявить деятельность“, предпочитая довольствоваться использованием его для охраны тыла,—задачи многого не требовавшей, но все же важной—свидетельствовал лишь о благоразумии верховного командования?

Нет. Такие задачи были. Но они располагались в стороне от узко-сухопутного русла, по которому текла наша руководящая стратегическая мысль, уже давно игнорировавшая проблемы морской войны, ограничивавшаяся рамками сухопутных операций, возлагавшая все расчеты исключительно на

армию, для которой флот являлся лишь придатком, назначение коего обычно оставалось неясным.

На некоторые из этих задач мы указали: прекращение морских сообщений Германии со Швецией в пределах Балтийского моря, переброска десанта на Курляндское побережье, борьба с противником на море с целью препятствовать противнику, связанному на Северном море английским флотом, в осуществлении каких бы то ни было операций крупного масштаба, угрожавших безопасности побережья вообще, флангам армии—в особенности, и других операций, связанных с ведением активной обороны вообще.

Но были и другие, гораздо большего масштаба возможности при иной оценке значения морских театров нашей сухопутной стратегией. Они мыслились в области согласования действий нашего и английского флота, в выработке общей идеи морской кампании, которая могла бы не только замкнуть северную часть блокадного кольца Германии, но и открыть перспективы перенесения военных действий на ее прибрежные области.

Возможно, что реальные условия войны не позволили бы осуществить их в столь широких пределах, как это мыслится сейчас, но важно отметить, что со стороны русского верховного командования даже не возникало никаких запросов в этом смысле к английскому адмиралтейству, не было и попыток искать в этом направлении путей для решения задач войны.[1]

В Крымской, Русско-Японской и Мировой войнах морские кампании направлялись стратегической мыслью, в которой не было цельного представления об идеях использования флота, и последний каждый раз, как это мы старались доказать, оказывался без руководящих идей.

С другой стороны, опыт этих войн указывает, что тому не было причиной отсутствие морского персонала в числе руководителей войны. Наоборот: ответственным руководителем и главнокомандующим в Крыму в войну 1854—55 г. был Меньшиков, который перед этим, несмотря на то, что он не был моряком по образованию, все же почти 20 лет был во главе морского ведомства и его фактическим распорядителем; уже поэтому он не был чужд флоту. В Русско-Японскую войну главнокомандующим был адмирал Алексеев — моряк. В мировую войну морские управления при фронтах, а к концу ее морской штаб верховного главнокомандующего, пользовались большой самостоятельностью и авторитетом в отноше-

---

[1] Ставка несколько раз обращалась к английскому адмиралтейству о содействии английским флотом, но ее пожелания не шли дальше просьб о присылке нескольких подводных лодок или о производстве английским флотом диверсии для отвлечения германских главных сил от Балтийского моря.

нии возможности проводить свои взгляды. Дело было не в том, что моряков не хотели слушать и признавать, а в том, что и они усваивали себе тенденции узко-сухопутной стратегии, подчиняя ей свою мысль.

Два фактора играли в судьбе флота роковую для него роль. С одной стороны, специфически-сухопутный характер стратегии военного ведомства, исключающей морскую войну из круга своего исследования, а с другой — младенческое состояние стратегии морского ведомства, бедной идеями, жалкой содержанием.

Единой же стратегии, охватывавшей войну во всем ее масштабе, как на сухопутных, так и на морских театрах, не было, как нет ее и по сей день.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Операции Черноморского флота в Мировую войну.

Говоря о боевых операциях на Черном море, нам приходится говорить о работе стратегии как раз на том театре, который являлся ареной самых заветных целей русской политики—путем к Константинополю и проливам, а дальше—к Средиземному морю.

Самый характер политической цели определял задание стратегии—наступление на проливы. Логическим развитием ее являлся бы план кампании, в котором эта политическая цель служила бы в то же время и стратегическим объектом.

Влияние политики здесь должно было быть особенно непосредственным, так как каждая операция, в пределах путей к этой цели, являлась в то же время и шагом, имеющим глубокое политическое значение.

Россия преследовала агрессивные цели в отношении Турции. Ее политика была проникнута наступательной идеей. Ее требования к стратегии сводились к тому же, к осуществлению, прежде всего, наступательной войны. Следовательно, последняя питалась активной идеей, и в этом была существенная разница между политическими заданиями флота здесь и в Балтийском море, где оборона—была главнейшей тенденцией как политики, так и стратегии. Если командованию Балтийским флотом во время войны приходилось, как видно из предыдущих глав, самому выступать и бороться против идеи обороны, то командованию Черноморским флотом эта задача была не только облегчена, но наоборот, она всецело сообразовалась с господствующими тенденциями.

Но помимо задач, ставящихся политикой, самый характер, качество политики, т.-е. искусство дипломатии, имеют крупнейшее значение для стратегии.

В опубликованных документах о работе русской дипломатии в предвоенный период мы можем получить богатейшую иллюстрацию этому качеству русской политики на Ближнем Востоке, совершенно несообразованной не только с тре-

бованиями стратегии, но и с положением России в те годы вообще.

Активная цель, о которой было говорено выше, была в значительной мере дискредитирована авантюризмом, частой переменой курса, шатанием основных идей, которые так печально характеризуют работу русского министерства иностранных дел в предвоенный период.

В нашей книге, на которую мы часто ссылаемся („Подготовка России к мировой войне на море"), отмечено это шатание с 80-х годов, когда вопрос о Босфоре не сходил с очереди, но от него делались постоянные отступления в силу других тенденций, получавших случайное преобладание в нашей внешней политике. Уже одно это должно было сказаться на стратегии, лишая ее устойчивости задач.

В тот период, когда Россия переживала тягчайшие затруднения по ликвидации последствий русско-японской войны и была терзаема кризисом внутренне-государственных осложнений, когда уже надвигался призрак революции, министерство иностранных дел выступило с попыткой решения босфорского вопроса „дипломатическим путем". Извольский поставил вопрос о праве свободного прохода русских судов через проливы, затеял сложную игру, несомненно рискуя миром, столь необходимым для государства в тот период, не имея за собой никакой возможности подтвердить свои требования вооруженной силой. Эта игра велась даже без запросов к стратегии, при чем игнорировалась неготовность Черноморского флота к войне и откладывались программы усиления его состава.

Дипломатическое поражение России было естественным следствием такой политики. Розданные авансом согласия на компенсацию Австрии (за согласие на разрешение вопроса о проливах в духе домогательств России) Боснией и Герцоговиной, Италии—Триполи, не дали успешного результата, только запутав и осложнив общее положение в Европе. Балканский блок, образованный при поддержке России и обратившийся угрозой против нее же, неудачные выступления с целью заручиться поддержкой Англии и Франции—все, в целом, лишь туже затянуло узлы антигерманской коалиции, бесповоротно втянув Россию в мировую войну. В отношении же приведения в боевую готовность наших вооруженных сил на Черном море эта политика не имела никакого результата.

Россия тридцать лет не была так слаба на Черном море, как в 1914 году, но политика давно не ставила так категорически босфорской проблемы, как именно накануне этого года.

Разница между тенденциями политики и стратегии вырисуется еще глубже, если проследить, как наряду с активным

стремлением политики складывался и формировался пассивный уклон, воспитывались оборонительные тенденции в самом флоте, в кругу его командования, разрабатывавшего стратегические планы. Обе идеи—активная и пассивная, с точки зрения которых мы исследовали кампанию на Балтийском море, здесь также нашли своих выразителей. Но пассивная идея, в противоположность положению на Балтике, гнездилась прежде всего в стратегических предпосылках и в самом командовании Черноморским флотом.

Какие же условия складывали эту пассивно-оборонительную тенденцию?

Первым условием было соотношение сил, вторым—общая стратегическая обстановка на русском театре войны и, наконец, третьим—личные взгляды командования Черноморским флотом.

Соотношение сил.

Мы упомянули уже, что политика России не была сообразована с наличием сил на Черном море. Черноморский флот слабел с каждым годом, по мере устарения его боевых средств и непополнения таковых вновь выстроенными кораблями. Фактически, к моменту начала войны в составе Черноморского флота были лишь слабые суда, частью стареющие, частью совершенно устарелых типов.

До 1910 года Россия ограничивалась достройкой кораблей, заложенных на Черном море еще в период русско-японской войны („Св. Евстафий“, „Иоанн Златоуст“ по 13.000 *т*). Неизвестно, когда был бы поставлен реально вопрос о новом судостроении, если бы не обнаруженное Турцией желание воспользоваться слабостью русского флота и упредить его дальнейшее усиление постройкой собственных современных боевых кораблей.

В Турции после Русско-Японской войны, ввиду ослабления России, созрело сильное течение за восстановление черноморского турецкого флота, момент для которого почитался вполне благоприятным. Турция начала переговоры о покупке в Англии дредноутов, строящихся для Бразилии, от которых последняя отказывалась. Это радикальным образом изменило бы соотношение сил на Черном море в пользу Турции.

Только тогда, когда сведения о предстоящем усилении турецкого флота достигли до русского правительства, был поставлен срочно, в экстренном порядке, вопрос об усилении Черноморского флота. Обсуждение Балтийских программ было приостановлено и были экстренно заложены на Черном море три дредноута („Имп. Екатерина II“, „Имп. Мария“, „Александр III“), 9 миноносцев новейшего типа и 2 легких крейсера („Лазарев“ и „Нахимов“). Затем, весной 1914 года, были заложены: линейный корабль („Николай I“), еще два крейсера („Истомин“ и „Корнилов“) и подводные лодки.

Выполнение этих программ восстановило бы соотношение сил в пользу России, но постройка скоро не могла быть закончена: она опаздывала в сроках сравнительно с турецкими судами, строившимися в Англии и уже в 1914 году долженствовавшими вступить в строй. Наши же новые линейные корабли и крейсеры могли быть закончены в период 1915—1917 гг.

Таким образом, до вступления наших новых судов в строй, турецкие корабли господствовали бы над морем. 1914 год в этом отношении был критическим годом.

Вступление в войну Англии повлекло за собой задержание, а затем включение в состав английского флота обоих строющихся для Турции дредноутов. Но зато Германия усилила флот турок присылкой линейного крейсера новейшей постройки „Гебен" и легкого „Бреслау". Корабли эти прорвались в Дарданеллы еще до вступления в войну Турции.

Таким образом, к началу войны с Турцией, соотношение сил на Черном море было таково:

А. Линейные корабли.

Русские.

	Число орудий на борту				Броня		Ход
	12″	10″	8″	6″			
„Евстафий"	4	—	2	6	9″		16
„Златоуст"	4	—	2	6	9″		16
„Пантелеймон"	4	—	—	8	9″		16
„Ростислав"	—	4	—	4	11″	(стар.)	15
„Три Святителя"	4	—	—	7	18″	„	15
	16	4	4	31			

Турецкие.

	11″ (нов.)	11″ (стар.)	6″			
Лин. кр. „Гебен"	10	—	4	11″		27
„Барбаросса"	—	6	—	16″	(стар.)	17
„Рейс"	—	6	—	16″	„	17
	10	12	4			

Из этой таблицы видно, что русские линейные корабли уступали противнику в количестве тяжелой артиллерии, являвшейся главным вооружением судов этого класса. Один „Гебен" фактически мог сражаться с тремя сильнейшими русскими судами, превосходя их качеством своей артиллерии (как более современной) и имея крупное преимущество в виде сосредоточения всей артиллерии на одном его борту.

Главным недостатком нашего линейного флота был малый ход 15—16 против 17 и 27 узлов. Это имело глубочайшее

влияние на весь ход операций на Черном море и предопределило передачу в руки противника стратегической и, в особенности, тактической инициативы. Наш флот не мог догнать германо-турецкого, а в бою он был затруднен выбором выгодных тактических условий. „Гебен“ с его 27-узловым ходом фактически являлся хозяином положения на Черном море, будучи неуловимым для русских сил, обязывая их выполнять свои операции всегда соединенно, ибо каждой отдельной части он мог противопоставить силы, ее превосходящие.

Его ход превосходил даже ход русских крейсеров.

Что касается прочих судов, крейсеров и миноносцев, то их данные показаны на следующей таблице:

Крейсеры.

Русские		Турецкие	
„Кагул“	8—6″, 23 уз.	„Бреслау“	6—4″, 27 уз.
„Очаков“	8—6″, 23 уз.	„Меджидие“	2—6″, 4—4″, 22 уз.
		„Гамидие“	2—6″, 4—4″, 22 уз.

Миноносцы.

5 типа „Новик“	3—100 *мм* 35 уз.	4 нового типа	35 уз.
13 стар. типа	25 уз.	4 старого типа	28 уз.

Здесь преимущества в отношении миноносцев новейшей постройки были на стороне русского флота. Это раскрывало бы широкие перспективы для их использования, но последние парализовались двумя обстоятельствами: 1) отсутствием достаточно быстроходных крейсеров, которые могли бы обнаружить противника; 2) условиями атаки неприятеля в его порту, прикрытом хорошо укрепленным Босфором.

Но преимущество в миноносцах, наряду с крупными недостатками линейных сил, в общем итоге не меняло соотношения, устанавливаемого последними.

Оборудование театра Черного моря.

Следующими данными, определяющими стратегическое положение нашего черноморского флота, являлись свойства и оборудование его театра.

Черноморский театр нами уже описан в главе I, при изложении обороны в Крымскую войну. В условиях мировой войны те же его свойства имели аналогичное влияние на ход военных действий. База—попрежнему в Севастополе, удаленном от Босфора. За протекшие 50 лет другой базы, более придвинутой к последнему, оборудовано не было.

Не было также подготовлено политического соглашения с Болгарией и Румынией о предоставлении нашему флоту возможности пользоваться их бухтами в качестве маневренной базы при действиях против Босфора.

Следовательно, флот попрежнему был затруднен наблюдением и блокированием Босфора, так как для пополнения запасов он должен был уходить в далеко стоящий Севастополь и прекращать на это время операции в море.

По сравнению с Крымской войной, разница была лишь в том, что современный паровой флот еще менее самостоятелен, еще в большей зависимости от питающих баз, в особенности в смысле пополнения запасов топлива.

Оборудование театра состояло из главной базы—в Севастополе, судостроительной базы—в Николаеве, укреплений Очакова и батарей в Керчи и в Батуме.

Севастополь перед войной был перевооружен, но недостаточно. Его орудия не превосходили 10″, что не обеспечивало порт и флот от дальнего морского бомбардирования. Новые батареи (12″/52 кал.), во время войны закончены не были. Флоту постоянно приходилось считаться с необеспеченностью своей базы.[1]

Очаков и Батум существовали в полуупраздненном состоянии. На их уничтожении настаивало военное ведомство, руководствуясь общим стремлением сокращения числа крепостей. Больших трудов морскому министерству стоило задержать осуществление этой пагубной меры, которая делала свободным для противника подход к Николаеву и лишала бы флот единственной более или менее защищенной маневренной базы для действий в районе кавказско-турецкой границы Батума.

В Керчи, собственно, крепости уже не существовало, лишь временная батарея прикрывала вход в Азовское море.

Недостаток сил, дурно оборудованный театр, неудобное расположение баз—для ведения операций против Босфора—характеризовали положение русского флота на Черном море очень трудным к моменту начала войны.

Командование флотом, поскольку оно не было склонно к активности и мысль его устремлялась в сторону оборонительных побуждений, здесь, в самом анализе условий, в которые был поставлен черноморский флот, черпало новые и веские аргументы для обоснования оборонительной тенденции, казалось, так невяжущейся с идеями наступательной политики.

---

[1] Необеспеченным являлся и Николаев, главный судостроительный порт, в котором строили наши новые суда. Выбор судостроительного порта в Николаеве сам по себе представляется решением не вполне удачным, считаясь с возможной угрозой Николаеву противника со стороны Румынского фронта. Гораздо более удачно было бы расположение судостроительного порта в Мариуполе, который помимо того, что более обеспечен, является, в то же время, более удобно расположенным относительно месторождения угля и близости промышленного района Донецкого бассейна.

Но оно получало еще новые, еще более убедительные влияния, которые должны были и дальше гасить наступательные стремления, если бы таковые даже и были.

Это все в той военно-политической обстановке, которая сложилась на Черноморском театре к моменту начала войны.

Как известно, Турция не сразу объявила войну России. Она вступила в нее несколько месяцев спустя после начала действий между Россией и Германией (14 октября 1914 года). Втечение этого времени ее положение оставалось неопределенным.

Первые недели мировой войны вызвали необходимость сосредоточения всех сил России на западном фронте, против Австрии и Германии. Вступление в войну Турции знаменовало собой образование нового фронта, требуя соответственного количества войск на Кавказе. Это несомненно отразилось бы на прочности нашего положения на западной границе, и Турцию надо было удержать от вступления в войну. Такая директива и была дана от ставки министерству иностранных дел.

Россия в этот период делала большие усилия, чтобы предупредить выступление Турции, она забила, если можно так выразиться, „полный отбой“ всей предыдущей политики в ближне-восточном вопросе, вплоть до отказа от каких-либо посягательств на проливы, и предложения Турции гарантии ее неприкосновенности.

Но Черноморскому командованию флотом не надо было слишком напоминать о необходимости осторожности и избежания рискованных поступков, могущих осложнить политическое положение. Оно само было склонно к обороне, и его планы таковую предусматривали в первую очередь.

Идея планов Черноморского флота перед мировой войной.

Морским генеральным штабом было предположено три варианта плана:

Первый—для 1913/14 г.г., при превосходстве нашего флота над турецким (без „Гебена“), предусматривал наступление главных сил к Босфору для его блокады и боя с флотом противника, в случае попытки его выйти в море.

Второй—для наиболее невыгодного нам периода 1914/15 г.г., при превосходстве турецкого флота, в состав которого должны были вступить два линейных корабля типа „дредноут“. Он предусматривал *оборону нашего флота на подготовленной позиции* с переходом в наступление, в случае ослабления туруцкого флота.

Наконец, третий вариант плана — для периода времени после 1916 года, при превосходстве нашего флота, в связи с вступлением в строй бригады линейных кораблей типа „Императрица Мария“, предусматривал энергичные наступательные действия против Босфора, с целью его прорыва.

Но ни один из вышеперечисленных планов войны не мог быть приведен в исполнение в точности, впредь до полного

выяснения обстановки на Черном море, вследствие чего окончательное установление плана военных действий на Черном море было предоставлено командующему Черноморским флотом, адмиралу Эбергарду.

Это, с одной стороны, развязывало руки и предоставляло инициативу Эбергарду, а с другой стороны характеризовало отсутствие вполне сложившихся идей и в самом генеральном штабе. Черноморскому флоту была поставлена условная задача и не дано определенного указания для составления плана кампании.

В результате, план кампании Черноморского флота на случай войны в Черном море, составленный в 1914 году, отражал в себе всю неопределенность заданий и ряд противоречий, которые не могли, в целом, дать определенную идею, столь же отчетливую, как это мы видим в плане Балтийского флота перед мировой войной.

С одной стороны, в нем мы видим стремление к активным операциям („получить господство на море", дабы этим надежно защитить наши берега, освободить армию от обороны берегов, прикрыть ее тыл и дать возможность перевозить войска морем для усиления Кавказской армии, прервав морские сообщения противника). С другой—находим и такую мысль: „для России занятие Константинополя и проливов решало бы весь многовековый ближне - восточный вопрос, но не имея на это, по крайней мере в начале войны, сил, Россия в 1914 году принуждена ставить себе целью только оборону берегов...".

И эта последняя точка зрения получила развитие в плане на 1914 год.

Таким образом, все обстоятельства, как то—соотношение сил, особенности театра, политическая обстановка и, наконец, личные убеждения командующего Черноморским флотом,—все это, в целом, сложило оборонительную тенденцию, как главную, в планах командования на первоначальный период войны. Случилось так, что несмотря на агрессивную политику России, не смотря на то, что захват Константинополя и проливов был виднейшим стимулом для войны, оборона берегов явилась руководящей мыслью подготовки к кампании на Черном море.

План Черноморского флота предусматривал бой с противником, в случае приближения его к нашим берегам, на заранее подготовленной позиции.

Иначе говоря, та же идея, что на Балтийском море, была приложена и здесь, в совершенно другой обстановке, при совершенно ином соотношении сил.

Позицию предполагалось устроить в районе Одесского залива на направлении, казавшемся командованию особенно угрожаемом: Одесса—Николаев. Флот должен был сосредо-

точиться в Севастополе и ждать подхода противника, чтобы здесь в благоприятных для себя условиях дать ему бой.[1]

Эту операцию Черноморское командование почитало главной и, повидимому, не слишком задумывалось над тем, что германско-турецким силам невыгодно в этой обстановке искать боя, так как преимущество их перед русским флотом было слишком (в артиллерийском отношении) не велико, чтобы итти на риск одновременного прорыва минного поля и открытого боя с линейными судами.

Активные действия предусматривались в виде обеспечения помянутой главной операции постановкой минного заграждения у Босфора и ведением разведки в море.

Общий обзор операции Черноморского флота в кампанию 1914 г.

Как выше сказано, после начала войны с Германией, русское министерство иностранных дел делало попытки оттянуть или устранить вовсе вступление в войну Турции. Это нашло себе отражение в директивах командующему Черноморским флотом, коему было преподано „избегать явно агрессивных мероприятий, могущих послужить поводом для вступления Турции в войну“. При этом министр иностранных дел, в согласии с мнением наших союзников, сообщил адмиралу Эбергарду о том, что с политической точки зрения представляется нежелательным, чтобы инициатива разрыва с Турцией исходила от нас.

На основании этого командующий Черноморским флотом составил план действий, тогда же утвержденный ставкой, по которому „флот, сосредоточившись в Севастополе и будучи в постоянной боевой готовности, занимает, впредь до новых указаний, выжидательное положение, имея негласное наблюдение за Турецким флотом при посредстве пароходов, совершающих рейсы между нашими портами и Константинополем“.

---

[1] Мы не касались военных действий на западном театре войны, но нельзя не обратить внимания на аналогии:

Черноморский флот ждет решительного боя в районе своих баз, в обстановке, противнику заведомо невыгодной.

Балтийский флот ждет решительного боя на Центральной позиции.

Германский флот сосредоточен в районе Гельголандской позиции и ждет наступления англичан.

Английский флот—по плану 1914 года, составленному адмиралом Джеллико, ждет выхода немцев в северную часть моря, и здесь вблизи собственных баз предполагает ему дать решительный бой.

Никто не ставил себе целью бой в открытом море, поиски противника для этой цели.

Однако, уже к середине августа обстановка переменилась: германские крейсеры „Гебен“ и „Бреслау“ прошли Дарданеллы.

Этим установилось явное преимущество на стороне Турецкого флота.

Принимая во внимание, что уничтожение „Гебена“, обеспечивая за нами неоспоримое преимущество на Черном море, могло бы удержать Турцию от выступления, командующему флотом 18 августа, по соглашению с министром иностранных дел, было разрешено, в случае появления „Гебена“, „действовать по усмотрению“, дабы использовать могущую выгодно для нас сложиться тактическую обстановку встречи с неприятелем. Во исполнение этого, флот дважды в сентябре крейсировал в полном составе в западной части моря, но оба раза не встретил турецких судов.

Разрешение „действовать по усмотрению“ было дано не надолго. Опасение раздражить Турцию взяло верх, и министерство иностранных дел сочло даже самый факт крейсерства Черноморского флота в море угрожающим для нее предлогом. Прошлая директива была отменена и дана новая: „не искать встречи с турецким флотом, если он не займет явно угрожающего положения“.

Во исполнение этого приказания, Черноморский флот до войны с Турцией выходил в море лишь с учебными целями, не удаляясь от Севастополя дальше, чем на 60 миль, и, конечно, уже не ища встречи с „Гебеном“.

Таким образом, директивы Черноморскому флоту оставались до последнего момента неопределенными.

В результате этих директив создавалась обстановка, весьма напоминающая начало русско-японской войны, когда флот до последнего момента не знал, будет ли война, а директивы свыше — поддерживали уверенность в возможности избежать ее.

Командующий же флотом Эбергард не проявлял в этом отношении сомнений и спокойно ожидал новых директив, не предпринимая должных мер на случай внезапного начала войны.

Между тем, казалось бы, именно ему, бывшему флаг-капитану русской эскадры в Порт-Артуре, ответственному свидетелю атаки японцев 26 января 1904 года, следовало особенно учитывать опасность внезапного нападения неприятеля, и от него более, чем от кого либо, можно было требовать мер, исключающих возможность неприятелю застигнуть врасплох наш Черноморский флот.

Начало войны. 15 октября 1914 года, вернувшись из учебного плавания в Севастополь, командующий флотом получил телеграмму о решении Турции начать войну. В то время флот, за исключением вспомогательных

судов, находился в Севастополе (вне Севастополя были: заградитель „Прут", посланный в Ялту за расположенной там войсковой частью, которую он к рассвету 16-го должен был доставить в Севастополь; в Одессе—кан. лодка „Донец" и заградитель „Бештау", в Батуме—загр. „Дыхтау" и вооруженный пароход „Березань").

В ночь с 15 на 16 октября, в $3^1/_2$ ч. утра—три турецких миноносца внезапно атаковали в Одесской гавани канонерскую лодку „Донец", которая затонула от попавшей в нее мины.

В $6^1/_2$ часов утра „Гебен" подошел к выходу из Севастопольской бухты, прошел через крепостное минное заграждение, бывшее в этот момент не замкнутым, [1] сделал несколько залпов по рейду и батареям (последние отвечали) и повернул в море. На пути встретил возвращавшийся из Ялты „Прут", обстрелял его. „Прут" был затоплен своей командой, так как при продолжении боя, являлась опасность взрыва мин, находившихся на его борту. В тот же день на рассвете турецкие крейсеры бомбардировали Новороссийск и Феодосию.

Таким образом, картина внезапного нападения на Порт-Артур через 10 лет была воспроизведена с поразительной точностью. Отсутствие должных мер охранения, дурная организация рейдовой службы как тогда, так и теперь обусловили первый успех неприятелю.

Только к 3 часам дня флот мог выйти в море. У командующего возникло опасение, что противник поставил мины, выход флота задержался, пока фарватер не был протрален.

Три дня флот оставался в море, крейсируя в безуспешных поисках за „Гебеном", после чего вернулся в Севастополь.

Когда флот вышел, по приказанию Эбергарда на подходе к Севастополю было поставлено минное заграждение, не предусмотренное планом, из числа запаса мин, предназначавшихся для заграждения Босфора.

Директивы Черноморскому флоту.

По получении в ставке известий о нападении турецкого флота, адмиралу Эбергарду была предоставлена полная свобода действий и было указано, что главной его целью является воспрепятствование неприятельскому десанту, который, по имевшимся сведениям, подготовлялся в Константинополе.

Слухи о десанте являлись несомненно ложными, так как ни обстановка, ни наличные силы турок не давали основания рассчитывать на возможность такового.

---

[1] Заграждение замкнуто не было потому, что ждали возвращения с моря „Прута". Когда же на батарее увидели неприятеля, то не рискнули включить без разрешения штаба командующего флотом. Пока спрашивали этого разрешения, прошло время, и „Гебен" уже вышел из загражденной зоны. Он не мог не коснуться мин, так как несколько раз пересек банки, и последнюю—прошел вдоль, причем вероятность взрыва была, очевидно, особенно велика.

В дальнейшем, сведения указывали на намерения турок произвести внезапную высадку в районе Одессы. Вследствие этого, Эбергарду было подтверждено, что главной целью Черноморского флота является воспрепятствование десанту вообще, и в районе Одессы в особенности, и было приказано принять меры наблюдения за противником (телеграмма 22 октября № 82).

Задача эта в полной мере разрешалась лишь путем приобретения, после решительного боя с противником, полного господства на Черном море. Но уже в ближайшее время после начала войны выяснилось, что противник (турецкий флот, оперировавший на Черном море, фактически состоял из линейного крейсера „Гебена", легких крейсеров „Бреслау", „Меджидие" и „Гамидие" и больших миноносцев, прочие суда в море не выходили, оставаясь на Босфоре в качестве поддержки береговых батарей), пользуясь своим преимуществом в скорости хода, избегает решительного боя, при чем наш флот, не имея в своем составе быстроходных крейсеров, не только лишен возможности нести за противником действительное наблюдение, но и не может парализовать деятельности турецких легких крейсеров.

При такой обстановке единственным средством принудить противника к решительному бою являлась бы тесная блокада Босфора, которая, вместе с тем, пресекла бы всякую его деятельность и на Черном море. Однако, тесная блокада Босфора не могла быть осуществлена, как вследствие того, что по близости него не было в нашем распоряжении удобного пункта для устройства блокадной базы, так и потому, что решительный бой у берегов противника, при отсутствии явного над ним превосходства в силах, представлялся опасным, ибо наши поврежденные в бою корабли могли бы не дойти до своей базы—Севастополя.

Вследствие этих соображений, деятельность Черноморского флота ограничивалась заграждением Босфора, обстрелом имевших стратегическое значение пунктов побережья и периодическим крейсерством в поисках противника, пользуясь случайными, преимущественно агентурными сведениями об его появлении в море.

Крейсерства Черноморского флота.

В первый поход, в ночь с 23 на 24 октября, с миноносцев было поставлено заграждение у Босфора, и 24 октября под прикрытием флота была произведена бомбардировка Зунгулдака с целью воспрепятствовать вывозу угля из Гераклийских копей, для которых последний был главным вывозным пунктом.

После этой операции, на обратном пути флот потопил несколько турецких транспортов, везших в Анатолийские порты продовольственные запасы и материалы для Анатолий-

ской армии. 25 октября, испытав по пути сильный шторм, флот вернулся в Севастополь; в тот же день крейсер „Бреслау“ бомбардировал Поти.

Следующий поход флота был направлен против Анатолийского побережья. 4 ноября флот бомбардировал портовые сооружения и здания в Трапезунде, а в ночь с 4-го на 5-е заградители поставили минные заграждения на рейдах Трапезунда, Платаны и Самсуна.

При возвращении в Севастополь, недалеко от берегов Крыма, флот встретил легкий крейсер „Гебен“ в сопровождении „Бреслау“. Туманная погода, неудобный строй флота и, наконец, неудачное командование им—лишали случая нанести существенное повреждение „Гебену“. После кратковременной перестрелки, последний, воспользовавшись своим преимуществом в ходе, вышел из опасной для него встречи.[1]

5 ноября русский флот вернулся в Севастополь; 8-го— крейсер „Гамидие“ бомбардировал Туапсе. 19 ноября флот вышел снова в море, в виду полученных сведений о выходе противника. 22-го—вернулся, а 25-го—крейсер „Бреслау“, показавшийся в виду Севастополя, обстрелял тралящий караван. 27-го „Гебен“ обстрелял Батум.

Такое чередование операций русского и турецкого флотов характерно для войны на Черном море не только в первое время, но и в последующие годы. Наш флот не имел непрерывного наблюдения за Босфором. Будучи лишен быстрой и надежной разведки, он мог только случайно встретить неприятеля, но и в этом случае, благодаря своему малому ходу, не был бы в состоянии принудить его к бою.

28 ноября командующий Черноморским флотом получил сведения, что турки предполагают высадить войска в районе Батума. Флот вышел и направляясь к Батуму, прошел вдоль Анатолийского побережья до Синопа и по 2-е декабря оставался в море, нигде не встретив противника.

Через несколько дней флот снова вышел в море, имея целью постановку минного заграждения у Босфора, и закупорку, путем затопления пароходов, Зунгулдакской гавани, дабы прекратить вывоз оттуда угля. Заграждение было поставлено, но вторая операция не удалась, вследствие появления у Зунгулдака неприятельских судов и возведенных турками новых морских батарей при входе на рейд.

Вслед за этим, 12 декабря, „Бреслау“, находившийся в море, обстрелял встреченные им наши миноносцы.

Таким образом, к середине декабря выяснилось, что сравнительно редкие и периодические выходы в море нашего Черноморского флота не препятствовали туркам снабжать

---

[1] Подробное изложение боя 5 ноября—см. нашу книгу „Два боя“, изд. Р. И. О. Морведа, 1926 г.

морем свою армию и подвозить к ней подкрепления через порты восточной части Анатолийского побережья, что, в свою очередь, способствовало развитию ее активных действий против нашей Кавказской армии.

Блокада Анатолийского побережья. Вследствие этого, адмиралу Эбергарду было приказано (20 и 21 декабря) прекратить морские сообщения с Анатолийским побережьем и не допускать высадки турецких войск в этом районе, для чего возможно дольше оставаться с флотом в открытом море.

Затем, 16 января, то же приказание было подтверждено, при чем предписывалось прекратить всякое сообщение противника по Черному морю впредь на две недели, каковой срок необходим для переустройства нашей Кавказской армии после Саракамышских боев.

Изложенное изменение первоначальной директивы в смысле перемещения главной задачи Черноморского флота из Одесского района в южную часть Черного моря было основано на том, что к этому времени вполне определенно выяснилось, что усилия турок на сухопутном театре войны сосредоточивались на Кавказском фронте, вследствие чего Одесский район уже не мог явиться для них объектом серьезной операции. Вместе же с тем, этот район к данному времени уже был прикрыт от второстепенных и случайных действий противника выставленным в Одессе большим минным заграждением, возведенными на побережьи временными батареями и сосредоточенным к побережью ополчением.

Во исполнение этих приказаний, начиная с 21 декабря и до начала февраля, адмирал Эбергард блокировал восточную часть Анатолийского побережья, при чем флот лишь на короткие сроки заходил в Севастополь для пополнения запасов, остальное же время крейсеровал в блокируемой зоне, центром которой являлся Трапезонд.

Во время этой блокады флот несколько раз обстреливал прибрежные пункты и порты, уничтожал сосредоточенные в них выгрузочные средства, потопил несколько пароходов и большое количество парусных судов, поддерживающих сообщение между Константинополем и Анатолийским побережьем. К концу 1914 г. пароходное и вообще регулярное сообщение противника с Анатолией было фактически прекращено, за исключением случайных, обычно малых, парусников, пробиравшихся вдоль берега.

Дальнейшие операции Черноморского флота. До весны 1915 года деятельность Черноморского флота протекала преимущественно в крейсерстве в море, поскольку позволяло состояние механизмов и условия погоды.

Вступление в строй новых подводных лодок дало возможность держать очередную лодку на подходе к Босфору,

Но эта деятельность не препятствовала, однако, турецким крейсерам периодически выходить из Босфора и производить налеты на отдельные пункты нашего побережья. Материальные результаты таких налетов были—ничтожны, но они производили сильное моральное впечатление на сухопутное командование и общественное мнение.

Сухопутное командование все время жило под гипнозом десанта. Это опасение не оставляло его и тогда, когда на Кавказском фронте завязалась тяжелая борьба, и когда при спокойном анализе обстановки было очевидно, что турки не в состоянии высадить десант в сколько-нибудь значительных размерах при наличии боеспособного Черноморского флота. Каждое появление неприятельских судов у русских берегов рассматривалось сухопутным командованием, как признак готовящегося десанта. Общественное мнение требовало более энергичных действий от морского командования по охране побережья. На этой почве складывалось сильное недовольство адмиралом Эбергардом.

Вступление в строй первого русского дредноута на Черном море — л. кор. „Императрица Мария" (июнь 1915 г.), следующих новых миноносцев (всего 9), а также новых подводных лодок (4)—значительно усиливало Черноморский флот: теперь он безусловно превосходил германо-турецкий.

Однако, другие факторы стратегической обстановки, а именно, отсутствие вблизи Босфора базы, позволяющей осуществить тесную блокаду последнего, преимущества в скорости на стороне неприятеля („Мария"—21 узел, „Гебен"—27),—были теми же, и стратегическое положение Черноморского флота при той идее кампании, которую проводил адмирал Эбергард,—осталось прежним. Как и раньше, флот продолжал свои крейсерства, с той только разницей, что теперь было две маневренных группы (1 — „Мария", 2 — старые корабли), которые чередовались в море.

Обстрелы Зунгулдака, бомбардировки Босфора, действия против торговли и Анатолийского побережья,—продолжали быть главным содержанием боевых операций русских линейных сил и миноносцев. В этих операциях они имели ряд несомненных частных успехов. Количество потопленных турецких торговых судов было очень велико (главным образом, каботажных, которых было уничтожено несколько тысяч); морские сообщения противника, как сказано, были фактически прерваны. Но основная проблема—уничтожение или тесное заблокирование судов неприятеля полученными подкреплениями—не решалась.

Положение не изменилось значительно даже и тогда, когда вступил (осенью 1915 года) в строй 2-й линейный корабль нового типа—„Императрица Екатерина II".

Содействие Черноморского флота Кавказской армии.

Гораздо большего успеха флот достиг при оказании содействия флангу Кавказской армии.

Еще в конце 1914 года был организован Батумский отряд, в состав которого вошли линейный корабль „Ростислав", миноносцы и вспомогательные суда. Он прикрывал и обеспечивал со стороны моря продвижение фланговых групп в прибрежной полосе, сбивая судовым огнем в тыл и фланг, турецкие позиции, высаживая десанты и пр., — что привело в 1916 году к занятию нами Трапезонда и дало возможность питать страдавшую от бездорожья Кавказскую армию.

Следует также отметить работу транспортной флотилии, учрежденной в предположении десанта на Босфор. Она выполнила в течение 1914—15 г.г. ряд крупных перевозок войск на Кавказское побережье и между портами Черного моря.[1]

Планы наступательных операций на Босфор, в связи с Дарданелльской экспедицией союзников.

К началу 1915 года союзниками было решено предпринять операцию против Дарданелл, для занятия проливов и Константинополя.

Приготовления, а затем и начавшаяся операция выдвинули Босфорский вопрос во всей его исторической полноте. Интересы России при этом не могли быть игнорированы; Англия, этот исконный враг России в ее стремлении к захвату Босфора, не могла, без опасения лишиться мощного союзника для борьбы с Германией, устранить Россию от участия в операции, а затем — дележе турецких владений. Не столько нуждаясь в оперативном содействии Черноморского флота, сколько заботясь о том, чтобы втянуть Россию в дальнейшее ведение войны до „победного конца", Англия сначала косвенно, а затем все с большей определенностью, возраставшей по мера неудач России на фронте и нарождавшегося стремления в ней к выходу из войны и сепаратному миру с Германией, давала новые и новые заверения в обеспечении инте-

---

[1] Вот перечень крупнейших перевозок, выполненных транспортной флотилией Черного моря:

2/I 1915 г. десант с „Березины" и „Дыхтау" на турецкие позиции у Лимана,

20/II 1916 г. высадка 2-х бтл. в тыл турецких позиций у Лизистана,

21/I 1916 г. такая же операция у Мпари,

25/III 1916 г. десант 2-х бригад пластунов в Ризе,

26/III 1916 г. переброска бригады пластунов из Ризе в Хомуркан,

30/V 1916 г. перевозка 127 дивизии в Кавала,

20/V 1916 г. перевозка в Трапезонд 123 дивизии,

20/X 1916 г. взятие Терме десантом „Святогора",

26—28/IX 1916 г. перевозка сухопутного отряда на 10 транспортах из Одессы в Констанцу,

IX—1916 г. переброска дивизии из Одессы в Сулин.

ресов России на Босфоре. Когда, под влиянием тяжелых поражений, в русском обществе и правительственных сферах сложилось сильное течение против продолжения войны (конец 1915 года), между Россией и Англией, по инициативе последней, было заключено соглашение, удовлетворявшее вожделения русских империалистических кругов. В дальнейшем оно играло роль стимула к побуждению России продолжать войну во что бы то ни стало.

Эта сложная политическая постановка Босфорского вопроса, в основе которой лежала определенная идея „подогревания" империалистических вожделений царской России, несомненно достигала своей цели.

Идея Босфорской операции захватила широкие круги, близкие к командованию. Возникла масса проектов Босфорской экспедиции, при чем многие из них, имея в основе недоверие к искренности союзников в этом вопросе, ставят его в плоскость самостоятельного шага России, крупной операции десанта, той операции, идея которой более 30 лет уже культивировалась в сознании генерального штаба и в частности на Черноморском флоте.

„Надо захватить Босфор теперь же, иначе мы его никогда не получим" — положение, общее многим проектам предлагаемой экспедиции. „Теперь и самим, ибо союзники могут обмануть"...

В связи с началом операций в Дарданеллах и постановкой вопроса о Босфоре, роль и значение Черноморского флота, как основной силы для его решения, изменилась.

Мы не можем, не рискуя выйти далеко за пределы этого сжатого очерка войны на Черном море, уделить достаточно внимания проектам экспедиции, разрабатывавшимся в штабе Черноморского флота и в ставке. Для нас важно отметить общую линию поведения, в частности черноморского командования, в этом вопросе, почему ограничимся лишь некоторыми сведениями о его течении.

„В ближайшее время—писал Янушкевич Эбергарду—предполагаются совместные действия англо-французского флота с участием их десантного корпуса против Дарданелл. Черноморскому флоту надлежит оказать возможное содействие в виде демонстрации у проливов, которая, в зависимости от достигаемого нашими союзниками успеха, может быть развита, включительно до занятия Босфора совместно с Черноморским флотом и флотом англо-французским"...

Тогда же был разработан план совместного с союзниками занятия Константинополя, при чем было предназначено для оккупации Босфора двинуть V Кавказский корпус (под. нач. ген. Истомина, в составе около 27.000 чел.).

Командующий Черноморским флотом, адмирал Эбергард, выдвинул вопрос о необходимости, в связи с предстоящими

операциями против Босфора, занятия—в качестве промежуточной для флота базы—рейда Бургаса. Но этот проект, ввиду опасения министра иностранных дел вызвать осложнения отношений с Болгарией—был отклонен. Командующему было указано, что в тот момент флоту ставилась цель не бо́льшая, оттяжка внимания турок от Дарданелл, подготовка наших будущих действий у Босфора путем вылавливания мин и бомбардирования ближайших к устью батарей, что, наконец, десантный корпус нами приготовляется лишь для оккупации условленного района Босфора, при условии, что союзниками захвачены Дарданеллы и Мраморное море, иначе говоря, когда турки уже надломлены.

Таким образом, первоначальные планы ставки в отношении Босфора не мыслились в качестве самостоятельной операции, а лишь в мере согласования ее с действиями союзников, в зависимости от успешности последних.

Черноморский флот был готов выполнить перевозку десантного оккупационного корпуса в значительно большем масштабе. Его транспортная флотилия была способна поднять значительно более крупные соединения войск, а при напряжении всех средств—армию в составе до 4 корпусов. Со вступлением в строй „Императрицы Марии", вопрос об обеспечении операций со стороны моря не возбуждал особых сомнений.

Но осуществление десантной операции в крупном масштабе не находило себе признания в ставке, не полагавшей возможным снять для этой цели войска с фронта. Кроме того, оно не встречало сочувствия у командования Черноморского флота, до сих пор избегавшего какого бы то ни было риска при ведении боевых действий.

Об отношении последнего к Босфорской операции мы можем судить по записке, поданной в октябре 1915 года флаг-капитаном по оперативной части Кетлинским, этим истинным вдохновителем планов Черноморского флота с начала войны.

В ней он утверждает, „что если проливы не будут заняты теперь, то потом нельзя будет их взять"... Что же касается способов занятия проливов, то он категорически отказывается от возможности прорыва флота через Босфор... „прорыв невозможен... высадка на месте, заранее подготовленном неприятелем, может удасться при огромных потерях и только тогда, когда высаживающиеся обладают колоссальными плавучими средствами, которых у нас нет..."

„Для правильно задуманной операции нам нужны базы. Лучшими являются Бургас и Варна. Их необходимо взять, пока не поздно..."

Самая же идея Кетлинским так формулирована: „логическим и необходимым объектом операции надо считать полный раз-

гром балканских армий врагов, для того, чтобы на их спинах ворваться в Царьград..." Указывая, что наша южная армия около 500 тыс. человек, Кетлинский пишет, что „такая армия, разбив вместе с союзниками неприятеля, окажется в это время обладающей прекрасным исходным положением (базой) для движения вперед, к Царьграду..."

Он не устраняет содействия флота и его участия, указывая, что во флоте при этом „будут потери в судовом составе, они могут настолько его ослабить, что для новой десантной операции он будет нескоро способен. Значит, и эта причина приводит к тому же—бить сразу крупными силами, бить смертным боем, чтобы разгром неприятеля открыл нам сразу заветные цели Царьграда..."

Таким образом, основная мысль командования Черноморского флота, поскольку Кетлинский таковую выражал, сводилась не к самостоятельным действиям флота, не к его решительной операции, а к стремлению „на спинах отступающего неприятеля", преследуемого нашей армией, ворваться в Константинополь, флот же будет лишь оказывать свое содействие.

Эту же идею мы видим в записке князя Романовского (пасынка вел. кн. Николая Николаевича), который, вторя Кетлинскому, агитировал за поход „через Румынию—на Софию". Таким образом, в самом командовании назревала оппозиция решительным действиям флота в направлении Босфора. Уже здесь гасилась та идея, которая, как сказано, вдохновляла все развитие Черноморского флота с самого его основания.

С другой стороны, выдвигались и противоположные проекты, а общественное мнение России ждало десантной операции, не связывая ее с событиями на фронте и не откладывая до конца войны. Усиление Черноморского флота, теперь явно и безусловно превосходившего силу германо-турок на Черном море, развитие Дарданельской операции, питали эти стремления реальной обоснованностью.

Неуспешный ход операции союзников, принужденных в конце концов ликвидировать ее, соответственно отразился и на планах русского командования.

5 ноября начальник штаба верховного главнокомандующего Алексеев телеграфирует Эбергарду: „Государь император повелел усиленно продолжать подготовку к выполнению десантной операции, придавая даже этой подготовке некоторую огласку... С другой стороны, деятельная работа в этом направлении действительно нас подготовит всесторонне к войне, когда обстановка потребует от нас производства десанта в широких размерах, чему не будет препятствовать и состояние погоды. В настоящее же время сухопутные войска, сосредоточенные в Одесском округе, будут применены на другом театре действий... Черноморский флот, выполняя свои основные,

указанные ранее, задачи, должен энергичными демонстрациями приковать внимание болгар к их Черноморскому побережью...“

В дальнейшем, и до конца войны, идея о Босфоре не сходит с очереди, но в связи с всё ухудшавшимся положением на фронте она откладывается и в конечном счете получает значение последней операции, долженствующей завершить войну на южном фронте, предупредив в том союзников.

Общая оценка действий Черноморского флота в 1915 и первую половину 1916 года. Смена адмирала Эбергарда.

Мы не будем описывать боевых операций Черноморского флота в период с лета 1915 года по 1916 год, так как изложение их слишком расширило бы рамки настоящего труда. События, важнейшим из которых явилось вступление в войну Болгарии, и вызванные этим действия Черноморского флота против Болгарского побережья, успешное содействие наступлению армии Кавказского фронта на Трапезунд, закончившееся взятием последнего, крейсерство флота и подводных лодок в море и бомбардировки Босфора и Зунгулдака—не изменили в основных чертах положения на Черном море в отношении борьбы с неприятельским флотом и обороны наших берегов. „Гебен“ и „Бреслау“, а теперь еще подводные лодки, продолжали свои крейсерства: путь их в Черном море оставался открытым; тихоходный Русский флот, хотя теперь много превосходил их в силах, не мог найти случая уничтожить или тесно заблокировать их.

Недовольство командованием Черноморского флота как в ставке, так и в обществе, достигло предела. Был поставлен вопрос о смене Эбергарда, до сих пор пользовавшегося исключительным доверием Николая II.

В цитируемом ниже докладе начальника морского штаба верховного главнокомандующего царю [1] охарактеризована деятельность командования с начала войны до середины 1916 года под углом зрения критики адмирала Эбергарда, с конечной целью убрать его, заменив выделявшимся своей энергией к.-ад. Колчаком, командующим минной дивизией Балтийского моря.

Здесь оперативные стороны Эбергарда преувеличены и изложены тенденциозно, но доклад, в целом, довольно верно отражает неудовлетворенность Черноморским флотом, демонстрируя в то же время и несостоятельность самого верховного командования, поставившего его в условия, при которых он не мог дать большего.

Русин докладывал:

„Поставленная Черноморскому флоту с начала войны задача—поддерживать господство на море наилучшим и исчерпывающим образом могла быть выполнена сосредоточением

[1] Архив Морискома, дело № 7137.

главных боевых усилий Черноморского флота против Босфора, как единственного выхода для флота противника в море...“ [1]

„...В начале войны, до вступления в строй новых линейных кораблей и миноносцев, активная деятельность нашего флота против Босфора могла почитаться спорной, в смысле возможности осуществления полной его блокады, вследствие сравнительной слабости флота и значительной его зависимости от баз. Но и в начале войны высказывались некоторыми морскими начальниками соображения о возможности поддерживать блокаду Босфора наличными силами флота при условии организации погрузки угля в море, в чем наш флот приобрел обширный опыт при неоднократных погрузках угля в океане в минувшую кампанию.“

„Командующий Черноморским флотом не счел, однако, возможным сделать этот опыт и совершенно отказался от мысли блокировать Босфор.“

„Единственные попытки к осуществлению активной операции против Босфора были сделаны в первые дни войны установкой слабого и недостаточно удачного в тактическом отношении минного заграждения.“

„И все же эти слабые и не вполне удачные попытки повели к весьма существенным результатам („Гебен“ подорвался на двух наших минах), чем была с очевидностью доказана целесообразность направления военных усилий против Босфора и слабость вспомогательных средств противника (тральщиков и дозорных судов) для борьбы с нашими заградительными операциями. Несмотря на это, с тех пор и до настоящего времени заградительные операции больше не повторялись, и весь наличный запас мин заграждения, вместо того, чтобы быть поставленным с активными целями у Босфора, как то предусматривалось планом войны, был целиком командующим флотом поставлен у наших берегов.“

„Не считая бомбардировок Босфора, которые имели демонстративную цель, единственный вид проявления деятельности нашего флота у Босфора заключался в дежурстве у него наших подводных лодок. Но это дежурство, несмотря на

---

[1] Эта задача не была поставлена категорически. Выше изложена первоначальная директива Черноморскому флоту, сводящаяся к обороне берегов от десанта, прежде всего.

Не было также вложено определенной идеи и в самый план кампании, составленный перед войной. Как известно, морской генеральный штаб предоставил составление плана полному усмотрению командования флотом. По меткому выражению В. К. Лукина, он „умыл руки“, отказавшись от постановки ему определенной задачи в сложной обстановке, предвидимой для 1914 года.

Есть основание думать, что у самого генерального штаба к этому моменту не было вполне сложенных идей о роли и задачах Черноморского флота, состав сил которого не позволял ему начать решительные операции против Босфора.

указания по этому поводу командующему флотом, было в оперативном отношении организовано неудовлетворительно и потому не дало с начала войны и до сих пор никаких результатов. Подводные лодки сменялись на дежурстве на позиции не у самого Босфора, а по возвращении с дежурства подводной лодки в Севастополь посылалась на позицию из Севастополя следующая."

„Таким образом, дежурство это периодически прерывалось, чем противник пользовался для своих выходов в море...

„Кроме того, успешность деятельности подводных лодок у Босфора была значительно стеснена тем, что вследствие неудачно поставленного нами заграждения, границы коего плохо известны до сего времени, подводные лодки держались на позиции далеко от самого устья, а потому неоднократно опаздывали атаковать входящие и выходящие суда.

„Вследствие этого, единственная систематическая операция наша, будучи с оперативной точки зрения неудачно организована, не дала никаких результатов и нисколько не способствовала поставленной Черноморскому флоту задаче поддержания господства на море.

„Отказавшись от активного и единственно целесообразного способа выполнения поставленной задачи, командующий Черноморским флотом занял оборонительное положение и приступил к разрешению задачи господства над морем пассивным путем: имеющиеся в запасе Черного моря мины были использованы для заграждения приступов к своим берегам.

„В некоторых пунктах побережья, поскольку позволял наличный запас артиллерии, были установлены батареи для предотвращения их от бомбардирования неприятелем. Крейсерство Черноморского флота в открытом море проходило в надежде на случайную встречу с противником, так как отсутствовало наблюдение, и более точных данных о его выходе в море в распоряжении командующего флотом быть не могло. Все грузовое движение по Черному морю было прекращено за невозможностью осуществления его охраны.

„Однако, в скором времени выяснилось, что прикрыть весьма значительное протяжение черноморского побережья от атак неприятельского флота, а тем более принудить его к бою в открытом море вдали от Босфора, вследствие его преимущества в скорости хода,—совершенно невозможно. Неприятельские корабли, пользуясь отсутствием целесообразной активной деятельности нашего флота и своей быстроходностью, неоднократно выходили в море, безнаказанно бомбардировали наши прибрежные города и прикрывали свой подвоз к анатолийской армии и Константинополю.

„Для пересечения этого подвоза, по директиве верховного командования, командующий флотом предпринимал периоди-

ческие операции против сообщений противника. Сообщения эти совершались в начале войны по трем главным направлениям: Босфор—побережье южной Анатолии, Босфор—угольный район для подвоза угля в Константинополь и Босфор—северо-западное побережье для подвоза военной контрабанды.

„Но каждый раз наши операции против сообщений противника были направлены не к общей для всех этих направлений исходной точке—Босфору, а к конечным их точкам, вследствие чего эти операции решающего результата не имели, и противник, хотя и ценой гибели своих пароходов, пользовался этими сообщениями до момента, пока в них не миновала надобность, вследствие занятия нами Трапезунда и соединения Константинополя с сетью железных дорог наших врагов. Каботажное же его сообщение с Константинополем продолжается и до настоящего времени.

„Поставив себе задачей действовать одновременно на трех конечных путях неприятельских сообщений, прикрывать все свое побережье и парализовать крейсерство в открытом море быстроходного флота противника, командующий флотом непроизводительно изнашивал наличный состав своих сил, ибо ряд этих задач непосилен даже флоту, значительно превышающему по своему составу настоящий Черноморский флот.

„А вместе с тем, все эти задачи сходились в одной общей точке—у устья Босфора, против которого от всяких операций командующий флотом отказался.

„Со вступлением в строй двух новых линейных кораблей и 9 нефтяных миноносцев, силы Черноморского флота увеличились в три раза, приобретая вместе с тем большую самостоятельность и меньшую зависимость от баз. Можно было предполагать, что командующий флотом, во исполнение данных флоту директив о поддержании самыми энергичными мерами господства на море, предпримет ряд систематических активных операций.

„Однако, столь значительное увеличение сил не изменило принятого командующим флотом пассивного плана ведения войны на Черном море.

„До настоящего времени главное внимание командования флотом направлено на усовершенствование обороны своих берегов, на что использованы все имеемые средства. Без определенной цели часть главных сил флота периодически продолжает крейсировать в юго-восточной части моря, подходя без нужды к берегам и подвергаясь при этом атакам подводных лодок.

„Противник же, пользуясь полной свободой выходов в море, использовал эту свободу для бомбардировки наших позиций у Трапезунда 21 марта и Евпатории 24 апреля 1916 г., а также для сосредоточения в Черном море значительного количества подводных лодок, которые наносят вред нашим

транспортам, движение которых было в начале настоящего года восстановлено.

„Удачные действия неприятельских подводных лодок, повлекшие за собой гибель уже более 10 пароходов, столь ценных, при малом их количестве для десантных операций в будущем, следует главным образом приписать нецелесообразной системе, принятой командованием для направления их плавания—движение вдоль берегов, а не открытым морем, где встреча с лодками менее вероятна.

„Свобода действий неприятельских подводных лодок, дошедшая до блокады самого Севастополя, в значительной мере объясняется отсутствием в Черном море средств борьбы с ними...“

Далее Русин посылает ряд упреков Черноморскому командованию за то, что оно, не в пример Балтийскому флоту, не заботилось о накоплении запаса мин заграждения, равно как и противолодочных сетей для борьбы с подводными лодками, объясняя недостаток в таковых главным образом отсутствием должной предусмотрительности и заботливости со стороны командующего флотом.

„Воспользовавшись отсутствием всяких препятствий и наблюдений с нашей стороны у Босфора, „Гебен“, об окончании ремонта коего за последнее время стали поступать агентурные сведения, беспрепятственно вышел в море, совместно с „Бреслау“, появившимся еще 18 июня вблизи Дуная, о чем командующему флотом было известно, бомбардировали 21 июня наше побережье и у Туапсе и Сочи, утопили три наших парохода.

„Стратегическая обстановка, в коей протекала эта операция противника, была для нас исключительно благоприятна. Такого случая не дать противнику вернуться в Константинополь за все время войны до сих пор ни разу не представлялось.

„Крейсеры появились в 4 часа дня 21 у берегов Кавказа в таком удалении от Босфора (480 миль), что не могли туда возвратиться раньше вечера 22 июня. Таким образом, вследствие столь рискованного со стороны противника образа действий, в распоряжении командующего флотом для преграждения ему возвращения в базу было более, чем 24 часа времени.

„В момент появления неприятеля у берегов Кавказа, дислокация нашего флота была следующей: в Севастополе был сам командующий флотом с линейным кораблем „Императрица Екатерина II“ с тремя нефтяными миноносцами и минным заградителем, в море вблизи Севастополя был линейный корабль „Императрица Мария“ с тремя нефтяными миноносцами; остальные части флота были в юго-восточной части моря.

„В то время, когда противник был от Босфора в расстоянии 480 миль, лучшая часть флота с самим командующим находилась в Севастополе, в расстоянии 270 миль от Босфора,

следовательно командующий флотом имел достаточно времени, чтобы сосредоточить главные силы к Босфору раньше возвращения к нему противника. При этом к Босфору могли свободно подойти не только линейные корабли, но и сравнительно тихоходные заградители и даже 3 миноносца, бывшие в море с „Императрицей Марией", могли вернуться в Севастополь, принять мины заграждения и соединиться с флотом своевременно у Босфора.

„Следовательно, у Босфора могли быть сосредоточены два линейных корабля, 5 миноносцев с 350 минами заграждения, две уже бывшие там подводные лодки и даже минные заградители...

„В действительности же вышел в море линейный корабль „Екатерина II" (без заградителей и без мин заграждения на миноносцах), только через сутки после появления „Гебена" у берегов Кавказа, в то время, как последний уже подходил к Босфору..."

Доклад заканчивается следующими словами: „Такое состояние оперативного руководства Черноморским флотом, отразившееся на всех операциях флота за время войны, и отсутствие заботы и предусмотрительности в деле создания боевых запасов и поддержания боевой готовности судов, дает основание предполагать, что настоящее командование Черноморским флотом не в состоянии выполнить высочайше преподанной директивы и сколько нибудь удовлетворительно к ней подготовиться, о чем приемлю долг донести..."

Доклад этот сопровождался разбором нескольких операций Черноморского флота, при чем был собран весь материал для аргументации непригодности адмирала Эбергарда к роли командующего флотом. Между прочим, было приложено письмо известного общественного деятеля и ученого Семенова Тянь-Шаньского морскому министру, где он выражает недовольство общественных кругов России деятельностью Черноморского флота, который, несмотря на значительное превосходство в силах, не мог обеспечить безопасности от все повторяющихся бомбардировок черноморского побережья...

В результате, адмирал Эбергард был убран и сменен Колчаком.

Приведенный выше доклад начальника морского штаба ставки, адмирала Русина, может быть сопоставлен с подобным же докладом о смене командующего Балтийским флотом адмирала Канина.

Обоим командующим вменялось в вину, главным образом, отсутствие энергии и инициативы, недостаток активности, прежде всего.

Многие действия командующего Черноморским флотом ни в какой мере не могут быть оправданы, так как факты— а их много—говорят сами за себя.

Но находим ли мы в этом докладе что-либо, кроме общего раздражения отсутствием крупных успехов Черноморского флота? Единственное указание, имеющее стратегическое значение, это ссылка на недостаточное заминирование Босфора, на употребление минных запасов для оборонительных целей в ущерб активному их использованию. Но не сама ли ставка муссировала вопрос об опасности турецкого десанта на Одессу, не спешила ли она каждый раз „предоставить действовать по усмотрению“, когда требовалось дать определенную директиву, хотя бы о том же минировании Босфора?

Деятельность Черноморского флота под командой адмирала Колчака.

Новому командующему флотом была дана следующая директива:

1) Поддерживать господство на море, принимая все меры к воспрепятствованию судам противника выхода в Черное море и прекращению деятельности его подводных лодок.

2) Содействовать боевым операциям частей Кавказской армии, действующих в Приморском районе.

3) Обеспечить оборудование продовольственной базы и дальнейший подвоз морем всех видов запасов к частям Кавказской армии, действующим как в Приморском районе, так и на других направлениях, в согласии с соображениями главнокомандующего Кавказской армии.

4) С началом военных действий Румынии в союзе с нами, прикрывать ее побережье и в частности порт Констанцу, принимая меры к возможному содействию операциям наших войск в прибрежном районе западной части Черного моря.

5) Содействовать средствами транспортной флотилии, в наибольшем возможном размере, перевозке грузов по Черному морю для потребностей обороны и войск юго-западного края.

6) Содержать в постоянной готовности отряд транспортов для перевозки одной пехотной дивизии и одной артиллерийской бригады.

7) Подготовить и развить к весенней кампании 1917 года транспортные и десантные средства Черноморского флота для осуществления самостоятельной десантной операции на побережьи, занятом противником, армией в 3 — 4 корпуса, при чем желательно достигнуть возможности поднять и высадить одновременно наибольшее количество войск и, во всяком случае, не менее трех пехотных дивизий и трех артиллерийских бригад с их обозами“.

Эта директива лишь немногим отличалась от тех, которые получал адмирал Эбергард, по существу подтверждая уже имевшиеся.

Адмирал Колчак начал свою деятельность чрезвычайно энергично. Все его оперативные устремления были, прежде всего, обращены в сторону Босфора, на заграждение минами

выходов из него. Заградительные операции были начаты сразу и в большом масштабе. Нижеследующая таблица, дающая сводку минных заграждений, поставленных на Черном море втечение войны, дает характерное представление об интенсивности этих операций, начиная со дня вступления командования адмирала Колчака.

Заградительные операции русского флота на Черном море в мировую войну.

Места постановки	Время 1914/15 г.	Кто ставил	Число мин
Босфор	22/X 1914 г.	4 миноносца.	240
Трапезунд, Платана, Самсун, Унис	5/XI 1914 г.	2 заградителя.	400
Босфор	7/XII 1914 г.	4 заградителя.	760
Зунгулдак	12/XII 1914 г.	4 брандера.	—
Босфор	29/VI 1915 г.	Подводная лодка.	40
Босфор	18/VII 1916 г.	Подводная лодка.	40
"	21/VII 1916 г.	4 миноносца.	240
"	23/VII 1916 г.	4 "	240
"	26/VII 1916 г.	4 "	240
"	29/VII 1916 г.	2 "	120
"	7/VIII 1916 г.	2 "	120
"	25/VIII 1916 г.	3 "	180
"	27/VIII 1916 г.	3 "	180
"	2/IX 1916 г.	Подводная лодка.	40
"	3/IX 1916 г.	5 миноносцев.	300
"	10/X 1916 г.	Заградитель.	220
Варна	26/X 1916 г.	"	220
"	6/XI 1916 г.	"	220
Констанца	14/XI 1916 г.	2 миноносца	120
Босфор	17/XI 1916 г.	"	120
"	20/XI 1916 г.	"	120
Констанца	4/XII 1916 г.	Заградитель.	220
Босфор	5/XII 1916 г.	3 миноносца.	100
Варна	12/XII 1916 г.	Заградитель.	220
Босфор	5/I 1917 г.	"	460
"	5/V 1917 г.	4 брандера.	240
"	13/V 1917 г.	"	240+180
Зунгулдак	3/VI 1917 г.	4 катера.	40
Босфор	5/VI 1917 г.	4 "	40
"	12/VI 1917 г.	4 заградителя.	880
"	7/VII 1917 г.	2 тральщика.	440

При этом все внимание устремляется на постановку активных заграждений, но не на внутренние, у своих берегов.

Это видно из следующих цифр.

Поставлено мин:

	у своих берегов:	у неприятельских берегов:
1914 г.	4.740	1.400
1915 г.	—	40
1916 г.	—	3.080
1917 г.	—	2.420
	4.740	6.940

Колчак очень скоро добился того, что „Гебен“ и „Бреслау“ более в море не выходили.

Другая задача—содействие Кавказской армии—протекала с прежним успехом. Дело это было привычное для флота, и хорошая организация транспортной флотилии легко справлялась с требованиями, предъявлявшимися армией к перевозкам.

В последующем, операции по содействию армии приняли более широкий масштаб, так как флот принял участие в обороне Дуная и Румынского побережья, в частности — Констанцы.

Таким образом, Колчак быстро успокоил общественное мнение и ставку: надежно завалил Босфор минами. В остальном же, несмотря на несомненно выдающуюся свою энергию, он не принес с собой ничего существенно менявшего то направление, в каком деятельность Черноморского флота протекала до сих пор.

Решительная операция, главная операция Черноморского флота — Босфорская, предпринята не была, и дальнейшая роль флота свелась к выполнению операций вспомогательного значения.

Береговая оборона Черноморского побережья.

Помимо крепостей Севастополя, Очакова и Батума, на Черноморском берегу был установлен в разных местах ряд батарей, имевших значение охранных для противодействия открытым нападениям легких сил неприятеля. Число орудий и места установок показаны на след. таблице:

Схема № 20.

МЕСТО УСТАНОВКИ	Число орудий	Калибр
1. Жебрияны	2	3″ полев.
2. Одесский район	6	6″ морт.
	8	6″ 190 п.
	4	6″ 120 п.
	2	6″ Кане
	4	57 *мм*
	2	3″ полев.

Схема N 20.
Вооружение прибрежных батарей
Черноморского
театра к 1917-му году.
Азовское море.
Черное море.
Анатолия
14-6"
6-6" морт
Одесса
Очаков
Хорли 2-4"
Джарылгач 2-4
Жебрияны 2-3"
Ак Мечеть 2-3"
Караджи 2-6"
Евпатория 2-6"
Керчь
4-9"
Феодосия
Судак
2-3"
2-120мм
Хаул
2-6"
Севастополь
Ялта 4-4"
Кустендже
(Констанца)
Варна
Новороссийск 2-6"; 8-3"
Туапсе 2-6", 4-3"
Хости 2 6"; 4-3"
Сочи 2-3"
Гагры 2-3"
Гудаут 2-3"
Н. Афон 2-6"
Сухум-Кале 2-6"; 4-3"
Поти 2 6"; 4-3"
Батум
Трапезонд
Синоп
Босфор
КОНСТАНТИНОПОЛЬ

МЕСТО УСТАНОВКИ	Число орудий	Калибр
3. Очаковский район — вооружение крепости		
4. Тендра	2	4″ бат.
5. Джарылгач	2	4″ бат.
6. Хорли	2	4″ бат.
7. Ак Мечеть	2	3″ полев.
8. Какраджи	2	6″ Кане.
9. Евпатория	2	6″ 190 пуд.
10. Севастополь — вооружение крепости		
11. Ялта	4	4″ бат.
12. Судак	2	3″ полев.
13. Двуякорная бухта	2	120 *мм*
14. Феодосия	4	3″
15. Хаул	2	6″ 190 п.
16. Керчь	4	9″ 67 г.
17. Новороссийск	2	6″ Кане.
	8	3″ полев.
18. Туапсе	2	6″ Кане.
	4	3″ полев.
19. Хости	2	6″ 190 п.
	4	3″ полев.
20. Сочи	2	3″ полев.
21. Гагры	2	3″ полев.
22. Гудаут	2	3″ полев.
23. Новый Афон	2	3″ полев.
24. Сухум	2	6″ Кане.
	4	3″ полев.
25. Поти	2	6″ 190 п.
	4	3″ полев.

Заключение. Если мы посмотрим на кампанию в Черном море 1914—16 гг. в перспективе трех изложенных морских войн, то нам придется отметить особенность, выделяющую именно эту кампанию среди других.

Ни в Крымскую, ни в Русско-Японскую и ни в Мировую войну на Балтийском море, Россия не имела основного условия, которое ставится, так сказать, венцом морской стратегии; она не обладала морем, господство на котором принадлежало противнику. Исходные данные этих кампаний были таковы, что русский флот не мог поставить себе задач больших, нежели оборона против неприятеля, превосходством ли сил или же более искусной стратегией державшего море, в широком смысле этого слова, в своих руках.

Втечение описанной кампании на Черном море преимущество в силах, в особенности после вступления в строй первых дредноутов, было на нашей стороне, и морем, хотя и условно, владели мы. Экспедиции „Гебена“ и „Бреслау“, в стратегическом смысле, имели ничтожные материальные результаты, и часто урон, принесенный их бомбардировками, не превышал стоимости угля, затраченного ими на переход. Они не препятствовали Черноморскому флоту выполнять

задачи, которые на него возлагались ставкой—содействие операциям армии на Кавказском фронте (позже в Румынии и на Дунае), перевозки по морю, и в полной мере страхование безопасности побережья от крупных десантных операций противника.

Ошибки, которые были допущены командованием в отношении недостаточно энергичной борьбы против „Гебена", дурная организация службы подводных лодок, цикл бездарных „Зунгулдакских" операций и пр. не меняли дела в основном, ибо несомненно мы, повторяю, владели морем.

Но Эбергард не мог поставить себе целей больших, нежели те, которые допускались имевшимися у него средствами. Он выполнял то, что ему приказано: усердно, но неудачно гонялся за „Гебеном", уничтожал торговые суда, пытался блокировать Босфор и пр. Крупных результатов он достичь не мог.

Явное превосходство в силах на стороне нашего флота, наряду с ничтожностью результатов, не могли удовлетворить ни высшее командование, ни общественное мнение.

Не удовлетворяли они также самих моряков.

Чувствовалось всеми, что обстановка допускает более широкие возможности, что задачи, выполняемые до сих пор Черноморским флотом, не исчерпывают их, что самый факт господства нашего на море должен быть шире и более плодотворно для хода всей войны использован нашим флотом.

Это обусловило чрезвычайно тяжелую атмосферу в отношениях к командованию Черноморским флотом как со стороны ставки, так и со стороны рядовых начальников, не видящих оформления своего активного порыва в операциях крупного стратегического значения.

Но высшее командование не ставило флоту новых задач, его директивы не шли дальше подтверждения необходимости бороться за господство на море, хотя таковое фактически было достигнуто с самого же начала. Оно так же, как и в отношении Балтийского моря, повидимому, считало, что сам командующий флотом должен найти себе задачи активного характера, что причиной всему недостаточная его энергия. Эбергарда убирают. Назначают несомненно энергичного Колчака, который в первые же дни заваливает минами Босфор и ставит этим точку над i, в смысле окончательного закрепления за нами господства на море, которое по существу, как сказано, и ранее уже принадлежало нам.

Что же дальше? Колчак проявил требовавшуюся энергию, но по существу положение осталось прежним, и деятельность флота пошла по тому же пути, как и ранее, т.-е. в частных, вспомогательного значения, операциях по поддержке флангов армий, перевозке войск, бомбардированию прибрежных пунктов и пр.

Это все были важные, но небольшие в своем значении для хода войны эпизоды.

Между тем, именно на Черном море перед русской стратегией открывались исключительные горизонты—в направлении на Босфор, занятие которого могло оказать громаднейшее влияние на ход войны. К Босфору неизменно устремляется мысль всех инстанций командования, начиная от ставки и кончая командирами кораблей, не говоря уже о вожделениях империалистически настроенных общественных кругов. Вопрос о Босфоре все время стоит на очереди, но ни разу он не был поставлен вполне реально, ни разу не хватило у высшего командования решимости приступить к осуществлению этой, почти столетие подготавливавшейся, операции.

Как только, силою событий, он выдвигался на очередь, то начинались робкие и неуверенные приготовления, дальше которых не шли. Собранные войска получали другое назначение на фронте; пользуясь каждым удобным случаем, операция откладывалась ставкой на последующее время и в конце концов она была отложена на последний план: после того, как кампания будет выиграна на сухопутном фронте.

Не только высшее сухопутное командование не было склонно к этой операции, не слишком сочувствовал ей и Эбергард, всегда находивший предлоги к отодвиганию ее на неопределенное будущее.

Таким образом случилось, что единственная действительно крупная морская операция десанта на Босфор, не нашла признания и осталась неосуществленной.

Причину этому мы видим, прежде всего, в том узко-сухопутном характере русской стратегии, который был ей присущ втечение всех кампаний, охваченных настоящим исследованием. Для нее не существовало морских направлений; она предпочитала решать главные операции войны только и исключительно на сухом пути, игнорируя те возможности, которые представлялись на море.

Эта стратегия не ставила нашему, владевшему Черным морем, флоту задач больших, нежели оборона берегов и некоторое содействие прибрежным частям сухопутной армии, вследствие чего флот наш и здесь оказался не в полной мере использованным.

Что касается морской стратегии, то основная проблема ее—владение морем—была достигнута, потом—она умывала руки, дальнейшее уже не укладывалось в пределах ее стремлений.

Таким образом, и в этой кампании на Черном море мы видим ту же характерную для прошлых войн черту—отсутствие определенных идей об использовании флота для крупных стратегических целей войны, не смотря на исключительно благоприятную, не в пример другим кампаниям, обстановку для Черноморского флота в Мировую войну.

Общее заключение.

Заканчивая исследование, необходимо поставить вопрос: какие же практические указания в деле морской обороны берегов дает опыт рассмотренных войн царской России?

Почти конспективное изложение, не слишком углубленный разбор последних, не дают основания резюмировать этот опыт выводом о стратегическом, а тем более тактическом построении операции морской обороны. Мы можем сделать заключение лишь о некоторых, с нашей точки зрения главных, факторах, имевших доминирующее значение в историческом прошлом.

1) Важнейшим фактором, предопределявшим обычно неудачное решение русской морской обороны, было отсутствие единства взглядов со стороны военного и морского ведомств на существо этой операции.

Каждое из них подходило со своей точки зрения к проблеме морской обороны и каждое по своему решало свою задачу. Вследствие этого, оборона берегов никогда не ставилась, как единая операция, т.-е. осмысленная одной идеей, построенная по единому плану, при теснейшем взаимодействии всех сил, в ней участвующих, и влитая в твердые организационные формы; она всегда представляла компромисс, в своей основе не имевший прочного фундамента.

Армия, флот, приморские крепости—ни в отношении подготовки, ни в отношении боевого их участия в обороне берегов, не выступали единой силой, не будучи в состоянии согласовать свои действия, объединенные только в конечной цели, но не в путях к ее достижению.

Установление единого командования не давало гарантий согласованности, так как этому не было предпослано общих идейных оснований. Внешнее подчинение не устраняло глубоких внутренних противоречий.

Эти противоречия не могут быть объяснены недостаточным знакомством с другим родом оружия или ведомственными трениями, при старом режиме неустранявшимся даже перед лицом врага. В основе их лежали две различных идеологии—морская и сухопутная, сложившиеся исторически, под влиянием своеобразных условий путей развития армии и флота царской России, расколовшихся очень скоро после Петра I.

Свое оформление эта рознь получила в военной науке, принявшей ведомственный характер.

В вопросах, требующих одновременного участия армии и флота, в данном случае в вопросе об обороне берегов, отсутствие единой мысли являлось обычной причиной их неудачного решения.

2) Видом обороны берегов, к которому тяготела морская мысль—являлась активная их оборона—путем ли

боевых действий непосредственно против неприятельских берегов, в стремлении захватить исходные районы, откуда враг мог угрожать нашему побережью (проливы), или же в виде действий против флота противника в открытом море.

Однако, активная оборона, за исключением отдельных эпизодов в общем ходе истории рассмотренных кампаний (таким эпизодом была кампания 1914 г. на Балтике), постоянно оказывалась несостоятельной в условиях действительности.

В одном случае—недостаток средств, в другом—необорудованный театр, несоответственное расположение баз и их дурная защита, в третьем—отсутствие активного импульса у командования и сложенных идей об использовании флота для этой цели—все это приводило к тому, что активная оборона не удавалась, и идея ее под влиянием тех или других условий гасла.

Среди причин, определявших невозможность приложения принципа активности в деле обороны, приходится в первую очередь отметить отсутствие разработанности самой идеи активной обороны, каковая обычно мыслилась лишь в виде общего устремления, не подкрепленного разработанным планом ее выполнения, ни соответственной подготовкой флота и театра—во всех отношениях. Это приводило к тому, что в сложной обстановке войны она оказывалась практически неприменимой.

Опыт изложенных войн учит, что необходимой предпосылкой к активной обороне является тщательная и планомерная подготовка, чтобы создать условия, при которых флот мог быть применен активно; что здесь мало утверждения необходимости наступательных действий, мало порыва, который может остаться без приложения, если неясна цель, отсутствует план, несоответственны рессурсы и подготовка.

Процесс потери активной идеи в морской обороне наглядно иллюстрируется историей последних кампаний царского флота. Здесь видны данные, которые приводили к отказу от нее.

Это должно быть учтено при использовании боевого опыта, ибо иначе идея активной обороны, очевидная сама по себе, может оказаться нежизненной и приведет, как приводила не раз, к отказу от использования флота в море вообще и к обращению его средств на усиление местной обороны отдельных пунктов.

3) Ни в одну из рассмотренных кампаний оборудование театра военных действий не отвечало требованиям, которые к нему предъявлялись с точки зрения общей операции обороны берегов. Наши приморские крепости были всегда недостаточно оборудованы, при чем самый план их расположения, равно как и вооружение, обычно не были сообразованы ни с планом кампании на море, ни с развертыванием сухопутной армии.

Такое состояние театра являлось свидетельством отсутствия вполне сложившихся идей и разработанных планов морской обороны.

Не было *сознания* всей важности значения хорошо оборудованного театра. Иначе нельзя объяснить постоянную бедность в этом отношении, в то время как на армию и флот отпускали большие средства.

Приморские крепости находились как бы на стыке двух ведомств—военного и морского, чуждыми тому и другому. Задания к ним зачастую были противоречивы и неясны. Вооружение, оборудование и подготовка не отвечали действительным требованиям.

Крепостями мало интересовались в мирное время, так как армия возлагала надежды на маневренные операции на сухопутном театре, а флот рассчитывал вести активную оборону, борясь за обладание морем.

Но когда, силою военных событий, роль крепостей и оборудования театра вообще становилась очевидной, а дефекты их грозили тяжелыми осложнениями, то рядом запоздалых мер, дорогой ценой (в Севастополе—ценой существования флота) торопились их привести в надлежащее состояние.

Каждая война подтверждала этот урок предыдущей, и каждую войну начинали с необорудованным театром и дурно вооруженными крепостями.

4) Никогда в царской России не было постоянного учреждения,[1] которое имело бы своей обязанностью следить, направлять и непосредственно руководить созданием, подготовкой и разработкой средств морской обороны и планов ее, в их целом. Оборона берегов как в идейном, так и в материальном смысле, ковалась в разных мастерских. Отдельные части не были согласованы и притерты: не приходится и удивляться, если этот сложный механизм работал обычно очень плохо.

---

[1] Совет Государственной обороны 1906 г. нельзя считать таким связующим учреждением, ибо функции его были слишком общи; деятельность же—неплодотворна.

Материалы и источники.

А. Зайончковский.—Восточная война 1853—56 гг.

А. Лихачев.—Очерк действий Черноморского флота в 1853—54 г. (Военный сборник 1902 г.).

Истомин.—Балтийский флот 50 лет назад (Морск. Сб. 1905 г.).

А. Лебедев.—Русский флот в царствование Николая I (История Р. Армии и Флота).

Отчет в. к. Константина Николаевича к 25-летию царствования Александра II.

Аренс.—Действия флота в войну 1877—78 г.

Н. Кладо.—История Военно-Морского искусства (1910 г.).

Леер.—Стратегия, ч. III.

Дегу.—Прибрежные операции.

А. Штенцель.—История войн на море.

История Русско-Японской войны на море. Изд. Морск. Ген. Штаба.

Документы Русско-Японской войны на море. Изд. Морск. Ген. Штаба.

Описание военных действий на море в 37—38 г.г. Мейдзи.

Н. Новиков.—Хронологический перечень действий 2-й Тихоокеанской эскадры.

А. Виноградский.—Обстановка перед Русско-Японской войной (История Армии и Флота).

А. Свечин.—Военные действия в Манчжурии (там же).

Ф. Булгаков.—Порт-Артур.

Г. Романовский. — Оборона крепости Порт-Артур (История Армии и Флота).

История Кронштадтской крепости.

Зайончковский.—Мировая война.

Зайончковский.—Подготовка России к мировой войне (планы войны).

Фирле.—Война на Балтийском море. Т. I (перев. с немецкого).

Сборники Военно-Морской Исторической комиссии №№ 1 и 2.

Трейдлер.—Оборона береговых крепостей, портов и прибрежий.

Шельтинг.—Боевые действия в Рижском заливе 1914—16 г.г. (Морск. Сборник).

Малинин.—Линейный корабль „Слава“ в Мировую войну. (М. Сборник. 1925).

Е. Адамов.—Босфор и Дарданеллы.

Неизданные монографии из портфеля Морск. Ист. Комиссии:

Ренгартен.—Дневник мировой войны на Балтийском морском театре.

Развозов и Кукель.—Справочник—дневник войны на Балтийском море.

Н. О. Эссен.—Дневник.

П. Гельмерсен.—Заградительные операции у германского побережья.
Е. Винтер.—Ожидание боя на Центральной позиции.
Эмме.—Военные действия на Балтийском море с начала войны до сентября.
В. Лукин.—Справочник—дневник войны на Черном море.
Его же.—Заградительные операции на Черном море.
Его же.—Заметки о боевой деятельности Черноморского флота.
Эймонт.—Действия Балтийского флота на торговых путях.
Кимбар.—Минные заграждения, поставленные на Балтийском театре в 1914—17 г.г.
Н. Данилов.—Смешанная операция в Рижском заливе в июне—августе 1916 г.
А. Колтовской.—Береговая оборона Балтийского моря во время Мировой войны.
А. Гарсоев.—Заметки по поводу действий русских подводных лодок.
Е. Шведе.—Операция заграждения Ирбенского пролива.
Рыбаков.—Период пассивной обороны.
Г. Оленев.—Операции против германской торговли на Балтийском море.
Дела архива Морискома.

